

Оливье Револь

Ничего страшного: неуспеваемость излечима!

«Ничего страшного: неуспеваемость излечима!»: Ломоносовъ; Москва; 2009
ISBN 978-5-91678-009-3

Аннотация

Книга детского психиатра Оливье Револя рассказывает о том, как адаптировать к школе детей, страдающих школьной фобией, испытывающих трудности в обучении чтению и формировании словарного запаса, усвоении правил орфографии, склонных к гиперактивности. Написанная на основе богатого личного опыта, просто и доходчиво она содержит множество полезных советов и адресована прежде всего родителям и педагогам.

Предисловие

Элиотт, Малик, Антуан и другие реально существуют, я с ними со всеми знаком.

Я только изменил имена, чтобы сохранить тайну этих ребят — обычных ребят, всего лишь страдающих «школьной болезнью» — неприятием школы или хронической неуспеваемостью..

Пройденный ими путь весьма показателен. Рассказ о нем поможет не только отчаявшимся родителям, но также братьям, сестрам, другим родственникам и всем, кто стремится, чтобы школьные годы близкого человека перестали быть непрерывным

кошмаром. Чтобы они могли приносить радость. Чтобы радостно стало учиться, играть, взрослеть.

Невозможно было бы столь внимательно изучить наших юных пациентов без помощи целой команды — патронажных сестер, психологов, физиотерапевтов, методистов, которых я хотел бы поблагодарить за их работу. Каждое мнение и наблюдение учитывается в ситуации, когда надо все увидеть, все понять и сделать все, что в наших силах.

И тогда школьная неуспеваемость перестанет быть приговором.

Часть I. Школьная болезнь

Доктор, я не могу больше ...

Понедельник. 10 часов утра.

Звонит телефон. И понеслось — два часа непрерывных звонков.

Родители, учителя и врачи, которым нужно со мной поговорить, всегда могут позвонить. Как правило, я с ними не знаком. Им нужно мое мнение, совет, или же они хотят что-то обсудить. Совместно принять срочное решение. Эти разговоры ценны для обеих сторон. Они дают возможность разрешить самые неотложные вопросы, облегчить душу, вновь обрести уверенность. Они позволяют сохранить связь с моими пациентами, за судьбой которых я продолжаю следить. Избавляют от долгих поездок тех, кто далеко живет. А иногда — смущают меня и переполняют чувствами. Так бывает, когда я слышу детский голосок, который называет свое имя и сообщает: «Слушай, можешь быть доволен, у меня теперь хорошие отметки...»

Подобные консультации на «горячей линии» — моя идея, и я горжусь ей. Пусть многое не успеешь за два часа, пусть это капля в море неиспользованных возможностей и безмерных ожиданий...

На другом конце провода раз за разом прокручиваются фрагменты живой жизни. В одних голосах слышится гнев, в других огорчение. Голоса рассказывают. Усталость, безысходность — не жизнь, а каторга... Иногда наоборот, голоса исполнены радости. Найден выход, принято верное решение, появился прогресс. Эти голоса, от самого унылого до самого бодрого, дают силы для дальнейшей работы, увлекают меня и волнуют. Годы напролет по понедельникам, с 10 до 12, я говорю с ними — и тем не менее они не перестают удивлять. Так начинается моя рабочая неделя. И эти два часа священны для меня.

«Доктор, у Кевина в подготовительном классе дела пошли просто ужасно. Учительницу раздражает, что он такой возбудимый и неусидчивый. Нас с отцом уже два раза вызывали в школу. Она хочет показать его школьному психологу перед осенними каникулами. Что нам делать?»

«Доктор, Аурелия не хочет больше ходить в школу. Каждое утро она жалуется на боли в животе. Говорит, что ей стало трудно учиться. В начальной школе все было нормально. Вы можете нам помочь?»

«Доктор, я не могу больше... Моего сына Оскара в который раз выгнали из школы, я уже не знаю, куда его определить. Никто не хочет с ним заниматься, потому что он и пальцем не желает шевельнуть. С его способностями он вполне мог бы нормально учиться... Я уже обежала несколько врачей, они ничего толком не сказали, может быть, вы поможете?»

Мне трудно вот так сразу успокоить этих мам, я пытаюсь дать им какие-то общие рекомендации до того, как увижу их на приеме. К сожалению, им придется подождать: очередь на несколько недель. Длинные списки ребят, у которых проблемы со школой... Груда медицинских карт, заполненных со слов родителей... Родителям не позавидуешь — перед их детьми одна за другой закрываются двери разных учебных заведений, и в отчаянии они уже готовы обратиться к врачу. Они умоляют сделать хоть что-нибудь. Даже госпитализировать, если нужно.

Иногда в непрерывной череде звонков — за два часа примерно около двадцати — проскальзывает добрая весть.

«Она стала менее импульсивной, пытается контролировать себя, у нее постепенно улучшаются оценки, нет, не зря она пила то лекарство, что вы ей прописали. Возможно, без него ей не справиться было с учебой».

Я всегда смотрю тетради моих маленьких пациентов. Кривая их отметок часто соответствует кривой их психического здоровья. Можно выразиться так: «порядок в голове — порядок и в школе».

«Лукас пока еще несколько рассеян и по-прежнему немного медлителен, но учится гораздо лучше, я пришлю вам копию его дневника».

С согласия родителей мне звонит директриса школы, где учится Матильда: «Меня беспокоит поведение Матильды. Она держится особняком, тревожится по любому поводу, она в себе не уверена. Я волнуюсь, удастся ли ей перейти в старшую школу. И вот в чем вопрос: не стоит ли ей выбрать профессионально-техническое училище?»

Мне нравится общаться с преподавателями. Их мнения и замечания необходимы для постановки диагноза. Они тоже часто прислушиваются к моему мнению — в частности, когда я прошу не оставлять ученика на второй год из медицинских соображений. Если, конечно, они понимают, зачем это нужно. В противном случае приходится долго и тщательно растолковывать им мои выводы.

Бывают и рецидивы. У детей, с которыми я работаю, хрупкая душевная организация, они нуждаются в поддержке на каждом важном этапе школьного обучения.

«Доктор, вы видели моего сына несколько лет назад, у него были проблемы в подготовительном классе. В начальной школе все было хорошо, а в средней опять началось... Я не понимаю, что происходит, он все делает кое-как и не может вписаться в школьный ритм».

Я отлично помню Янника — беспокоен и тревожен, но уж в средней школе точно способен учиться. Записываю его пораньше, между двумя пациентами. Совершенно необходимо с ним поговорить.

Терапевты и педиатры — внимательные наблюдатели, часто их замечания имеют первоочередную важность: «Привет, Оливье, у меня появился маленький пациент, который явно нуждается в твоей помощи. Я осмотрел Диего по просьбе его матери, поскольку в подготовительном классе собираются выдворить его вон. Мне непонятны его вспышки гнева и агрессия по отношению к одноклассникам: он постоянно кусает их. Я думаю, что этот случай скорее из твоей области. Можешь мне помочь?»

И логопеды — тоже неоценимые помощники: «Здравствуйте, тут у меня Тибо, занятия по поводу дислексии. Что-то он буксует на месте, никакого прогресса, и учительница говорит, что он читает хуже прежнего. Может, там еще какая-нибудь проблема... Что вы можете сказать по этому поводу?»

Настоящий аншлаг начинается в конце года: «Доктор, это срочно. Общее собрание состоится в понедельник. Как вы считаете, Хьюго стоит оставить на второй год или мне надо настаивать на переводе?»

«Ланселота не перевели в следующий класс. Очевидно, они не поняли, как он старался. Комиссия вновь собирается в четверг, вы можете прислать мне письмо, где бы объяснили причину его школьных затруднений?»

«Доктор, моя дочь через год должна была бы закончить школу, но дела у нее совсем плохи. В школе мне говорят, что хорошо бы ей остаться на второй год, у нее низкий уровень знаний. Мне говорили еще, что можно проверить ее интеллект, вы могли бы посоветовать, куда мне обратиться?»

Это тоже наша задача — отвечать на конкретные вопросы, давать адреса, контакты с организациями, предлагать специализированные учреждения — открывать двери там, где родители видят только глухую стену.

Иногда достаточно одного телефонного разговора, чтобы разобраться с проблемой,

которая представляется родителям неразрешимой. Чтобы определить, что родители делают из мухи слона, и быстро ликвидировать источник беспокойства.

«К 17 часам Максим начинает нервничать, затем его беспокойство нарастает и он начинает торговаться, пытаясь отдалить отход ко сну. Это мешает ему делать уроки. В кровати он никак не может заснуть, утром его не добудешь в школу, он измучен и не высыпается...»

Я знаком с Максимом уже год. Проблемы со сном связаны с его тревожностью, их легко можно урегулировать за несколько дней. Я предлагаю папе этого восьмилетнего мальчика несколько простых советов: проводить ребенка до кровати, посидеть с ним пять-десять минут, поскольку ему надо выговориться, поведать все свои «заботы» Потом дать ему подсахаренной воды с апельсиновым цветом и объяснить, что этот сироп помогает от бессонницы. В комнате нужно оставить ночник и, закончив ритуал, твердо, очень твердо сказать: «Теперь пора спать. И точка».

— И держать меня в курсе дела.

Полдень. Голова все-таки кругом идет от этих звонков. Я направляюсь в неврологию Лионской больницы — пятью этажами выше. На нашем жаргоне это называется «отделение 502». Да, часто для того, чтобы вылечить неуспеваемость, достаточно консультации. Но в особо тяжелых случаях необходима госпитализация.

Обитатели отделения 502

Каждую неделю двенадцать-пятнадцать детей поступают в наше отделение детской нейропсихиатрии на госпитализацию с целью уточнения диагноза. Случаи попадаются трудные — но безнадежных не бывает. Всегда можно найти решение. Ведь у изголовья наших маленьких пациентов с их школьными проблемами стоит вся наша команда специалистов, плечом к плечу сражаясь за положительный результат. И это малая толика, которую мы можем сделать для измученных родителей, испытавших уже все варианты и надеющихся на последний шанс.

Я шагаю по пустынным коридорам отделения 502. Все дети на завтрак. Сквозь стекло столовой я наблюдаю за ними. Они сидят за столиками: детские личики, встревоженные взгляды, некоторые прячут глаза; младшие — растеряны, подростки — не пытаются скрыть скуку.

Им от трех до шестнадцати, они не совсем понимают, что с ними происходит, и оттого постоянно начеку. Как туристы в семейном пансионе, они сбиваются в кучки по интересам. Самые подвижные и активные держатся вместе. Это совершенно естественно — «трудные» дети понимают друг друга, у них появляется некое «чувство локтя».

Белые халаты их не очень-то впечатляют. Я заметил нескольких ребят, явно настроенных поразвлечься. Что им больница! Все лучше, чем школа. «Старенькие» показывают новичкам, кто в доме хозяин. Дело в том, что детей, госпитализированных с так называемой «школьной фобией»¹, мы обычно задерживаем подольше.

За столом, где собрались малыши — от трех до пяти — медсестра успокаивает плачущую девочку. Воспитательница сообщила мне, что девочка не разговаривает — по непонятной пока причине.

Ребята, которые уже видели меня на консультациях, подходят поздороваться. Среди них — Крто, шестилетний интеллект — настолько тревожный, что в школе ему пришлось остаться на второй год, Эмилия, робкая крошка, которая в восемь лет почти не умеет читать, и забияка Корали, у которой выученный урок моментально вылетает из головы.

И конечно, Том. Он одиноко сидит в уголке — босиком и в пижаме. Бойкий, смысленный, способный мальчуган, который ведет себя очень напряженно и скованно. И он

¹ Школьная фобия: иррациональный страх перед пребыванием в школе (см. глоссарий).

здесь уже давно! Он не принимает школу в целом, как явление. И это так просто не вылечишь. Нужно время. Глаза Тома покраснели от гнева и слез. Он потому и в пижаме — чтоб не мог сбежать. Жестокая мера, но необходимая.

На данный момент мое место — здесь. Своего рода наблюдательный пункт — удобно, чтобы «держать руку на пульсе». Обстановка накаленная, страсти кипят. Некоторые дети специально нас изводят, другие не могут удержаться, чтоб не затеять запрещенные игры с огнетушителями и кнопками тревоги. Стоя за стеклом, я стараюсь запомнить имена, которые называет воспитательница. Спокойно и непредвзято фиксирую причины, по которым они здесь: не хочет ходить в школу... осталась на второй год, а толку никакого... «заводит» весь класс... скоро выгонят из школы... уже не знаем, куда его определить...

Спускаясь в свой кабинет, я думаю о том, как вытянутся их лица, когда после полдника они увидят учителей. Столовая превращается в класс! Я окрестил эти занятия «школьные репетиции», как если бы речь шла о театральном или музыкальном кружке, чтоб задобрить их, чтоб они лучше воспринимали эти сеансы, совершенно необходимы для постановки диагноза. Подробные наблюдения учителей (уровень знаний родного языка и математики, поведение) добавляются в медицинскую карту. И не менее важны, чем энцефалограмма или психологический тест.

После занятий они переходят в игровую, где в их распоряжении компьютеры, настольный футбол, книги. Они отдыхают, не подозревая, что за ними наблюдают. Несколько воспитательниц одновременно записывают, что необычное замечено в поведении каждого ребенка, а какие особенности постоянно повторяются. Насколько долго ребенок может удерживать внимание, путается ли он в правилах игры, скучает ли, вспоминает ли родителей. Эти записи тоже нужны для наших исследований.

Все занятия наших маленьких непоседливых пациентов (раскрашивание, пантомима, кукольный театр, футбол) могут быть внезапно прерваны для проведения психологического теста или клинического обследования. К концу недели они уже привыкнут к этой новой жизни, где в роли семьи выступают врачи, медсестры, другие ребята. Вечером старшие голосуют, какую программу будут смотреть по телевизору. Но, даже в разгар матча, несмотря на протестующие возгласы — в 21.30 в отделении гасят свет. Спать.

Я часто поднимаюсь в отделение, чтобы повидаться с ними просто так, не на приеме. Как-то раз мне сообщили, что один мальчик часами не отлипает от окна. И невозможно его увести. Я подошел к окну, стал глядеть вместе с ним: «Ты не хочешь пойти поесть?» Он не ответил. «Ты видишь что-то, отчего тебе грустно?» Он горько зарыдал. И в конце концов рассказал мне, что во дворе спилили плакучую иву. А он ее так любил, он таких раньше никогда не видел...

Не такой уж я и дурак!

Каждое утро весь персонал (врачи, психологи, нейропсихологи, воспитатели, медсестры) собирается на летучку, чтобы обсудить историю болезни каждого ребенка и внести поправки, если это необходимо. Иногда нужно провести дополнительные обследования, чтобы прояснить общую картину. В пятницу утром на основании всех этих данных мы подводим итоги недели. В свете полученных результатов, согласовав мнение всех специалистов, мы окончательно устанавливаем диагноз, определяем оплату за лечение и после этого встречаемся с родителями. Когда ребенок бросается на шею родителям — это сильный момент. Радость встречи. Мир и порядок, подкрепленные несколькими днями пребывания в больнице.

Дело в том, что конечный итог обширней медицинского заключения: над проблемами ребенка задумались, его восприняли всерьез, и ребенок это чувствует: «значит, не такой уж я и дурак!» Родители перевели дух, кто-то тянул некоторое время их лямку, да еще приятно слышать: «Как хорошо, когда тебя понимают». К тому же их греет сознание выполненного долга: они правильно поступили, сделали то, что нужно. Для родителей это невероятно важно: таким образом на них меньше давит чувство вины. Они уже так устали постоянно

упрекать себя.

В этой конечной фазе мы обязаны добиться результата. Невозможно больше блуждать в тумане. Эти родители уже стучались во все двери, они здесь ради того, чтобы получить наконец ответы. Безо всяких обиняков. Они прошли трудный путь, мы не можем их разочаровать. Тем более, что мы — серьезное учреждение, не какая-нибудь частная лавочка². Нужны результаты. Следует отбросить спесь и гонор и скромно делать свое дело.

Семьям, которые обратились к нам по поводу неуспеваемости, следует дать точные рекомендации и практические указания. Обычно я подолгу принимаю их у себя в кабинете, рисую перед ними детальный портрет их чада, показываю графики результатов и знакомлю с заключением: работа с психологом, логопед, лекарство — в тех случаях, когда оно необходимо, ежедневные практические советы для повседневной жизни. И я обязательно говорю в заключение, что все поправимо. Что мы будем лечить ребенка и вернем его в нормальную колею. Для этого необходимо подробно разобраться в причинах отставания. В школе — районной, местной или другой — более специализированной — всегда найдется для него место. Надо только подобрать наиболее подходящую. Каждый раз я повторяю себе — конечно же, все они — хорошие ученики!

Ведь я не забыл свои школьные годы, когда мне приходилось постоянно плыть против течения...

16 сентября 1964 — Записки непоседы

Мадемуазель Колетт — светленькая, все время улыбается... Вот и хорошо, а то классная комната показалась мне какой-то мрачной и враждебной. Скорчившись за неудобной наклонной партой, утопая в серой ученической блузе, словно сошедшей с фотографии Дуано³, я не на шутку растерян. Что я делаю здесь, среди этих гигантов?

Мне пять лет. Я перемахнул подготовительный класс и сразу попал в первый. Это маленькая районная школа — так что моим одноклассникам лет по семь, а то и по восемь. Так мне и надо, нечего было учиться читать раньше других! Лучше бы я научился играть в футбол, перемены не были бы тогда так томительно долги и скучны.

Ну ладно, что сделано, то сделано. Правда, мысль, что у меня ничего не получится, вызывает ужас. Сидя на первой парте, я без конца ищу одобрения в глазах учительницы. Сначала я вообще постоянно срывался. К концу дня принимаюсь рыдать на коленях у мадемуазель Колетт под насмешливыми взглядами нескольких одноклассников-верховодов. Особенно страшит меня Маттео, его побаивалась вся школа. На перемене «сейчас Маттео с тобой разберется» — худшая из угроз.

Я быстро понимаю, что «не вписался», и пытаюсь наладить отношения, пытаюсь участвовать в жизни класса — но увы, получается довольно неуклюже. И вскоре я очень явно ощутил одиночество и отчуждение. Однажды мадемуазель Колетт написала на доске название темы урока: «Зеленый луг». А я-то прибыл прямо из садика, где мы изучали овощи, но еще не изучали природные зоны! И потому, увидев нечто знакомое и воспользовавшись возможностью хоть как-то проявить себя, я поднимаю руку и уверенно заявляю: «Мадам, ведь „лук“ не так пишется, там „к“ на конце!» Взрыв всеобщего веселья. Я вновь на коленях учительницы. Утешение и сочувствие. О, скольким я ей обязан!

Это время имело свой запах, который я научился узнавать. Едва уловимая смесь мела, клея, скотча, духов учительницы, обложек для тетрадей, какао с молоком, которое предписывалось подавать на каждый полдник. Сладко-соленый дух, который я с радостью ощущаю сейчас, когда прихожу в школу по своим врачебным делам. Может быть, я даже

² Центр исследований проблем обучения. Национальное Министерство здравоохранения и Воспитания.

³ Робер Дуано (1912–1994) — знаменитый французский фотограф, часто фотографировал школьников.

специально внюхиваюсь, чтобы почуять этот запах, такой ностальгический...

Первый класс оказывается для меня трудным годом — во всех отношениях. Конечно же, я не справляюсь. И чувствую себя неудобно. «Нужно больше стараться!» — говорят мне. Легко сказать. Но если ты рассеян, неловок и к тому же левша — вовсе нелегко. За всем не уследишь: нужно одновременно не слишком глубоко макать ручку, аккуратно вытирать ее о борт керамической чернильницы, не класть левую руку на уже написанную страницу, слушать учительницу, не качаться на стуле — а все равно вот она, клякса. А замазок для чернил тогда еще никаких не было!

И во дворе на перемене я так же неуклюж. Во время футбола меня вечно подводит правая нога — а скорее даже просто отсутствие координации движений. Меня ставят на воротах. В воротах мне так скучно, что я стараюсь покинуть их при всяком удобном случае. Другие способы найти подход к одноклассникам тоже не приносят успеха. В шарики я играю плохо и потому быстренько проигрываю все свои черные и самые большие красные. В итоге вечером я возвращаюсь домой с пустыми карманами, пристыженный и расстроенный.

Боевое крещение. В этом первом классе неприятнейшим образом соединяются трудности с учебой и издевательства одноклассников.

— А что это ты такой маленький?

— Я перепрыгнул через класс.

— Это скорее учительница тебя перекинула.

Ничего смешного, между прочим.

Такая жгучая смесь непонимания и неудач раздражает обычно самые больные места — от этого вдвойне мучительно. Моими слабыми местами были почерк, внимание и умение сосредотачиваться. Для школьной жизни очень неудобные недостатки. И вот в классе я принимаюсь мечтать, придумываю себе более приятную судьбу. Я — Тьерри Праща⁴, одинокий в стане англичан, влюбленный в Изабеллу, гордый борец с несправедливостью.

Именно с тех пор я сохранил своеобразную эмпатию ко всем этим детям с дисграфией, дислексией, диспраксией, которых вечно упрекают за ошибки, которых они просто не могут не делать. От которых требуют невозможного, быстро и последовательно выбивая их из колеи и сбивая с толку.

Во втором классе я перешел в другую школу, но ничего не изменилось — те же неловкость и неуклюжесть, то же невнимание, в результате которого день кажется бесконечно долгим; поневоле начинаешь нервничать и суетиться. Лет десять назад я встретил одну из моих воспитательниц в детском саду, она пришла на консультацию к моему тогдашнему начальнику. Растрогавшись от нашей встречи, она призналась профессору Режи де Виллару: «Он такой был славный малыш, но в классе должен быть только один такой ребенок, не больше». По легенде, он ответил: «То же самое — среди больничного персонала».

Двигательная активность и леворукость и поныне со мной. Надо было с этим жить, приспособливаться, компенсировать развитой речью, стараться заинтересовать, придумывать способы успокоиться... Получилось. Начальную школу я заканчиваю неплохо. Первый в классе по устным предметам, легкое отставание по письменным.

В среднюю школу я отправляюсь на гребне этой волны. В лицея Ампер меня принимают тепло, и первые месяцы по инерции проходят неплохо. Но потом начинаются трудности. Я мал ростом, суетлив и ничего не смыслю в математике. Первые неудачи, первые огорчения, замечания учителей, призванные помочь, но в этой ситуации губительные.

«Следует проявлять больше внимания и усидчивости». Где ж их взять-то?

«Пишите аккуратней!» Не получается...

⁴ Тьерри ла Фронд — благородный разбойник, герой известного сериала 1963–1965.

«Недостаточно сознательный и взрослый». Увы...

В общем, мне постоянно пеняют на мои недостатки. Обидно и несправедливо.

Я отыгрываюсь (во всех смыслах) на шахматах, бросая таким образом вызов всем вокруг. В одиннадцать лет я выигрываю турнир лицея. Ученик выпускного класса, который вручает мне приз, поражен моим «детским» видом.

«Вот этот что ли победил?» Лестно слышать. Я отмщен.

Выбор второго языка позволяет мне отчасти избавиться от клейма неудачника, а значит, начать нормально существовать. Мама советовала испанский, отец — немецкий. Я выбираю арабский: впервые мне можно писать в правильном направлении! Во всем лицее только двое учат арабский; мне нравится быть не таким, как все.

Долго ли коротко ли, время средней школы пролетает. Каждый год классный совет предлагает мне остаться на второй год, но я цепляюсь за свои два года форы, которые были единственным видимым доказательством (возможно иллюзорным) моих способностей и возможностей, сведенных к минимуму рассеянностью и неуклюжестью.

Переход в высшую школу в Тринити лишь яснее обозначает проблему. В математике и физике я ничего не понимаю! Несколько студентов-«технаршей» выбиваются из сил, занимаясь со мной по вечерам. (Я задаюсь вопросом, почему же этих студентов, подтягивающих отстающих ребят, так часто зовут Себастьянами). От этого моя неприязнь к точным наукам только растет. По сути дела я нуждался тогда не в дополнительных часах и учителях, а в наставнике, который научил бы меня учиться и тем самым сделал мою жизнь гораздо проще (я настоятельно рекомендую подобный шаг родителям подростков, у которых проблемы с успеваемостью) Но это слишком современная практика, тогда такое не было принято.

И вот картина темнеет, адская спираль начинает раскручиваться. Неверное действие рождает противодействие: я начинаю вести себя развязно и равнодушно, чтобы спасти лицо. И происходит недоразумение, которое я многократно наблюдал у своих маленьких пациентов: «плохо работает на уроках, невнимателен...» И никому в голову не придет, что человек просто ничего не понимает! То есть что внешнее отсутствие интереса лишь маскирует затруднения.

Единственная стратегия, чтобы окончательно не пойти на дно — всесторонне проявлять свои сильные стороны: английский, естественные науки, история с географией — на высоте. «И к тому же, он выбирает, что учить, а что нет!»

Нет же, он делает то, что может...

Сколько раз я ловил себя на том, что мечтаю о волшебной палочке! Самое заветное желание: хорошо учиться!

В конце концов наступают выпускные экзамены на степень бакалавра. За письменные экзамены — никаких сюрпризов: 4 из 20 по математике и 4 по физике. По остальным письменным предметом средняя оценка около 8, в общем, нужно нагонять общий бал на устных. Невозможно? Немного везения, и ура, получается! Диплом «D» со скрипом, но получен. Не блестяще, конечно. И к тому же слишком рано для того, чтобы идти на врача. Я еще не готов.

То ли проявление мудрости, то ли верх мазохизма — я решаю пересдать экзамены через год, чтобы получить диплом «C». Чтобы уверенней сдать математику и физику. Поскольку у меня уже есть диплом «D», мне нужно пересдать только эти два предмета. Девять часов математики и семь часов физики в неделю. Путешествие на край скуки. Те, кто сдавал на «C» были в лицее элитной прослойкой. Среди них было много одаренных подростков. У самых ярых глаза загорались при виде нерешаемого интеграла или уравнения с тысячей неизвестных. Я сижу на задней парте и убиваю время — ведь я абсолютно чужд этих прелестей. Моя рассеянность была тогда в зените. Я переживаю ежедневный кошмар, пытаюсь смирить себя хотя бы до такой степени, чтобы сидеть спокойно. Тетрадка по математике преобразается в песочные часы. Я черчу шариковой ручкой вертикальную

полоску, на ней отмечаю черточками минуты — каждые пять минут длинная черточка, двенадцать групп из пяти минут, и все, час занятий подходит к концу. Обычно, правда, за ним следует второй.

Сколько времени для размышлений о жизни, о юности, о девушках, столько забот, неизвестных математическим умам моих одноклассников. Эти тревожные мечтания порой прерывает резкий оклик: «А что думает Оливье Револь по поводу этой аксиомы?» Одноклассники сочувственно улыбаются. Я оставлен на два часа после уроков. Когда б я мог что-нибудь сделать; я экспериментирую с принципом двойного наказания.

А мне плевать, эти часы я провожу в прокуренном кабинете папаши Арно, закоренелого игрока в шахматы, который и сам радуется такому стечению обстоятельств. Я часто вспоминаю эту длинную комнату, где он ждет меня, лукаво поглядывая, дескать, неплохо устроился старый шахматист: «Я изобрел новый дебют, сейчас покажу». Его энтузиазм так пылок, что я иногда подозреваю, что он в заговоре с профессором математики! В этот год я очень сильно продвинулся в шахматах. Что касается учителя математики, он в конце года унижает меня от всей души. За последнее задание я получаю 3 из 20. Рядом с оценкой он написал загадочную ремарку: «мой стакан невелик, но я пью из своего стакана». Когда он спрашивает меня, как я понял его закодированное послание, я предлагаю что-то типа «я знаю мало, но мне этого достаточно». Вот и неправильно! «Это значит, что я не пью из стакана моей соседки». Оказывается, я для скорости списал у Каролины вычисление, которое оказалось неверным. Вновь — оставлен после уроков, вновь — кабинет папаши Арно. Именно тогда я узнаю дебют «Птица», сопровождающийся блестящей жертвой белой королевской пешки, подрывающий основы самой уверенной защиты соперника.

В этот мрачный год единственным оазисом счастья были университетские занятия на курсе английского-арабского в Лион 3. Невероятно, как можно в одночасье оказаться из ада в раю? И так каждый день...

Каждый день после обеда ощущать себя хорошим учеником! И не особенно даже при этом напрягаясь. По сути дела, намного легче удерживать внимание, когда ты понимаешь, о чем идет речь, слушать, когда тебе интересно и даже учить, когда ты считаешь, что предмет изучения пригодится тебе в жизни. Ты играешь, не фальшивя. Я учился бок о бок со взрослыми, увлеченными молодыми людьми, которые не кривлялись, как подростки. Я открыл для себя интереснейших профессоров, рассказывающих о важных для меня вещах. О тихая гавань, передышка в пути, как мне хотелось продолжать эти замечательные занятия! Одновременно готовиться по естественные науки на диплом «С» и учиться языкам на первом курсе — дело непростое, может и крыша поехать. Я попадал в один день сначала к мрачному советнику по Образованию, который несмешно шутит про «академический отпуск», а потом к австралийскому профессору, который сам получает удовольствие, приобщая нас к своей культуре. Чувство реальности начинает отказывать... К счастью, вся жизнь моя при этом тонет в парящей музыке 70-х: Pink Floyd, Orchestral Manoeuvres in the Dark. Как сейчас помню.

Экзамен на диплом «С» я сдаю на 12 из 20, благодаря одному из Себастьянов, который дал мне накануне точь-в-точь такое же задание. Затем я успешно сдаю первый курс по языкам. Жаль было расставаться с университетом... Но выбор сделан! Буду учиться на врача, специализация — дети. Я еще не знал тогда, что для определения болезни мне придется прослушивать стетоскопом их школьные дневники, и что «лечить» будет означать практически «примирять со школой».

Хотя что-то мне подсказывает, что все-таки догадывался...

Вернуть их на правильные рельсы

Уроки закончились. По виду ребят, толпой направляющихся к выходу, совершенно не заметно, какие с ними случились неприятности и беды. Они весело выбегают из дверей, балуются на ходу, с воплями вылетают на улицу, как будто за ними черти гонятся. Может,

они пытаются удрать от своих плохих отметок, оставить их в школе. Если бы они могли просто перевернуть страницу! Оставить все замечания и оценки, пусть спят среди тетрадок на партах, забыть их до послезавтра! Увы, это всего лишь мечты... Какой-нибудь одноклассник во дворе обязательно напомнит о нуле за вчерашнее сочинение. А когда дневник попадает домой, продолжение всем известно. Ужин без десерта, «позор семьи» оставлен без компьютера на выходные, родители перебраниваются «это ты не можешь с ним справиться!» «Ребенок-из-которого-ничего-не выйдет» отправлен думать в комнату.

Еще один загубленный вечер. Все школа виновата.

Конечно, бесцельно растраниженные школьные годы способны испортить вам жизнь. Провокационное «Ничего страшного, подумай!»), которое бросает вам в лицо ребенок, по сути дела маскирует серьезное огорчение. Это послание, адресованное родителям, которые не могут удержаться и не раздуть скандал до невероятных размеров. Если бы это был не их ребенок... Вот такое недоразумение. Ни один ребенок не обречен стать неудачником. У некоторых больше шансов, у некоторых меньше — это зависит от происхождения, круга общения и так далее. Тут не предскажешь — иногда плохо учиться начинают не те, от кого этого можно было бы ожидать. Независимо от социального аспекта неуспеваемости, мы полагаем, что существуют объективные причины ситуаций «установки блока» на школу, и что возможно освободить детей от такой неприятности. Прежде всего необходимо перестать драматизировать «проблемы роста» и представить неуспеваемость как некое «дорожное происшествие», в котором ученики были ранены и следовательно должны залечить раны и выздороветь. Борис Цирюльник, открывший понятие «жизнеспособность» (resilience), новый оптимистический взгляд на проблемы, доказывающий, что не существует незаживающих ран, утверждает, что долгий процесс заживления возможно осуществить с помощью собственных внутренних ресурсов, необходимо только изменить отношение к своей травме. «Подобное расстройство заставляет гадкого утенка неустанно трудиться над своим непрерывным превращением. Тогда он сможет вести жизнь лебедя, прекрасную жизнь, но он все равно будет уязвим, поскольку никогда не сможет забыть своего прошлого гадкого утенка. Но став лебедем, он сможет его принять».⁵

Так что наша задача — начать этот процесс, доброжелательно сказать «Ничего страшного» ужасным дневникам и принять у себя ребенка со «школьной фобией». Вернуть ему веру в себя, ведь его моральному состоянию нанесен удар. Доказать, что не всегда неудачи происходят по его вине, снабдить его руководством к действию, позволяющим с ними бороться. Наш подход к болезненным школьным проблемам обдуманно позитивен, поскольку мы убеждены, что за каждой плохой оценкой прячется что-то, что можно определить. Необходимо выявить корни зла, чтобы помешать ему разрастись и причинить действительно серьезный ущерб. А если решение найдено, лучшая награда — улыбка ребенка.

«Я знаю, что я ничтожество!»

Сколько детей, а особенно подростков, расстраивает, что взрослые вечно расспрашивают про школу. «Как прошла контрольная? Есть замечания в дневнике? Что-нибудь задали на дом?» Как будто они не существуют сами по себе, отдельно от своих дневников. И если с этим делом не все в порядке, вечером они могут сообщить родителям только плохие новости. Тучи сгущаются, грядет гроза.

Огорчающие родителей отметки захватывают все большее психологическое пространство и постепенно портят жизнь всей семье. Они становятся ярлыком, биркой, приставшей к ребенку. Родные забывают спросить его, как он поживает, и сразу переходят к неприятному: «В школе-то получше дела?» Как будто он болен! А ведь так и есть! Последствия неуспеваемости выходят за рамки школы, они затрагивают социальный статус

⁵ Из книги Бориса Цирюльника «Гадкие утята».

ребенка. И этот плачевный статус не может не отразиться на его моральном состоянии. Понижает самооценку ребенка, буквально выбивает из колеи. Причем слабость эта может сначала быть вовсе незаметна, она проявится позже. Особенно если ребенок не понимает, почему такая лавина упреков обрушивается на него изо дня в день. Потому что он может и не ощущать ответственности за свою неприспособленность к школе. И в таком случае ничего не поделаешь, наказания бесполезны и безрезультатны, они всего лишь будут усиливать отчаяние ребенка и страх перед перечеркнутыми красной ручкой тетрадными строчками, перед вереницей плохих оценок. Его духовное развитие под угрозой, он теряет веру в себя, друзья отдаляются от него. Он может стать агрессивным или уйти в себя: «Я знаю, что я ничтожество!»

Утратив все иллюзии, родители со своей стороны решаются на крайние меры. Они либо мечутся от кнута к прянику, либо, движимые сочувствием и состраданием, в отчаянии окружают ребенка гиперопекой. Они стараются как могут, но совершенно безрезультатно, и тогда они теряют всякую надежду. Стресс нарастает. И ситуация еще больше усложняется: обстановка в доме становится невыносимой. Двери хлопают, все сидят по своим комнатам, погружившись в горькие думы. Если семья недружная, никто не хочет взять на себя ответственность, пасует ее партнеру, и стабильность пары оказывается под угрозой: «Во всем виновато твоё воспитание!»

Потеряв контроль над ситуацией, многие родители замыкаются в своем несчастье, заикливаются на нем. Им непросто найти выход из этого тупика. Еще труднее — оправдать и мотивировать своего отпрыска. Наверное, можно что-нибудь сделать, только что? Есть, конечно, доктора, родители уже обежали нескольких, но от этих визитов они скорее сбиты с толку, чем обрели правильное решение. Каждый советует на свой лад, родители ссорятся, все это лишь отдаляет настоящие меры.

Ему просто нужно стараться!

Во Франции вдобавок принято всю ответственность сваливать на ребенка: «Ему просто нужно стараться!» В Финляндии, например, детей на второй год не оставляют. Педагоги вынуждены быть изобретательнее и искать другие подходы к отстающим детям. Слабое место французской системы — то, что достаточно общеизвестные синдромы, такие, как дислексия⁶ и дефицит внимания, диагностируются лишь после многолетних блужданий впотьмах. Тем самым реабилитация ребенка запаздывает, годы идут, а «недоразумение», жертвой которого он стал, все никак не разрешается. Ведь школа сокращает персонал и все меньше и меньше дает себе труд предпринимать какие-то действия; в школе наблюдается чудовищная нехватка кадров и специалистов, ориентированных на детей с трудностями обучения. Эта тенденция не меняется и на протяжении последних тридцати лет средства и меры, направленные на сокращение неуспеваемости, копятя и громоздятся друг на друга, а результаты при этом совершенно неубедительны. К тому же долгое время не поднимался вопрос о «здоровье» этих детей с проблемами. До последней попытки Франсуа Филлона в 2005 году разработать «индивидуальный контракт учебной успеваемости». Предложив три часа в неделю дополнительных поддерживающих занятий для неуспевающих детей, он натолкнулся на всеобщий скептицизм; ему не удалось убедить ни профсоюзы преподавателей, ни ассоциации родителей. Оттого и поныне 170 000 человек, то есть 20 % всех учащихся, заканчивают школу без диплома. И за последние десять лет эта цифра не стала меньше.

Распахать целину и разгадать шифр

Итак, логично предположить, что школа, не умея идентифицировать и исправлять проблемы детей, отлично умеет их выявлять. Она живо определяет элементы, не

⁶ Дислексия: длительное нарушение обучения чтению (см. глоссарий).

вписывающиеся в систему и предупреждает нас — то есть служит своего рода реле. Мы по сути дела взаимно дополняем друг друга со школой. Учителя определяют слабые места, мы объясняем причины отставания. Такова наша цель: понять сложности учеников, не вдаваясь в содержание или в качество учебных программ — за них ответственны другие люди, не мы. Задача нашего вмешательства — поставить учеников на правильные рельсы. Возможно, найти для них специализацию, более подходящую к их характеру. Мы не хотим сделать из всех отличников — нет, просто учеников, способных учиться в школе и получить обязательное образование. От этого зависит моральное и социальное здоровье детей. И их будущее. Школа — социализирующее заведение, она обучает жизни в коллективе и дает представление о двух основных составных частях любой работы: распахать целину и разгадать шифр. Она указывает дорогу к автономии, на основании которой шаг за шагом строится личность. Вычеркнуть ребенка из этой схемы — вычеркнуть его из общества. И изгнание одного из членов этой системы мучительно и для них самих, и для всех остальных.

Ведь возможно, что у малыша один из более или менее неприятных синдромов, который мешает ему заниматься в школе — в этом случае он ничего не может поделать. Это как болезнь. Такой «медицинский» взгляд на неуспеваемость появился сравнительно недавно. Он основан на принципе, что любые сложности можно объяснить, и следовательно, вылечить. Для этого надо рассмотреть ребенка как единое целое, со всех сторон — социальной, психической и физической. Знать, где и как он живет, познакомиться с его родителями и оценить их мотивацию. Совершить клиническое обследование, оценить его сильные и слабые стороны с психологической точки зрения. В результате такого исследования редко когда не получается найти причину — или причины — отвлечения к школе. Проводить подобное обследование лучше в больнице, которая открыта для всех. Я имею в виду — для всех ребят, которых проводят до наших дверей. Это может сделать учитель, школьный или обычный врач, логопед или же безразличные к его судьбе родители.

Дело в том, что мы не верим в неудержимую лень, которая всецело владеет малышом и отвращает его от школы. Невозможно представить себе, чтобы ребенок осознанно отказывался учиться читать! В этом не может быть дурного умысла. Достаточно увидеть, с каким энтузиазмом дети идут в первый класс! Для них это приключение, в которое они бросаются безоглядно, очертя голову. Но увы, сколько к концу первого месяца разочаровываются, столкнувшись с трудностями, о которых даже не подозревали! Их давит масса несделанной работы, но возможно, они к тому же не понимают, что происходит. Наша задача подтолкнуть их, научить ориентироваться в школьном мире.

Когда «выздоровление» зависит от учительницы .

«Что ты будешь делать, когда вырастешь?» Орельен (шесть с половиной лет) отвечает: «спасать мир, защищать слабых». Этого живого и бойкого мальчика привели мне в связи с плохим поведением. Учителя от него стонут, он заводит весь класс, совершенно неуправляем. У него ужасный почерк и к тому же он нахал, грубит учителям, буянит, встречается во взрослые разговоры, перебивает. Единственное его достоинство — он хорошо читает, научился сам в пять лет. «Если бы у меня была волшебная палочка, какое бы желание ты загадал?» Блондинчик с ясными светлыми глазами отвечает: «Чтоб получалось делать домашние задания... Я их ненавижу». Чтобы проверить его способности, я предлагаю ему мини-тест, поиск аналогий — ничего подобного в школе не проходят.

— Есть ли связь между минутами и секундами?

— Да, и те и другие никогда не останавливаются!

Я оставляю его на два дня в стационаре; подтверждается, что он развит не по годам, но гиперактивен. Случай непростой. Но есть и плюс — Орельен может компенсировать недостаток внимания за счет способностей. Я срочно объясняю это учителям Орельена. Что касается родителей, я даю им нечто вроде руководства к действию, позволяющего справляться с этим мальчиком, которого они уже опасаются брать с собой в магазины и в

гости. Я особенно настаиваю на строгом режиме: его энергию нужно направлять в мирное русло. Главное — не уступать, стоять на своем, не воспринимать его как дитя! Переговоры возможны, но до определенного предела. Нужно еще записать его в секцию какой-нибудь коллективной игры, чтобы он учился соблюдать правила. И сразу появятся друзья.

Спустя год Орельен учится в той же школе, но в специальном классе, сочетавшем черты первого и второго. Его учительница все поняла, она научилась мягко переводить его с уровня на уровень и использовать его сильные стороны. Она как бы «подпитывала» этого малыша, а ему только того и надо было, чтобы успокоиться. И к тому же у него родился маленький братик...

Не бывает детей, неприспособленных к школе, чаще всего случается наоборот. Нам случается уговорить нашего маленького пациента перевестись в интернат. Когда неуспеваемость объясняется проблемами дома, это оказывается шагом к самостоятельности, хотя мы и рискуем усилить чувство вины у родителей. Но зато в пространстве, предназначенном лично для него, ребенок научится брать на себя ответственность, он избавится от семейного кошмара, по крайней мере на большую часть недели, и мозг его открылся для учебы. Результаты появляются незамедлительно. Конечно же, такое решение не принимается с кондачка, оно должно быть обдуманным. Необходимо целиком представлять себе личность маленького пациента, детально разобраться во всех тонкостях, во всех особенностях его душевной организации. И решение о расставании должно исходить именно от ребенка. Если родители болезненно переживают идею интерната, ребенку принять ее будет гораздо труднее.

Расставание — путь к выздоровлению

Когда четырнадцатилетний Тибо пришел ко мне с родителями, мама его плакала на протяжении всей консультации; отец говорил мало, а если открывал рот, то лишь чтобы сказать, что у Тибо нет проблем и ему надо только взяться за работу. Тибо, крепкий решительный парень, по два года сидел в каждом классе; и сейчас его результаты просто катастрофичны. Особенно плохи дела с английским и с математикой. В классе он коллекционирует желтые карточки: незнание материала, небрежная работа, вызывающее поведение. А теперь он еще и подвергается опасности: ему случалось убегать из дома и прогуливать школу.

Я оставляю Тибо в стационаре на четыре дня. Итоги обследования оказываются вполне удовлетворительными. Его способности вполне достаточны, чтобы справиться с трудностями в учебе, тем более при таком упорном характере. Зато у него обнаружена глубоко запрятанная депрессия⁷ — таким образом, его поведение было лишь своеобразным способом с ней бороться. Когда я говорю с ним наедине, я ощущаю, что он на пределе, он прямо говорит, что его «все достало». Школа, родители, все. Что он хочет уйти из дома. А если в интернат? Он долго думает. Я пока стараюсь убедить родителей, всячески расписывая при этом отца, какой у него замечательный сын. Я также прописал курс психотерапии и антидепрессант, чтобы помочь Тибо выкарабкаться из депрессии. Я постоянно был с ним на связи, он начал привыкать и отлично себя чувствовал в роли пансионера.

Тем не менее в подавляющем большинстве случаев мы все-таки стараемся, чтобы ребенок остался в местной школе. Это не всегда просто, если проблемы его достаточно серьезны. Необходимы глубокое понимание и взаимодействие всех преподавателей, готовых к тому, что проблемный ребенок требует дополнительного внимания — а его не так просто уделить, если классы переполнены. Тут в дело включаемся мы и делаем все возможное, чтобы помочь детям преодолеть свою «неприспособленность» к школе и найти свое место в системе образования, принадлежащее им по праву.

⁷ Депрессия: состояние постоянно подавленного настроения. В отличие от печали, которая полезна и необходима, депрессия не проходит (см. глоссарий).

Когда трудно подобрать слова

Девятилетняя Корали заговорила фразами только к четырем годам. И даже сейчас ей трудно порой подобрать нужные слова. Они вертятся на языке, но не даются. Когда я спросил, что за зверь живет в пустыне и никогда не хочет пить, она не смогла ответить, зато смогла его нарисовать. В школе ей невероятно сложно, таблица умножения для нее неодолимая преграда. Зато у нее нет никаких трудностей с письмом, она получает хорошие отметки за письменные задания. Упорная работа логопедов и занятия с психологами, положившими много сил, чтобы вернуть ей уверенность в себе и свести к минимуму ее «непохожесть» на других детей, сделали свое дело — проблема Корали стала решаемой. Дело за преподавателями, которые поймут специфические особенности Корали и найдут к ней подход, принимая во внимание ее сбивчивую и медленную речь.

Бывают также необъяснимые внезапные сбои. Хорошие ученики, которые не выдерживают и «срываются». Психиатр Пьер Уэрр утверждает, что круглые отличники в погоне за аттестатом — как «воздушные шарик, которые могут однажды лопнуть» под двойным давлением семейного гнета и груза ответственности. Они увеличивают нагрузки, как профессиональные атлеты, они не имеют права ошибиться. Если такого «чемпиона» хоть раз «занесет» на трассе, он перестает сопротивляться и застывает, парализованный тоской. «Ведь ничего же вроде не случилось особенного», удивляются родители. Тем не менее такое происходит часто, и сбои эти отнюдь не случайны. Их корни уходят глубоко в сознание ребенка, и эти проявления ни в коем случае нельзя недооценивать. Часто тут замешан внешний фактор или еще какая-нибудь причина тревожного состояния, которая ускользнула от внимания родителей, а сам подросток не в состоянии ее осознать.

Когда аттестат мешает семейному благополучию

Семнадцатилетняя Наташа пришла ко мне с матерью. Девочка всегда хорошо училась, но в выпускном классе ее успеваемость внезапно ухудшилась. Почему — она сама понять не может. Наташа — единственная дочь. Я некоторое время наблюдаю ее, но не могу найти никаких симптомов, кроме этого ухудшения успеваемости. Через некоторое время звонит мама и говорит, что девочка завалила все экзамены. Я потом несколько раз встречаюсь с Наташей: ни она, ни я не можем отыскать причину провала. Никаких других признаков расстройства. Пока речь не заходит о ее родителях и она не заявляет, что уверена: как только она закончит школу, они разведутся. Потому что Наташа — «цемент, скрепляющий их брак!» Причины ее поведения проясняются, она сама их внезапно понимает. Неосознанно она придумала собственный метод борьбы за сохранение семьи. «Нечто вроде внутреннего саботажа?!» — задумчиво говорит она. Выявление подсознательной причины провала производит магический эффект. Она сдает экзамены. С легкостью.

Найти причины неприятия школы

По различным причинам у них не складываются отношения со школой: они не умеют читать в конце первого класса; они остаются на второй год, а толку никакого; своей разболтанностью они мешают заниматься всему классу; их выгоняли уже из нескольких школ; они прогуливают уроки и т. д. Чтобы определить происхождение подобных явлений, мы проводим тщательное и подробное исследование. Исследование проводится с привлечением специалистов по всем правилам медицинской стратегии. Структурированный подход изучает триединство медико-биологических, психологических и образовательных элементов. Самая сложная задача — максимально объективно и точно определить причины «неприспособленности» к школе. И выяснить, страдает ли ребенок каким-нибудь серьезным расстройством (и каким), которое могло бы сделать обычный процесс обучения невозможным.

Основной вопрос — идет ли речь о «инструментальном» дефиците — то есть дефиците средств обучения, или затруднения имеют психо-аффективное происхождение, то есть

существует некий психологический тормоз, безотчетно поставленный себе ребенком, способности которого при этом вполне удовлетворительны. Иначе говоря, органической или психологической природы данная проблема? Или обеих одновременно?

Медицинские причины

На первом этапе определяется работа органов чувств и когнитивные способности. Слух и зрение проверяются на основании простых тестов — таблицы для проверки остроты зрения и аудиограммы. Этот контроль базовых возможностей необходим. Нам часто удавалось выявить снижение слуха у детишек, которые плохо говорят или не в меру возбудимы. Они всегда пытались в школе отвечать наугад, а их потенциальная тугоухость не принималась во внимание. Их жизнь в школе была сплошным кошмаром. Если им мешает малейший шум, они слышат лишь гудение и не могут вычленивть необходимую информацию. Слуховой аппарат сразу решает все их проблемы, связанные исключительно с утолщением барабанной перепонки вследствие постоянных отитов.

Неврологическое обследование состоит из нескольких исследований; обязательным среди них является энцефалограмма. Часто случается, что дети, которых характеризуют как «рассеянных» и « витающих в облаках », страдают одной из форм эпилепсии, сопровождаемой « абсансами ». Это своеобразные замирания, или провалы, когда внимание рассеивается.

Нормальное усвоение лингвистических законов, то есть овладение навыками устной и письменной речи, необходимых для успешного обучения в подготовительном классе, определяется с помощью логопедического теста; его проводят ежегодно, начиная с трех лет. С помощью картинок проверяется словарный запас малыша — количество слов и правильность их произнесения. Этот первичный тест помогает отделить легкие, часто встречающиеся у детей нарушения, которые исправляются сами собой, от серьезных случаев. Таким, например, является дисфазия⁸. Дислексия определяется позже — к семи годам.

Для проверки психомоторной деятельности ребенка также используется целый ряд тестов. Проверяется его ориентация во времени (дни недели, времена года) и в пространстве (вверху, внизу, впереди, сзади), латеральность (ребенок расценивался как правша, а оказался леворуким), мышечный тонус и вестибулярный аппарат. Нарушение любого из этих факторов может вызвать проблемы с письмом. К тому же у левшей, предпочитающих зеркальное письмо, могут также возникать проблемы с чтением.

После еще некоторых исследований и тестов, постепенно проясняющих диагноз, наступает черед IQ⁹, который завершает исследование «инструментария» ребенка. На этом этапе необходимо выявить общие способности и уточнить специфические особенности развития, в частности наличие абстрактного мышления, логики, умения обобщать, оперативной памяти. Тест проводит практикующий психолог или нейропсихолог. Цель — разграничить нарушения, связанные с речью и языком, от проблем, происходящих от недостатка сообразительности. Результат теста на IQ может быть дополнен некоторыми специальными тестами для проверки памяти, внимания, мелкой моторики.

В результате первого этапа исследований становится возможным обнаружить или исключить некоторые патологии, которые могут быть причиной неуспеваемости. Это «инструментальные» нарушения — расстройства зрения, слуха или умственная отсталость.

Анаис вновь стала улыбаться

Закончив первый класс, маленькая Анаис так еще и не научилась читать — однако

⁸ Дисфазия: длительное нарушение формирования речи и словарного запаса (см. глоссарий).

⁹ IQ: тест на интеллект (см. глоссарий).

дислексии у нее не было. Проверили ее IQ. Ни в одной из частей теста она не проявила себя ни сильнее, ни слабее, но общий итог оказался очень низким — ниже предусмотренного для ее возраста. У Анаис нет никаких других проблем, у нее общая задержка умственного развития. Умственная отсталость. Я посоветовал, чтобы ее записали в класс, подходящий ей по уровню, то есть в класс с инклюзивным обучением (во Франции это называется CLIS¹⁰). Когда я сообщил диагноз, отец заплакал. Но как только первое потрясение прошло, он принял очевидный факт и понял, что его дочь будет счастливее в школьной обстановке, которая ей подходит. Он отказался от мысли заставить ее прыгнуть выше головы, и она была избавлена от непосильных для нее заданий. И тут же кошмар закончился. Анаис стала развиваться — в своем ритме, — поскольку на ее пути не было непреодолимых препятствий. Ее будущее не испорчено, напротив, его повернули в нужное русло. Она не будет больше страдать от непонимания. Теперь наконец она ходит в школу с удовольствием.

В ходе первоначального обследования выявляется также дислексия и, в более широком охвате, любые расстройства когнитивных функций — устной речи, чтения, письменной речи. Эти специфические нарушения называются дисфазия, диспраксия¹¹ и дискалькулия (неспособность считать).

Каждый диагноз требует своего специфического лечения, занятий с логопедом, со специалистами по психомоторике и графотерапии. Или переориентацию на школу с инклюзивным обучением, если способности не позволяют учиться в обычной школе. Если в ходе обследования выявлены также синдром дефицита внимания или преждевременное развитие, будут назначены свои педагогические рекомендации, а возможно, и медикаментозное лечение.

Аффективные расстройства

Если в результате органических причин неуспеваемости мы не обнаружили никаких аномалий, открываем второй ящик. Надо рассмотреть возможность психологического происхождения проблем ребенка. Как правило, в ходе предыдущих тестов методисты, воспитатели и медсестры уже замечают признаки таких проблем и сообщают врачам. Подтвердить их интуитивное заключение помогают «личностные тесты»¹². Среди них важнейшим я считаю знаменитый проективный тест о «Черной лапке»: детям предлагается интерпретировать серию картинок из жизни семьи хрюшек. У главного героя-поросенка на ноге черное пятно. Ответы ребят очень показательны. На одной и той же картинке разные дети видят захватывающее приключение или обычную историю, их объяснения варьируются от самых веселых до самых драматичных. А тем не менее такие непохожие ответы исходят порой от маленьких пациентов с совершенно одинаковыми симптомами! Дети идентифицируют себя с главным героем, и их психическое состояние отчетливо проявляется в тех историях, которые они придумывают. Поэтому для нас этот тест — нечто вроде абсолютного оружия. Анализ детских комментариев, таких спонтанных и таких разных, очень помогает нам в работе.

Потому что «психологическое происхождение» — широкое понятие, охватывающее все, от простейших установок до серьезных нарушений. Разные факторы расстройства действуют во всех направлениях. Они могут незаметно блокировать мыслительные способности и тем самым застопорить процесс обучения.

Случаются самые разные ситуации.

Довольно легко выявить «отсутствие мотивации» — тот вариант, когда ребенок не

¹⁰ См. Приложение 1 «Специализированное образование во Франции».

¹¹ Диспраксия: нарушение точности и координации движений, неуклюжесть (см. глоссарий).

¹² Личностные тесты: оценка душевного и аффективного состояния (см. глоссарий).

хочет расти и взрослеть. Допустим, маленький мальчик, которому не хватает внимания со стороны отца, несмотря на совершенно нормальные способности и умения изо всех сил тормозит свой процесс обучения. Часто мы определяли также «излишнее давление». Некоторые дети отказываются учиться в ответ на чрезмерное давление, которое оказывают на них родители. Особенно это характерно для детей преподавателей, которые с трудом переносят завышенные требования родителей. Эти две ситуации можно разрешить несколькими простыми советами, они даже не требуют специальной методики.

Более сложный случай — «излишняя озабоченность», воцарившаяся в душе ребенка. Тревожные, беспокойные мысли удивляют и волнуют ребенка и отвлекают его от учебы. Примерно так же компьютер «зависает» и требует закрыть все приложения. Эти беспокойные мысли могут быть причиной резкого снижения интеллектуального уровня. Такие дети обычно приводят учителей в замешательство. Их результаты — более чем средние, а то и вовсе плохие. Видно, что их не устраивает такая ситуация, но они никогда на нее не жалуются. С точки зрения логопеда все в норме. Тест на IQ явно занижен, опытный психолог в таком случае напишет: «Похоже, что результаты теста не отражают реальных возможностей ребенка».

Но проблема налицо: ребенок плохо учится, невзирая на все усилия. Способности ребенка не могут проявиться, словно заперты где-то. Непонятно и обидно.

А причины таятся в далеком прошлом, в истории ребенка и его семьи. И такие это неприятные причины, что ребенок тратит все свои силы, чтобы забыть их, стереть и окончательно загнать в подсознание. За неустанную войну с внутренними врагами приходится расплачиваться ценой низких школьных оценок. Только вытащив на свет Божий причину расстройства мы избавим ребенка от этого груза.

Распространенная причина такого расстройства — семейная тайна, связанная с родственными связями: ребенок, родившийся в результате искусственного осеменения, приемный, появившийся на свет в результате адюльтера... Этот секрет родители скрывают от посторонних. И от ребенка. Но он все равно смутно ощущает ее по странным реакциям и необъяснимым поступкам (плач над альбомом с фотографиями, неловкость при упоминании о сходстве). Он не знает, в чем состоит этот секрет, но чувствует, что тут какая-то постыдная тайна, которую надо любой ценой хранить. И это «нечто, что ни в коем случае не следует знать» преобразуется в «ничего не следует знать». И готово. Секрет сохранен за счет успеваемости. Иногда даже он может принять облик расстройства речи — это весьма символично. Чтобы не произнести того, что нельзя говорить, проще не говорить вообще.

Вообще таких тайн существует множество: дурное обращение, запутанные родственные связи, болезнь одного из родителей, сексуальные домогательства... масса травматичных факторов, которые могут болезненно влиять на развитие личности и в том числе блокировать проявления интеллекта. И сбивать с толку взрослых, которые, не в силах объяснить эту непонятную неспособность учиться, рискуют порой даже усилить негативный эффект неуклюжим вмешательством. Чем больше взрослый старается узнать о таком ребенке, тем тот больше закрывается. Сближение кажется ему опасным.

Однако выздоровление возможно. Терпеливое, продуманное и доброжелательное лечение, проводимое внимательным психоаналитиком, который сможет создать во время консультаций атмосферу доверия и помочь ребенку реконструировать поврежденную личность. И тогда станет возможным убрать преграду, препятствующую познанию.

Еще у нас есть маленькие пациенты, проблемы которых «пограничны», то есть объясняются некой причиной на стыке инструментальных и психологических факторов. Есть и ребята, страдающие от нескольких различных синдромов одновременно. Это — самые сложные случаи, которые, конечно же, требуют госпитализации.

Большинство причин неуспеваемости удастся выявить прямо в школе, и тогда с детьми занимаются психологи и дефектологи (в центрах медико-психологической помощи или частным образом), но некоторые дети, к сожалению, остаются «неопознанными», их диагноз

не определен, помощь им не оказывается и они страдают.

Конечно, им теперь открыты двери медицинских центров, которые специализируются на таких проблемах. Но увы, дверей, куда можно постучаться, пока очень мало. Необходимо открывать новые центры, оснащенные новейшим оборудованием, с многопрофильными командами специалистов. Потому что только углубленное и подробное обследование поможет разобраться во всех проблемах ребенка, который испытывает трудности в учебе. Только после него можно поставить точный диагноз. А верный диагноз — основа плодотворного лечения, которое позволит ребенку наконец примириться и с самим собой, и со своим окружением. Чтобы вновь вступить на путь познания, несмотря на все препоны.

1966: зарождение страсти, спасибо Зорро!

Иногда я размышляю, почему же выбрал именно такую профессию, и что это за страсть, не отпускающая меня на протяжении всей жизни. В ее основе — странная смесь ностальгии и обстоятельств. У меня осталось одно детское воспоминание, которое придает каждой секунде моей работы необычно домашний оттенок.

Каждую субботу я провожу в клинике, рядом с отцом-невропатологом. Пока он диктует секретарше письма, я имею право рисовать на километрах бумаги, вылетающей из принтера энцефалографа.

Мама — детский психиатр. Каждый день после обеда квартира преобразается в кабинет детской психиатрии. Столовая превращается в приемную (ее надо было к этому моменту аккуратно прибрать и навести уют). Мы с тремя братьями и сестрой с любопытством наблюдаем за этими детьми, которые лишают нас материнского внимания и личного пространства. По правде говоря, действительный ущерб эти визиты пациентов наносят нам по четвергам, поскольку единственный семейный телевизор царит в столовой — а доступ туда запрещен. Получалось, мы пропускаем Зорро! И вот в один прекрасный день я, приклеившись ухом к двери, слышу, как какой-то парнишка моего возраста закатывает маме истерику за то, что по ее вине пропустил очередную серию из-за дурацкой консультации. Может быть, в тот момент я впервые проявил сочувствие, а вернее сказать эмпатию, к детским страданиям. Новое, неизведанное чувство братской общности подталкивает меня, семилетнего, к первому в жизни серьезному проступку. Воспользовавшись тем, что мама выслушивала родителей мальчика, я проникаю в приемную, прижимая палец к губам и заговорщицки подмигивая — я принес нам свободу! Нажимаю на черно-белую кнопку, и на экране после недолгого мелькания зерна появляется долгожданное Z. Усевшись на пол рядом с изумленным мальчишкой, я чувствую восторг с волшебным привкусом опасности, придающим самым простым вещам столько неизъяснимого очарования. По очереди мы стоим на страже, готовые немедленно выключить телевизор, едва лишь скрипнет паркет. В день, когда моя стратегия раскрыта, уже слишком поздно! Неожиданный взрыв интереса юных пациентов к консультациям, проводимым по четвергам, вынуждает родителей дать свое молчаливое согласие, и дальше мы можем смотреть уже на законных основаниях.

У Дона Диего де ла Вега имеются несомненные достоинства и личная этика, которые можно поставить в пример молодому поколению — недаром он так популярен. Победа была за нами!

Даже спустя много лет эти воспоминания очень отчетливы. Они влияют на мой выбор профессии: «когда я закончу школу — буду детским врачом». Мои первые стажировки у известных врачей (Франсуа Лабр, Жан-Пьер Шазалетт) еще усиливают мой интерес к детям, но в целом производят на меня смешанное впечатление. Я чувствую себя совершенно раздавленным тяжестью некоторых клинических диагнозов и особенно неизлечимых случаев. Дети, больные лейкемией или перенесшие тяжелые травмы, вызывают у меня ощущение собственной беспомощности, несовместимое с первоначальным представлением о лечении. И в это же самое время я в той же больнице с восхищением наблюдаю за деятельностью педопсихиатра Мари-Франсуаз Котт. Она приносит реальную пользу своим

пациентам, каким тяжелыми бы не были их заболевания. Каждого ребенку, каждую семью она готова внимательно выслушать и дать ответ, который облегчит им жизнь. Я вспоминаю одну девочку, она лежала в хирургии с опухолью кости и ей ампутировали ногу; внезапно она перестает есть. Естественно, при отказе от пищи просят консультации педопсихиатра. Мари Франсуаз тихо спрашивает:

— Жюли, тебе не хочется есть?

— Нет, очень хочется.

— Ты считаешь, что ты толстая?

— Нет, я уже даже слишком худая, мне надо поесть...

Двумя вопросами Мари Франсуаз исключает возможность и нервной, и психической анорексии. Потом в обстановке доверия и сочувствия, созданной врачом, девочка решается на признание: «Мне хочется есть, но я не могу порезать мясо...» Теперь Мари-Франсуаз уже понимает, что девочка неосознанно ассоциировала процесс разрезания мяса с болезненной хирургической операцией, которой она подверглась. Она помогает девочке увидеть связь между этими представлениями и постепенно, осторожно сводит на нет идею отказа, в которой девочка готова была замкнуться.

В дальнейшем я часто с восхищением наблюдаю за работой педопсихиатров с их маленькими пациентами. Я понял тогда все значение понятия «эмпатия» (в буквальном переводе «страдание вместе»). Оно необходимо, чтобы создать ощущение защищенности, благотворное для выздоровления.

Окончательно уверенность в своем решении формируется в 1985 году, когда я попадаю под начало Режи́са де Виллара. Я становлюсь интерном, потом заведующим отделением, потом открываю свое отделение в неврологической клинике. Именно тогда я научился ценить важность клинического исследования, наблюдения, короче говоря, всей необходимой медицинской процедуры, которая одновременно успокаивает ребенка, родителей и врача и позволяет добиваться результатов без излишних теоретических разглагольствований. Режи́с де Виллар к тому же привлекает наше внимание к применению психотропных препаратов, поделившись своим колоссальным опытом в этой области задолго до того, как ими увлеклись современные врачи!

Нашу практику в настоящее время можно считать равнодействующей всех этих разнообразных влияний. В любом случае за основу нашей деятельности мы принимаем откровенный и искренний подход к пациентам, требующий большого смирения и личной причастности.

Часть II. Не такое уж я ничтожество

Органические причины: Они хотели учиться, но не получается

Мальчик, шепчущий на ухо маме

— У кого есть скорлупа, рожки, она медленно двигается и вылезает, когда идет дождь?

— ...

Пятилетний Маттье внимательно смотрит на меня. Он ищет ответ, вроде бы находит, но не решается сказать. Ничего не получается. Я медленно повторяю ему вопрос... опять не получается.

Меня поражает его взгляд. Огромные вопрошающие глаза хотят, кажется, прочесть мои мысли. Он не отрывает взгляда, а в глазах — непонимание, отчаянье. Однако когда я его спрашиваю, «у нее длинный хвост, она рыжая, она прыгает по деревьям» — его глаза проясняются. Он наклоняется над моей книжкой с картинками и торжествующе тычет пальчиком: «Вот! Это белка!»

Маттье в старшей группе детского сада. Родители привели его ко мне на консультацию, потому что воспитательница посоветовала оставить его в этой группе еще на год: «он еще маленький, несамостоятельный, он плохо говорит, не понимает, чего от него требуют, в общем для подготовительной группы он еще не созрел». Родители вполне с ней согласны — дома они наблюдают то же самое. Но оставлять его еще на год не хотят: «Он отстанет еще больше», — говорят они. И мама уверена: тут скрывается что-то еще. У нее четверо детей, и она всегда замечала, что этот не такой, как все.

Я попросил ее рассказать подробнее. Когда он был маленьким, он не всегда понимал, что мама ему говорит. И она заметила, что он понимает ее жесты, но не слова. При всем при этом мальчик рос тихим, послушным, ласковым. Однако со временем его проблемы с общением стали тревожить маму. Он заговорил позже других детей: первые слова в три года, первые фразы в четыре. При этом он крепкий, ловкий, спортивный мальчик. Хорошо катается на самокате и на лыжах. То есть физически нормально развит. За исключением одной небольшой проблемы — плохо ориентируется в пространстве, путает вверх-вниз, вперед-назад и право-лево. Педиатр посоветовал позаниматься психомоторной терапией. Других нарушений у мальчика вроде бы не было. Психолог отметил, что его «невербальные¹³» результаты теста на IQ в пределах нормы. Врач в детском саду вообще ничего не заметил особенного. Логично — когда ребенка не видно ни слышно, трудно что-либо обнаружить.

Пока я слушаю родителей, я одновременно наблюдаю, как Маттье играет в углу. Светленький, симпатичный малыш, тихо и сосредоточенно перебирает игрушки в ящике (какой кабинет детского врача без ящика с игрушками). И я не могу удержаться от мысли: «Вот еще один будущий „отстающий“». Мамочка не особо стремится, чтобы он выросстал...» Маттье никогда не ходил в ясли и не сидел с няней. Мама посвящает ему все свое время — то, чего не смогла сделать для других детей. И к тому же у него старшие сестры, которых не надо упрашивать с ним поныничаться. Классика жанра, номер четвертый, забалованный множеством мамаш.

И я позволяю себе сказать это его родителям. Веселым и дружелюбным тоном, эдак подсластить горькую пилюлю. Практически, я уже почти вступаю на неверный путь. Но их ответ меня остановил: «Возможно вы правы. Но мы видим: он хочет, чтобы все изменилось. И мы тоже хотим!!!!» Маттье, оторвавшись от игрушек, смотрит на меня, улыбается и вновь погружается в свой сказочный мир. Непохож он на «ребенка, который не желает взрослеть». Очень хорошо. Будем искать новую гипотезу.

Не хватает слов.

Как обычно, я прошу позволения поговорить с ребенком наедине. Маттье поднимает на меня внимательный взгляд и дальше уже не сводит с меня глаз. Мне показалось, он немного заторможен. Он невероятно спокоен и не отвлекается ни на мгновение. Ничего из того, что валялось на моем столе, не вызывает его интереса. Он абсолютно ни на что вокруг не смотрит. Я прошу его что-нибудь нарисовать. Графические способности его гораздо ниже, чем положено по возрасту. То же самое с письмом. Он не может написать свое имя. И еще у него отсутствует беглость речи.

Я быстро понимаю, что ему удастся составить правильную фразу только спонтанно, не задумываясь. Только при этом условии у него получается что-то сказать. Фраза вылетает изо рта сама собой, как бы рефлексивно. Этот автоматизм показателен: значит, Маттье не отвечает на вопросы. Когда я его о чем-то спрашиваю, он замыкается. Я достаю свою «библию», подборку картинок, которые нужно сначала показать, а потом назвать: кролик, будильник, лейка, кепка, самолет и так далее. Тут же становится ясно, что ему трудно словами выразить мысль. Все понятия ему знакомы, но ему не удастся дать им подходящие

¹³ См. ниже раздел «Цели и средства оценки».

имена. Назвать известные ему животное и объект ему трудно. Часто он просто молчит. Не хватает слов.

Наоборот, когда говорю я и предлагаю ему показать мне пчелу, цветок или трактор, он не разу не ошибается. Без колебаний он тычет пальчиком в пресловутую улитку, которую недавно безуспешно пытался назвать. Да, наверное в саду ему не сладко приходится. Наверняка его осыпают насмешками. Знаете же, как дети добры друг к другу! И мне приходит в голову мысль: он так пристально смотрит на меня, потому что старается понять, что я ему говорю. Потому что понимает он через раз. В каждой фразе он замечает знакомые слова, но их недостаточно, чтобы уловить основной смысл. И вот уже он вконец растерян. Угнетен серьезной проблемой с пониманием синтаксиса. Есть такая форма нарушения речи.

Я зову родителей и рассказываю им предположительный диагноз: интеллект мальчика не нарушен, что подтверждает IQ. Нет и расстройства личности, как и аффективных нарушений. Тем не менее имеется некоторое отставание. Оно вызвано тем, что мальчик понимает не все происходящее вокруг него. Ему сложно расшифровать, что же от него хотят, ему не хватает слов и трудно построить фразу. Он говорит «как маленький». Вопрос в том, чтобы определить — идет речь о простом возрастном отставании, в таком случае ребенок нагонит сверстников, или все всерьез и надолго. На этой стадии консультации я уже понимаю, что речь идет скорее о нарушении путей к словесному выражению, чем о лексическом дефиците: мальчику трудно найти слова, которые он тем не менее знает. Эти слова есть у него в голове, но он не знает к ним дороги. Я склоняюсь к диагнозу «дисфазия».

Я прошу их, чтобы Маттье в два раза чаще занимался с логопедом (два раза в неделю), сделав упор на работу с картинками и с компьютером — единственные направления, полностью доступные для его понимания. Еще необходимо несколько перестроить отношения в семье — чтобы отец уделял ребенку больше времени и установил более близкие, доверительные отношения с мальчиком. Я назначаю им консультацию через четыре месяца.

И вот они приходят второй раз. Я отмечаю, что он по-прежнему плохо говорит и практически не может составить фразу: я где знал шарик, звезды когда небо. Он по-прежнему «говорит как маленький», несмотря на то, что с ним интенсивно занимались. Ясно, что перед нами не простое возрастное отставание. Родители бодрятся: он много занимается спортом, получил звездочку по лыжам, его начали приглашать на дни рождения друзей.

Я остаюсь с ним наедине. И я начинаю вновь:

— У кого есть скорлупа, рожки, она медленно движется и вылезает, когда идет дождь?

— ...

Он опять не может мне ответить. Повторяем все тесты, улучшения нет.

Диагноз «дисфазия». Что значит: неспособность расшифровывать речь на слух, нарушения в использовании синтаксиса, невозможность понимания без участия визуального ряда. Это неврологическая проблема. У Маттье это врожденное расстройство, и ему надо привыкать жить с ним. Но можно ему помочь. Мера номер один: продолжать в интенсивном ритме занятия с логопедом, с учетом его персональных трудностей. Затем я рекомендую все же перевести его в подготовительную группу. Оставаться на второй бесполезно, Маттье явился жертвой «недопонимания» со стороны персонала, тогда как ему настоятельно необходимо доброжелательное отношение воспитателей и преподавателей. Им нужно подстроиться под него и учитывать его проблемы. Конечно, если удастся договориться с садом. Что к счастью удастся сделать.

В группе Маттье

Я сам приезжаю в сад к Маттье. Такой контакт стал возможен в настоящее время после того, как сады и школы стали принимать и всячески способствовать интеграции детей с некоторыми трудностями в обучении. Окончательное решение определяется доброжелательным отношением к этой идее руководителя детского учреждения, а его осуществление зависит от доброй воли всех партнеров программы: преподавателей,

воспитателей, врачей, которым необходимо объединиться, чтобы вместе выработать «конвенцию об интеграции», а именно совместную педагогическую стратегию, подходящую для каждого «ребенка с проблемами». Возможно, понадобится специальная поддержка во время уроков. Вероятно, необходимо даже присутствие специализированного методиста, помогающего ребенку приспособиться к процессу обучения. Это профессиональный педагог-дефектолог, который подстраховывает ребенка, помогая ему следить за ходом урока, и при этом давая учительнице возможность уделять внимание другим ученикам.

Не так-то просто вписать эти собрания в мой плотный график, но ставка уж больно высока. Я верю в терапевтический эффект такого сотрудничества и к тому же мне все это безумно нравится. Нравится сидеть на детском стульчике и видеть под разводами мела следы предыдущего урока, нравится смотреть на стены, где висят всякие учебные картинки, нравится запах, неизменный, напоминающий мне о школьном портфеле. У Пруста — пирожное Мадлен, у меня — школьный запах... каждому свое.

Собрание начинается. Все уже здесь. Родители, преподаватели, психолог, к которому Маттье ходит раз в месяц, логопед, медсестра, соцработник и Кристель, индивидуальный педагог, который будет помогать Маттье. На дворе январь. Мы встречаемся уже второй раз. Первая встреча произошла накануне перехода Маттье в подготовительную группу.

— Сначала было трудно, но Маттье добился больших успехов, он стал более самостоятельным, ему удастся сосредоточиться, он стал внимательней к окружающей жизни, — констатирует учительница.

— Поскольку у него многое стало получаться, он стал внимательнее. Он лучше выполняет наши указания. Он работает на занятиях, часто поднимает руку, — подхватывает Кристель.

— Недавно он пришел из школы в слезах, потому что не успел дописать упражнение. Он очень старается, — говорит мама.

— Он охотно берется за дело и он старается делать все по правилам, — добавляет папа.

В области чтения и письма у Маттье большие успехи. «Невероятный прогресс, мы такого не ожидали» — таково общее мнение. Это очень важный момент, потому что именно письменная речь откроет для него путь к устной речи. Но обольщаться не стоит. Читать он научится к концу года, но сначала не будет понимать, что же он читает.

— Почему так все хорошо получилось? — спросила меня соцработник.

— Вовремя поставленный диагноз, терпеливые родители, позитивный настрой ребенка и совместная забота.

Правда, учительница рассказала, что Маттье часто играет один в углу, полностью погрузившись в свой внутренний мир. Он жалуется, что дети его сторонятся. Ну конечно, с ним неинтересно, он не понимает правила игры! Мама записала его в хор, чтобы он не замыкался в себе и учился общаться. Однако Кристель настроена оптимистично: «В начале года он плакал, потому что не хотел идти в сад. Теперь уже нет». Что сделать, чтобы наладить его отношения с другими? Говорить об этом! С ребятами в группе, с их родителями. Объяснить им, что дело не в том, что Маттье умственно отсталый ребенок — ему просто трудно говорить. Значит, нужно помочь ему почувствовать себя в группе более комфортно, помешать ему еще больше отдалиться от остальных. Потому что чем дальше, тем тяжелее ему будет. Речь детей быстро развивается. Они говорят: «дошло как до жирафа», «я круче» «я тебя кинул»; столько метафор дисфатик запомнить и понять не в силах. Или «закрой варежку» — он ведь воспримет это выражение буквально.

Психологи должны настроиться на «относительные связи». Как можно чаще использовать компьютер в качестве визуального пособия. Разговаривая с ребенком, говорить медленно и отчетливо, просить его повторять каждую фразу. Необходимо удостовериться, что он понял, прежде чем продолжать. Еще нужно попросить учительницу, чтобы в работе с ним она использовала силлабический метод обучения. Во время занятий следует использовать как можно больше картинок при объяснении материала, при выставлении оценки нужно учитывать особенности мальчика. Последнее, возможно, придется делать на

протяжении всей школьной жизни Маттье. Даже на выпускных экзаменах.

А самое главное — несмотря на все трудности Маттье ни в коем случае не должен остаться на второй год в подготовительной группе. Такое вполне реально — при наличии всех перечисленных форм поддержки. И на следующий год, кстати, тоже. Движение вперед — единственная гарантия, что он окончательно не отстанет и найдет свое место в системе школьного обучения. На этой оптимистической ноте собрание закончено и мы расходимся, назначив следующую встречу в июне.

Когда мы вышли во двор, мы встретили Маттье, он обнял родителей и своего логопеда, остальных вежливо приветствовал. Он знал, что все эти взрослые собрались здесь ради него. Чтобы понять его трудности, вникнуть в его проблему. И способность взрослых к диалогу и взаимопониманию — безусловно, лучший пример для мальчика, которому трудно выразить свою мысль словами. В любом случае, он чувствует поддержку, а значит, меньше боится за свое будущее.

Кажется, начало хорошее. Маттье напоминает мне ребят, которым нужно протянуть руку, чтобы они смогли перейти реку вброд...

Дисфазия: глаза могут говорить

Четырехлетний Виржил грустен и замкнут. Он попал к нам в отделение с диагнозом «депрессия». Если присмотреться к малышу, можно заметить еще одну серьезную проблему: когда он говорит, никто его не понимает! Дело нешуточное.

Называется это дисфазия. Ребенку с таким нарушением часто приписывают аутизм или умственную отсталость. Он говорит на каком-то тарабарском языке, а иногда просто не разговаривает. Его выдает только взгляд, по которому сразу понятно, в чем разница. Глубокий, пристальный взгляд — как будто он хочет глазами сказать вам то, что не могут произнести его губы.

Дисфазия для речи — то же самое, что дислексия для чтения. Она вынуждает ребенка молчать или изъясняться с трудом. Он не может составить фразу, затрудняется в выборе слов, и к тому же у него проблемы с пониманием.

Он говорит «коезд» вместо «поезд». Он игнорирует синтаксис, и у него получается «папа ехай масина». Для его речи характерен «аграматизм», то есть ему сложно составлять фразы по схеме подлежащее-сказуемое-дополнение, как делают все дети его возраста. Беглость речи отсутствует, он изъясняется односложно: да... нет.

Из его рассказа мало что можно понять.

— Расскажи мне о каникулах.

— Было хорошо.

— А что ты делал?

— Море... пляж.

У него ограниченный словарный запас:

— Ну, ты знаешь... эт самое... ну штука такая, как ее...

Когда его просят описать простую картинку, на которой, например, изображено хорошо известное ему животное, он ищет слова и не находит их. Надо помогать ему, подсказывать первую букву или слог — «бе» чтоб сказать бегемот. Иногда проблемы понимания усугубляют невозможность выразить свою мысль, тогда ребенок может замкнуться в себе. Он не может «расшифровать» то, что ему сказано, долго думает, перед тем как ответить, это раздражает взрослых. К тому же он не всегда выполняет команды и указания. Это называется «автоматически-волевая диссоциация», которая выражается в том, что иногда он может правильно произнести: «Не мог бы ты передать мне сахар?», но эта фраза появляется автоматически. Чтобы ее сформулировать, ребенку не надо копаться в голове, она выскакивает сама собой! Напротив, если ему задают вопрос и ему необходимо подумать, он не справляется. Именно эта диссоциация и вводит окружающих в заблуждение. Так воспитательница, например, с самыми благими намерениями может ему заявить: «Ну

вот, можешь, если хочешь!» А у него-то все получается наоборот: фраза вырывается у него самопроизвольно, когда он этого не хочет! Конечно, у него появляется репутация упрямого и бездельника — ребенка, который совершенно не старается. А он-то вовсе не при чем!

Неврологическая проблема

Тут, увы, речь не об «обычном» отставании, которое ребенок нагонит с годами — мы имеем дело с нарушением, которое будет мешать человеку всю его жизнь. Это серьезное структурное расстройство определяется так: «специфическое нарушение функций производства речи у ребенка, не объясняемое ни глухотой, ни умственной отсталостью, ни изменением личности». Значит, речь идет о неврологическом нарушении, неправильной обработке сигналов, подаваемых мозгом.

Французские врачи долгое время отказываются признать существование дисфазии, даже теперь некоторые психиатры считают ее неким психологическим нарушением. И ничем больше. Зато на другом берегу Атлантического океана квебекские врачи из Ассоциации Помощи Немым Детям разработали памятку, которая призывает быть внимательным к детям с этим недугом «Он не говорит не потому, что не хочет, а потому, что не может» и развесили ее повсюду. Не только в приемных специализированных докторов, но и в больницах и в некоторых других общественных местах, которые посещают семьи с детьми. В этой памятке подробно описаны симптомы дисфазии и места, куда можно обратиться в случае, если вы не понимаете, что происходит с вашим ребенком: «Вам кажется, что ребенок лучше понимает ваши жесты, чем ваши слова... и тем не менее он нормально слышит».

Обследуя пациентов, страдающих афазией, а именно потерявших возможность говорить в результате несчастного случая, врачи высказали предположение, что дисфазия также может иметь биологическое происхождение. Именно мышление по аналогии позволило продвинуться в понимании неврологических механизмов в результате многих научных работ, созданных в рамках современного понимания когнитивных процессов и исследования работы мозга.

Но вернемся к Виржилю. В младшей группе он по-прежнему не говорил ни слова, но среди маленьких детей это не очень бросалось в глаза. В это время он компенсирует свою немоту другими умениями: ловко клеит, вырезал... иногда даже лучше других. Воспитательница говорила: «Я никогда не видела ребенка, который бы так плохо говорил и так хорошо при этом со всем управлялся». Но на следующий год его отставание стало заметным: «На каком языке ты говоришь, мальчик?» Эти насмешки больно ранят его, дома он вымещает агрессию на близких. Он замыкается в себе, отказывается ходить на детские праздники и дни рождения.

Страдание охватывает его все сильнее, родители предполагают самое худшее. Необходимо срочно поставить диагноз. Ведь обманчивые симптомы приведут мальчика в специализированную школу и в психиатрическую больницу. Подобный образ жизни ему категорически не подходит, он должен обучаться обычным образом, но с поддержкой и учетом его особенностей.

У шестилетней Эльзы ужасные проблемы в подготовительной группе: нерегулярные знания, бедная речь, непонимание указаний учителя. Воспитательница решила обратиться к психологу, который предположил серьезное изменение личности. В основном потому, что девочка могла в пятницу вдруг не суметь сделать того, что легко выполняла в четверг. И как раз колоссальная разница между ее письмом при списывании с доски и под диктовку натолкнула нас на правильный вывод¹⁴.

Вовремя поставленный диагноз «дисфазия», занятия с логопедом и поддержка со стороны преподавательницы позволили Эльзе нормально продолжать учебу.

¹⁴ См. Приложение 2 «Эльза».

Диагностика и лечение

Чтобы определить дисфазию, нужно действовать методом исключения, поэтому необходимо провести подробное обследование. Прежде всего исключить глухоту, умственную отсталость, депрессию и аутизм.

Дифференциальный диагноз начинается с проверки слуха. Если после стандартной процедуры остаются какие-нибудь сомнения, необходимо более подробные тесты: запись реакции мозга на звук. Подобное исследование используется также для пациентов в коме.

Второй этап — подробная проверка IQ. Если вербальные показатели ребенка понижены, это подтверждает диагноз. При условии, что показатели «тестов на исполнение» совершенно нормальны.¹⁵

В этой части теста ребенок не пользуется речью, ему предлагаются задачи другого характера: вывести человечка из лабиринта, перерисовать символы, собрать паззл и так далее; с такими заданиями дисфатик справляется нормально.

Представим себе такую картину: вербальные показатели IQ в районе семидесяти (средние показатели между 85 и 100), а показатели представлений 110, что означает нормальное развитие интеллекта, то есть разница между ними 40 пунктов. Считается, что если эта разница больше 20 пунктов, у ребенка проблемы именно с речью. Измерения эти проводить довольно сложно, в особенности у маленьких детишек 3–4 лет, которые не говорят ни слова! Родители приезжают к нам в ужасе, что обследование выявит у ребенка умственную отсталость или острый психоз. Ведь посторонние воспринимают его именно так. Только правильная диагностика позволит избежать роковых ошибок и помочь ребенку.

Лечение дисфазии включает три основных направления. Во-первых, интенсивные занятия с логопедом: сеансы в интенсивном ритме, чаще всего — три раза в неделю. Родителей надо успокоить, провести с ними разъяснительную беседу о том, что эта патология, о которой они скорее всего никогда не слыхали, не вылечивается, но при этом «ребенок сможет вести нормальную жизнь». При условии, что вы будете с ним правильно себя вести и следовать нескольким простым советам. Третье направление — школа: с ней надо установить тесный контакт. Потому что преподаватели совершенно логично захотят оставить такого ребенка в саду еще на год. Он ведь так отстает! А вот это как раз ему противопоказано. Наоборот, нужно способствовать его переходу в подготовительный класс, потому что обучение чтению и письму поможет ему преодолеть речевые нарушения. По сути дела, чтобы решить его проблему, нужна визуальная поддержка. Когда он видит написанное слово, ему легче произнести его. Информация в этом случае проходит через другой канал, который работает исправно. Таким образом, чтение способствует процессу реабилитации ребенка. Кстати, известно, что некоторые дисфатики достаточно быстро учатся читать. Но — внимание! — при условии, что их обучают традиционным способом. То есть ни в коем случае не «глобальным» методом, который состоит в том, что ребенок визуализирует слово, а слоговым методом — «б-а» — «ба». Тогда ребенок не «фотографирует» слова, а учится их «конструировать».

Сложности подростка

Переход в старшую школу чреват для подростка-дисфатика новыми трудностями. В результате постоянной неуспеваемости у него появляется тревожность, он боится неудач, тем более что новые предметы (особенно иностранные языки) очень плохо соотносятся с его особенностями. Они долго время старались придерживаться конкретики, «цеплялись» за нее, поэтому для них особенно труден переход к воображаемому и концептуальному. Недостаток понимания по-прежнему мешает им правильно писать диктанты.

Том, двенадцать лет, добрался до пятого класса, невзирая на тяжелую дисфазию. Его перевели в школу, где учатся дети с неврологическими патологиями, и он добился вполне

¹⁵ См. ниже раздел «Цели и средства оценки».

приличных результатов благодаря использованию компьютера и права на дополнительное время при выполнении контрольных работ. Тем не менее он остается скованным даже в письменном выражении.

Конечно, все усложняется, когда ребенок совсем не разговаривает. Он — жертва непонимания, и существует опасность, что он замкнется в равнодушии к окружающему миру. И попробуй упрекни его, что он цепляется за мамину юбку. Потому что единственный человек, который его понимает — это мама. Удивительно наблюдать их сногшибательный дуэт, в котором говорят глаза. Когда обращаются к этому мальчику, он поворачивается к матери и впирается взглядом в ее губы, чтобы уловить любой знак, указывающий ему путь к пониманию. Потом, глазами и жестами, он передает матери свой ответ, которая — с переменным успехом — переводит на общепринятый язык слова, крепко-накрепко запертые в голове ее сына.

Это взаимопонимание достаточно эффективно и при этом очень трогательно, но оно тоже имеет свои минусы. Ребенок ощущает некоторую обманчивую комфортность существования, которая препятствует его движению вперед. Такая гиперопека, вполне причем обоснованная, тем не менее имеет побочный эффект: она перекрывает дорогу к самостоятельности. Бессознательно мать поддерживает состояние, когда ребенок не может обойтись без нее и, сама того не желая, она его удерживает в этой непродуктивной ситуации. «Я вновь выйду на работу, когда он заговорит», — говорит мама, пожертвовавшая карьерой ради ребенка. Но она неправа! Она оказывает ему медвежью услугу. Ее сын вовсе не глуп, он прекрасно понимает, что если он двинется вперед, он потеряет массу довольно приятных преимуществ, которыми пользуется из-за своей болезни. Хотя конечно же, тоже вполне безотчетно.

Не следует при этом забывать, что неврологическое расстройство мальчика может «зафиксироваться» оттого, что постоянно подпитывается беспокойством и благими намерениями близких. Мама мальчика, который не разговаривает, опасается бросить его один на один с чужими людьми. Она боится, что он не сможет «сказать», если с ним что-нибудь случится. Значит, она его оберегает. Не отпускает с классом в поездки на свежий воздух, мало ли что, «он ведь и не расскажет». И ее постоянная тревога отражается на состоянии мальчика, который не получает достаточно впечатлений из внешнего мира, необходимых для развития его личности.

Он нуждается в общении с другими ребятами

Ребенок с дисфазией тем не менее хочет общаться. И может притом: с помощью жестов, движений, мимики, взгляда и зрительных образов. Надо подбодрить его, поддержать на этом пути, чтобы он не замкнулся в одиночестве и тоске. Для него необходимо посещать школу, и, если можно, местную, недалеко от дома — чтобы он постоянно был окружен друзьями. А также ему нужно постоянно быть под наблюдением команды врачей и педагогов, которые плечом к плечу сопровождают его в новую, нормальную жизнь.

Школьные врачи, педиатры, логопеды и психологи должны добиться слаженной работы. Для того, чтобы выработать необходимые воспитательные и учебные стратегические установки, им стоит выбрать одного из них, и этот человек, подобно дирижеру, будет координировать действия всего оркестра. Иначе каждый будет дуть в свою дуду — и никакой реальной пользы не получится.

На этого человека возлагается задача объяснять всем вокруг, что хотя способности его подопечного к пониманию и обучению не совсем такие, как у других детей, его тяга к знаниям как раз совершенно такая же. Что недооценивать ребенка вредно для его психического здоровья. Что ребенок-дисфатик умен и очень страдает оттого, что не может проявить свой ум. Его недостаток тем более заметен в обществе, где отдается предпочтение устному формат ответа перед письменными. Он как бы дважды наказан — лишен доступа к знаниям и простого человеческого общения. Он безуспешно гоняется за словами, а они ускользают из рук... Слова к нему жестоки.

Антуан: «Ваш сын не приспособлен к школе!»

Антуану одиннадцать. Он приятный мальчик, интересуется моей работой, задает мне кучу вопросов. Ведет он себя естественно и раскованно, его не смущают белые халаты, он чувствует себя в больничном отделении как дома. Он доверительно сообщает мне: «Ты понимаешь, школа — это просто кошмар, особенно весь последний год. Мне попался учитель, который обращает внимание только на отличников».

1997 год, Антуан перешел в среднюю школу; мама приводит его ко мне на консультацию, потому что ее гложут сомнения по поводу его будущего. Да, его перевели в среднюю школу, но какой ценой! Бесконечные вечера, потраченные на переписывание сделанного в школе и подготовку уроков на завтра! Бесчисленные выходные, ставшие буднями из-за домашних заданий! Видно, что эта мама не преувеличивает — героическая мама, помогающая сыну «переползть» из класса в класс. Все эти мучительные часы она разделила с ним. Но сейчас ее терпение иссякло. «Это стало уже тяжело и мучительно для меня». Самое обидное, что все ее усилия безрезультатны, Антуан по-прежнему не тянет. «Ну что я могу еще сделать!»

Мама не знает, как помочь

Мама действительно делает все возможное, чтобы Антуан перестал быть худшим учеником в классе. Он ходил к логопеду — постоянно, начиная с четырех лет. Этими занятиями мальчик был уже сыт по горло, да и проку от них выходило немного: он недавно уговорил прекратить их. Такая же история с посещениями психотерапевта: недавно прекратил эти сеансы, бесплодно проведя два года. Ему стало неинтересно, да и в общем-то никогда они ему особенно не нравились. «Много шуму из ничего», жалуется мне мама, которая уже и не знает, каким еще образом помочь утопающему в море школьной премудрости сыну. Антуан по-прежнему путает буквы, пишет очень плохо, читает еле-еле и не понимает смысл прочитанного. «Он не успевает понять, о чем читает, потому что тратит очень много сил на расшифровку каждого слова. Переписать текст — адский труд для него! Он переносит на бумагу по букровке, не умея „сфотографировать“ целое слово». Мама недоумевает: за время занятий с логопедом он уже должен был бы хотя бы отчасти справиться с дислексией.

Что касается устных предметов, он неплохо справляется: у него хорошая память и логическое мышление. Вне школы он веселый, смелый мальчик, хотя мама и жалуется, что последнее время он стал более замкнутым: «Он мне кажется еще каким-то озабоченным... И я спрашиваю себя, не моя ли это вина...» Я чувствовал, что она лишена поддержки, что она в одиночку несет весь груз проблем мальчика. Когда речь заходит об отце Антуана, она отвечает, что отец не может найти к ребенку подход и оттого не занимается им вообще. Зато он уделяет много внимания младшему сыну, у которого в школе все в порядке. «Так что кроме меня ему некому помочь...», говорит мама, и чувствуется, что она боится: ее силы иссякнут и терпение истощится. Я постоянно повторяю ей: «Вы ответственные, но не виноваты! Ответственны за будущее вашего ребенка, но не виноваты в его затруднениях». Всем известно, что родители — не лучший вариант для занятий с собственными детьми. Происходит путаница ролевых отношений, чреватая проблемами в будущем. Когда ребенок взрослеет и желает освободиться от излишней опеки, дистанцироваться от родителей, он невольно бьет по самому больному месту. Как в законе Архимеда: чем больше родители давят, тем больше сопротивляется ребенок. А когда яблоком раздора становятся школьные занятия, ребенок, чтобы укрепить свою новую независимую позицию, начинает относиться к учебе еще хуже.

Встреча с Антуаном наедине не дала никаких поводов для особенного беспокойства. Между нами сразу же установилось взаимопонимание. С точки зрения психолога у Антуана нет серьезных проблем. Но он страдает от невнимания взрослых: не только отца, но и

некоторых преподавателей. Зато от мамы внимания слишком много: она чрезмерно опекает мальчика. Она сама объясняет это тяжелым течением беременности. Он был очень желанным ребенком — и очень тяжело ей достался. Потом вроде бы все обошлось, в младенчестве у Антуана не было никаких проблем со здоровьем, в саду тоже все шло благополучно, первые трудности начались в подготовительном классе.

Сейчас, конечно, его уровень чтения ниже, чем полагается по возрасту. Гораздо ниже. Я рекомендую все-таки возобновить занятия с логопедом и успокаиваю мать. Объясняю ей, что все проблемы Антуана — технического характера, зато в голове у него порядок, что по моему мнению гораздо важнее. Еще я предлагаю все-таки вовлекать отца в занятия с мальчиком, им необходимо больше сблизиться. И в заключение прописываю лекарство, повышающее питание мозга кислородом, так называемый церебральный вазодилататор, который рекомендуют при дислексии. Мы договариваемся встретиться через три месяца.

«Не приспособлен к школе»

В начале декабря они появляются у меня в кабинете. Мама буквально с порога сообщает мне, что несмотря на логопеда и лекарство «все очень плохо. Антуан очень меня тревожит...» Она рассказывает, что во время школьного собрания директриса заявила: «Кроме проблем с успеваемостью, ваш сын еще и держится особняком, у него нет друзей... он не приспособлен к школе». Ситуация все больше усложняется: «даже по математике, с которой у него всегда было неплохо, сейчас появились проблемы, потому что он не может прочитать задачу». С английским вообще катастрофа. Другие ребята насмеяются над ним, и он начал строить из себя шута, чтобы хоть как-то выделиться. «Вот такие у нас невеселые дела».

Я остаюсь с Антуаном один на один. Он, как обычно, спокоен и дружелюбен. Но не так эмоционален, как раньше, он кажется немного грустным. Он уже не так словоохотлив, не так радостно реагирует на мои шутки, не так доверчив и откровенен. Все разъясняется оброненной им фразой: «Ну конечно, я же самый тупой в классе!» Мы обсуждаем с матерью проблему заниженной самооценки, она еще добавляет: «Антуан часто плачет во сне... наши отношения с ним испортились, потому что я ругаю его за плохие оценки...»

Расстается мы на том, что мальчику все-таки нужно продолжать занятия с логопедом. Лекарство нужно отменить, но зато я решаю встретиться с этой директрисой.

«И неграмотен!»

Директриса по телефону показалась мне очень возбужденной. «Это катастрофа! Антуан считает, что его травят; он говорит, что его никто не любит. В прошлом году мы предложили ему выбрать профессионально-техническое направление, но родители отказались. Они неправы, начался ад какой-то. Мальчик страдает, к тому же он неграмотный...» Я объясняю ей, что вплотную занимаюсь мальчиком, поскольку у него дислексия, что его способности не подвергаются сомнению, и в трудностях с учебой нет его вины. Поэтому вопрос о какой-либо профессионально-технической ориентации ставить совершенно преждевременно. Надо дать ему еще шанс. Я не против училищ, ну что вы. Можно проявить себя и в ремеслах, я ежедневно сталкиваюсь с такими примерами. И я вовсе не считаю, что путь обычного образования единственен и неповторим, напротив, он может стать источником стресса и драм. Каждый должен выбрать свой путь, который ему больше подходит. Для того и нужны разные направления обучения. Уж я-то с этим сталкиваюсь постоянно, ко мне чуть не каждый день приводят детей, нуждающихся в переориентации, дабы вновь обрести душевное равновесие. Но я настаиваю лишь на одном: для того, чтобы принять такое решение, надо хорошо разбираться в вопросе. Понимать, что такое дислексия. Конечно, эти дети не слишком-то приспособлены к школе, но это не повод, чтобы их из нее исключать. Учебное заведение должно приложить некоторые усилия, чтобы их принять у себя. И, честно говоря, это не бог весть какой труд. Я говорю этой руководительнице, что пришлю ей список советов, которые даю в подобных случаях.

Антуан грустит

Три месяца спустя Антуан с матерью пришли ко мне, как обещали, и я сразу понял, увидев их лица, что ситуация лучше не стала. И правда, мама сообщила мне, что напряжение стало невыносимым, что «Антуан рискует своим будущим. Все очень серьезно, в школе потеряли терпение». Она рассказала, что он стал хуже себя вести — порой его поступки просто необъяснимы. В довершение всего он стал ужасно неусидчивым, это усугубляет дело.

Оставшись наедине со мной, Антуан был грустней обычного. Я спросил его, чем он расстроен. Он ответил, что ему очень не хватает его брата, потому что они теперь в разных школах. Еще ему хотелось бы, чтобы одноклассники были бы приветливей с ним, он чувствует себя одиноким и отвергнутым и очень боится будущего.

Оказалось, что все беспокойство за неудачи мальчика по-прежнему ложится на плечи матери. Отец занимается с сыном, но ведет себя как «вторая мама». Он не может найти к ребенку подход: «У него не та позиция, которую ждут от отца, у них не возникает мужской солидарности... он не исполняет своей роли!»

Но вне школы ему неплохо

Время проходит, Антуан по-прежнему не умеет работать самостоятельно и зависит от матери. И то небольшое свободное время, что у него остается, проводит наедине с телевизором или компьютером. Друзья вовсе исчезли с его горизонта. Результаты занятий с логопедом не особенно заметны. Маме кажется, что он не хочет взрослеть: иногда он изображает младенца или собачку. Единственное, что ему нравится — заниматься спортом. Он ходит на гимнастику, играет в футбол, стреляет из лука вместе с отцом — единственное их совместное занятие. Что касается отца, он, как выяснилось, безработный, и жизнь ему отравляет его собственная дислексия! Он отсылает письмо за письмом в поисках работы, но на этом все и кончается, потому что он боится, что его недостаток будет замечен в ходе собеседования. В школе Антуан окончательно рассорился с одноклассниками: «Я один раз подготовился и думал, что получу хорошую отметку, но я ошибся, когда читал, и весь класс стал хохотать!» Антуан — несобранный, порой наивный и незрелый мальчик. И главное, в этой школе его так и не захотели понять. И вот они принимают мудрое решение: в будущем году поменять школу. Он будет ходить в частный колледж, где в классе меньше учеников и им уделяют больше внимания. Мы встречаемся с ним накануне начала учебного года. Он гораздо живее и веселее. «Ну чего же вы хотите — каникулы!» — говорит мама. Он дарит мне чудесный рисунок о лете своей мечты: греческий храм с колоннами на берегу моря. В общем, он чувствует себя прекрасно. Я делаю вывод, что он «начал новую жизнь», он вполне в форме и у меня появляется надежда.

Еще слишком маленький

Когда я его вновь встречаю, он седьмой по успеваемости из одиннадцати учеников! Невероятный прогресс, он больше не худший в классе! Но, правда, он по-прежнему не самостоятелен: «Его не усадишь работать, все держится на мне, ему правда не хватает взрослости». Но тем не менее его табель вселяет оптимизм, он старается по всем предметам, по-прежнему занимается спортом, делает большие успехи в плавании. Его мама, занимающая крупный пост на большом предприятии, жаловалась, что он «вялый и безынициативный, ему не удастся ни с кем подружиться, у него нет качеств лидера». Во время разговора с глазу на глаз Антуан показался мне раскованным, уверенным в себе; кажется, в этой школе его наконец сумели понять и принять.

Но я продолжаю следить за его успеваемостью. В феврале он по-прежнему седьмой, но его работы становятся хуже, он очень грязно пишет и с некоторыми предметами у него дело не ладится. Он работает часами, и каков же результат? А результат не блестящий. И опять слишком много телевизора и видеоигр... по словам его мамы, совершенно вымотанной этой системой «шаг вперед, два шага назад».

Почти подросток

В конце 1999 года Антуану исполняется тринадцать, он уже в следующем классе. Успеваемость никуда не годится. К тому же он мрачен, молчалив, и отношения в школе так и не наладились. «Мы работаем с ним не покладая рук, нет ни минутки свободной. Но учителя в ужасе от его диктантов, друзей у него совсем мало, и он иногда словно витает в облаках», жалуется мать. Во время нашей встречи с Антуаном один на один мальчик, напротив, спокоен, настроен оптимистично — даже несколько утопично. «Он хочет потом учиться на архитектора, жить ему легко, лишь бы еще в школу не ходить». Я проверяю, нет ли у него проблем с вниманием: «Нет, если я отвлекаюсь, то лишь когда мне неинтересно». Это нормальная реакция для мальчика, который становится подростком. Меня больше беспокоит мать: у нее усиливается стресс. Я прошу ее позвонить мне, если она заметит какие-нибудь изменения в сыне, который сейчас не внушает мне опасений. Он учится в школе, которая ему подходит, продолжает занятия с логопедом и у него в целом неплохой настрой. Будем следить, но слишком беспокоиться не стоит.

Я узнал, что Антуан остается на второй год, но в целом дела у него неплохо, оценки стали значительно лучше. Я обнаружил, что он очень изменился, вырос на двадцать сантиметров, превратился в настоящего подростка. В социальном плане он просто расцвел. К тому же он постиг азы «науки страсти нежной...»: «У меня столько подружек...» У них теперь с парнями компания, это так здорово! Мама как всегда отдувается за него, если она не стоит за спиной, треть уроков оказывается не сделана. Тут все никак не сдвинется с мертвой точки, у парня никакой самостоятельности. Занятия с логопедом стали давать результат, но с письмом по-прежнему остались проблемы. Тем не менее прогресс налицо, это признает даже мама, хотя иногда «он где-то не здесь, и его невозможно вернуть на землю». У нас с ним наконец устанавливается отличный контакт. Я чувствую, что он очень расположен ко мне, весел и приветлив, интересуется фотографиями моей семьи, которые тут и там развешены по стенам кабинета. Мне представляется, что сейчас ему не нужно никакой дополнительной помощи, кроме занятий с логопедом.

С этого момента мы встречаемся раз в полгода. В октябре 2001 ему 15 лет, он переходит в следующий класс — и, кажется, без проблем. Для подростка он очень симпатичен: общительный, не упрямый, покладистый, хотя и по-прежнему несколько незрелый. Он не совсем объективно оценивает свои силы, он убежден, что его будущее безоблачно и он легко перелетит в следующий класс (второй во Франции, то есть предпоследний). Он только не учитывает, что с письмом у него по-прежнему серьезные проблемы. И что его учеба происходит путем сверхчеловеческих усилий: два или три часа занятий каждый вечер, четыре часа в субботу, четыре часа в воскресенье, да еще логопед! «Боюсь, у него каша в голове», — говорит мама, которая четко представляет себе ситуацию. Оставшись с Антуаном, я стараюсь его предостеречь. Важно не выдохнуться, последний участок пути может быть слишком трудным для него. Я заговариваю с ним о более удобной для него системе обучения и о технической ориентации.

Найти правильный путь

Проходят несколько месяцев, наступает март 2002 года. Антуан все в том же классе — катастрофа! Последняя контрольная по французскому — 3 из 20. Понять, что он пишет, — невозможно. Но он вовсе не расстроен. Преподаватели его очень любят, говорят, что у него очень развиты аналитические способности, что у него прекрасное логическое мышление. Результаты по математике и физике — 13 и 15 из 20. Но ему надо стать ответственной. Это его слабое место, и мать уже изрядно озабочена, что такой взрослый мальчик до сих пор сильно зависим от нее. Я прошу его прочитать мне немножко, хотя меня немного смущает просить о таком шестнадцатилетнего юношу. И я весьма удивлен, что он до сих пор запинается на незнакомых словах. Я отмечаю себе: дефицит фонологического развития неизменен. Его самое заветное желание — чтобы мама меньше внимания обращала на его

занятия. Очевидно, что пора перерезать пуповину, хотя бы для того, чтобы он наконец научился учиться.

В конце концов он все же решает последовать моему совету, поменять колледж и закончить свое образование в техническом лицее (техникуме), где получит профессиональный диплом. Я вижу его через два месяца после начала занятий. Не считая того, что некоторые учителя жалуются, что он мало работает, к технике у него есть способности, и с французским как-то дело наладилось. Он в отменном настроении: «Я влюблен!» — заявляет он мне гордо, — «мы все время пишем друг другу эсэмэски!» Вот уж спасибо от всех дислексиков электронным средствам связи! Фонологическое письмо типа «Е2», «О5», «Знеровка», «Сов7» здорово помогает им в общении. Они чувствуют себя наравне с остальными, подобно тому, как глухонемые отлично общаются под водой. Тем не менее я сказал, что ему не помешало бы слегка поднапрячься в колледже, и ему надо учиться быть ответственным. И он на верном пути. Доказательство — жалобы матери: «Он мне перечит, стал таким дерзким! Надо вновь за него взяться!» Я объяснил ей, что он ведет себя совершенно нормально, то есть по возрасту — он начал бороться за самостоятельность, и ей не жаловаться надо, а радоваться.

Антуан еще расцветет, научится сам управляться с домашними заданиями, станет самостоятельным и ответственным. Получит свой технический диплом, который откроет ему множество путей в жизни. В отличие от технической ориентации в средней школе, которая перекрыла бы дорогу его планам и оставила возможность заниматься только самыми простыми видами деятельности. Его пример поучителен: он показывает, насколько важно определить свои слабые стороны, дать возможность помочь себе в их преодолении, найти самое подходящее учебное заведение, и не забывать при этом ни на секунду, что главное — научиться самостоятельности. То есть, уже в детстве заложить основы взрослой жизни! «Не приспособленный к школе» Антуан в конце концов нашел подходящую для себя школу.

Дислексия: «Это ошибание невыносимо»

Хотя благодаря очкастому Гарри, ученику школы чародейства «Хогвартс», и образовалось целое новое поколение маленьких читателей, тем не менее огромная масса детей так и не приобщилась к чтению. Детишки, которые в жизни не сядут почитать, хотя полками с книгами увешаны все стены, расстраивают родителей, готовых порой устроить костер из телевизора и игровых приставок. К тому же родители знают, что бесполезно заставлять ребенка читать. Как говорит Даниель Пеннак, настаивать бессмысленно: «Глагол читать не выносит императива. Это свойство присутствует еще у некоторых глаголов: „Любить“, „Мечтать“. Можно, конечно, попробовать. А ну, давайте скажем: „Люби меня!“, „Мечтай!“, „Читай!“ А ну давай читай, черт подери, приказываю тебе читать!»¹⁶

Увы, ребенок предпочитает засыпать перед экраном или упираться носом в клавиатуру. Но виной не только его пристрастие к готовым зрительным образам и виртуальным подвигам. Многие дети не хотят читать по совершенно другой причине. Читать, говорите? Да у них просто не получается! Для них слово «книга» — синоним слова «мУка». Тяжкий путь, грозящий невероятными трудностями, без которых лучше бы обойтись. Враг, на которого они поглядывают издали, опасаясь, что он вдруг начнет их терзать. Лучше не трогать!

Преград для чтения может быть масса. Часто они скрыты, их трудно определить и догадываются о них с опозданием. В частности, такая преграда — дислексия. Она — один из ключей, запирающих для ребенка дверь в мир книг. Дислексия к тому же сильно тормозит процесс обучения и вызывает постоянные проблемы в школе. По данным статистических исследований, проведенных в феврале 2005 года, у 10-и процентов детей проблемы с чтением, причем у половины — достаточно серьезные. Причем, если в детском возрасте

¹⁶ Даниель Пеннак (род 1944, фр. писатель), из книги «Как роман». Прим. перев.

дислексия легко сходит с рук, впоследствии она здорово мешает жить.

— «Я взял ручку», — такая ошибка в четыре года только вызовет улыбку, она составляет часть очарования малыша. Но такие речевые «ляпы» у более взрослого ребенка вызовут лишь насмешки: «Глядите-ка, он разговаривает, как младенец!» Потом, когда приходит время учиться читать, наступает время сомнений: «В твоём возрасте можно читать и лучше!» И наступает день, когда замечания становятся язвительными и жестокими: «Ты, неграмотный!»

Ни ленивец, ни бездельник

Дислексия может стать источником подлинных страданий, порождаемых в основном ощущением несправедливости. Ребенок — ни ленивец, ни бездельник. Если у него не получается читать, то лишь потому, что написанные слова лишены для него смысла. Он как будто расшифровывает незнакомый ему язык. И вот он глотает звуки, путает буквы и переставляет слоги, причем совершенно ненамеренно. Довольно быстро чтение становится ему ненавистным, а его мучения — предметом насмешки окружающих. Когда такого ребенка вызывают к доске писать упражнение, это превращается для него в сплошное унижение. Ребенка начинают считать умственно-отсталым, не пытаясь понять, почему его язык спотыкается о коврик слов.

Особенно такие дети страдают в школьных системах, основанных на превосходстве письменных предметов. Череду неудач провоцирует неприятие школы в целом. Ребенок вскоре начинает чувствовать свое отличие от других и школьная жизнь становится для него неинтересна. Он ощущает себя изгоем в маленьком пространстве учебного кабинета — и это впоследствии мешает ему найти свое место в большой жизни. Чаще всего так происходит, если его недуг так и не определен. И его упрекают в отсутствии усидчивости и старания — а он-то прикладывает такие усилия! Но они напрасны. Если оставить его без объяснений, он так и будет считать себя виноватым за все свои ошибки. Он спрашивает себя, почему все у него то шиворот-навыворот, то задом наперед, и приходит к выводу, что с ним что-то не так. Если за контрольную наинижайший балл — он сам виноват. Чувство вины усугубляется неосознанным пониманием несправедливости и ощущением собственной незначительности, которое мешает развитию его личности. У него возникают комплексы на почве своих многочисленных «неловкостей», которые могут иметь совершенно разное происхождение. Все эти нарушения натолкнули врачей на понятие о детях «дис», у каждого из которых свое специфическое расстройство.

Дети «Дис»

Он может быть «дизорфографичным», то есть неправильно транслировать звуки на письме и писать как слышит, и быть при этом неспособным исправить свой текст, испещренный ошибками. Этот случай особенно обиден для ребенка, который, например, прекрасно знает тему по истории или географии, и ему снижают оценку за грамматические ошибки. Это его совершенно деморализует. Его называют «дискалькуличным», если он неспособен производить операции с цифрами. Во взрослом возрасте это может привести к невозможности заполнить чек. Он может быть «дисфатиком», то есть страдать от невозможности выразить свои мысли словами, а может быть диспраксик, и быть неловким в действиях и жестах из-за нарушенной координации движений. В этом случае его тетрадки выглядят хуже черновиков, невозможно ничего прочесть, он толком не может вырезать, пользоваться линейкой и циркулем — и при этом речь у него может быть легкой и свободной, что называется «говорит как пишет». Все эти расстройства вызваны неполадками в той или иной части мозга. Эти нарушения происходят независимо друг от друга, но, как правило, дислексия и дизорфография¹⁷ неразрывно связаны между собой. У ребенка,

¹⁷ Дизорфография: длительное нарушение усвоения правил орфографии (см. глоссарий).

страдающего дислексией, проблемы как правило возникают на стыке буквы и звука, при переходе от написанного слова к сказанному и наоборот. При этом он может в обычной речи совершенно нормально разговаривать, испытывая трудности только в присутствии текста.

Дислексия — самая известная проблема из названных, поскольку самая распространенная: от 4 до 8 процентов детей, причем одна девочка на семь мальчиков. В семидесяти процентах бывает наследственной. Риск, что у ребенка возникнет дислексия, увеличивается в восемь раз, если она присутствует у обоих родителей. Для них, дислексиков былых времен, эпоха, когда их считали тупицами и полудурками, благополучно миновала. Но их воспоминания о школе так ужасны, что они предпочитают прятать их подальше.

Когда такую мать, измученную плохими оценками дочери, спрашивают: «А у вас самой никогда не было такой проблемы?», она честно отвечает: «Да что вы, у меня никогда не было дислексии». Но к концу консультации, вспомнив бесконечные вечера, потраченные на переписывание домашних заданий, занятия с логопедом, которые сбивают ее график и все прочее, она скажет в отчаянье: «Вы понимаете... Я не могу больше. Она путает все слова. Это ошибанье невыносимо!» Вот тебе и невольное признание в аналогичном расстройстве; она с трудом его пережила, с трудом научилась с ним управляться и до сих пор пытается скрыть. Тогда как восьмилетняя дочка давно его интериоризировала, то есть «врастила» в психику.

Вот убедительное доказательство. Среди множества предложенных детям тестов есть история про хрюшку с черным пятном на ноге, которой фея предлагает исполнить самое заветное желание. Девочка попросила во-первых, чтобы фея убрала противное черное пятно с ее ноги, а во-вторых, чтобы она убрала такое же пятно у мамы! Для девочки дислексия — что-то вроде шрама.

Эпидемиологи отмечают, что дислексия чаще встречается в странах, где написание слов отличается от их произношения — например во Франции и в Великобритании. Наоборот, в Италии и в Испании, где связь между ними более «прозрачна», то есть слова произносятся так же, как пишутся, это расстройство встречается реже. Этот факт стоит принимать во внимание при выборе второго языка в средней школе.

Объяснение дислексии

Всех дислексиков объединяет ряд особенностей. Это нормально развитые дети, которые тем не менее плохо учатся по причине нарушения проводимости в одном участке коры головного мозга. Эти проблемы не объясняются ни умственной отсталостью, ни психологическими причинами, ни нежеланием учиться. Это — неврология. «У этих детей парез чтения», объяснял Мишель Хабиб, невролог Центральной больницы в Марселе, один из крупнейших исследователей этой проблемы. Он объясняет ситуацию, исходя из анатомии. Оба полушария у дислексиков одинакового размера, тогда как обычно одно развито больше, а другое меньше. К этому, по мнению Хабиба, прибавляются «когнитивные» моменты, открытые благодаря новейшим нейро-лингвистическим исследованиям; это достаточно новая наука, которая объясняет нам, каким образом мозг воспринимает информацию в процессе чтения. Многим эта наука обязана исследованию именно детей с дислексией — ведь только изучая неполадки, мы можем полностью понять работу мотора.

Два способа читать

Таким образом было выяснено, что существует два способа чтения. Первый способ — фонологический, состоит в переводе «графем» в «фонемы», то есть трансформации письменных элементов в звуки. Например, «м» произносится как «м», «м» плюс «ы» будь «мы», «шь» произносится как «ш», «мы» плюс «ш» будет мышь.¹⁸ Назовем его методом

¹⁸ Во французском языке есть дифтонги и трифтонги, в оригинале автор разбирает слово «chapeau» — шляпа, которое читается как шапо. Sh+a+p+eau = (ш+a)+(п+о)= ша+по=шапо. Прим. перев.

соединения. Складывать знаки, из которых складываются слова. Так обычно учат детей читать в самом начале.

Но очень быстро переходят на другой способ — «лексический». Чтобы прочесть слово «мышь», ребенок как бы фотографирует слово в целом и отправляет его в свой словарный запас. Речь идет о слове, которое увидели, они в состоянии его вербализировать — выговорить. Пользуясь этим методом, уже не собирают, а «пересылают». Ребенок смотрит, фиксирует слово, узнает его и находит его соответствие в своем словарном запасе.

Эти два способа, «соединение» и «пересылка», используются при обучении детей в школе. Силлабическим способом, который учат «раскладывать» слова по слогам, а глобальным — запоминать слова и фразы целиком. Интересно отметить, что взрослые при чтении используют «лексический» метод, за исключением незнакомых слов и слов, которые ничего не значат. Такие слова, как «бнут», «олятш», «когир» (они называются логатомами) дру и бокра? можно прочесть только фонологическим путем. Они никогда не были зарегистрированы в лексике. То же самое относится и к именам собственным.

Наоборот, лексический путь оказывается единственно верным для прочтения слов с произносимыми согласными и безударными гласными: солнце, праздник, молоко и так далее¹⁹. В общем, на протяжении всей жизни люди используют оба этих способа.

В зависимости от расположения пораженного участка мозга дислексия бывает разного происхождения. Ребенок может быть «фонологическим» дислексиком: в этом случае его затрудняет чтение новых слов, как, к примеру, «археоптерикс». Знакомые же слова, будь они простыми или несущими какую-нибудь грамматическую сложность, как «мороз», «кусаться» и так далее, он прочитывает легко и просто. Если же его дислексия «лексического» происхождения, он из раза в раз делает ошибки при чтении слов типа «торопиться» и «проездной», произнося все буквы, как они пишутся. Простые же слова, даже незнакомые — как, скажем, «ломкий», — для него не проблема.

Диагностика и помощь

Совершенно ошибочно приписывать дислексию умственной отсталости, дефектам зрения, душевным расстройствам или просто лени. Мы имеем дело с серьезным и долговременным расстройством: человек рождается с ним и живет с ним всю жизнь — более или менее счастливо. Чтобы наши подозрения подтвердились, ребенок должен как минимум на два года позже начать читать. Если он не читает в конце первого класса, можно под вопросом поставить предварительный диагноз.

Как уже говорилось, подтверждения диагноза мы добиваемся методом исключения. Хорошо ли ребенок слышит? Хорошо ли он видит? Оценка его интеллектуальных возможностей позволяет отменить умственную отсталость. Личностные тесты устанавливают, не присутствует ли тревожность, депрессия или психоз, а может быть ребенок просто одержим нежеланием расти. Когда все эти диагнозы отпадут, мы начинаем подробно рассматривать гипотезу о дислексии.

Окончательные итоги можно подвести после подробного обследования ребенка логопедом. Грамотно проведенное обследование позволяет выявить тип дислексии маленького пациента: ему последовательно предлагаются самые простые слова, затем слова, представляющие трудность при чтении и наконец не-слова, такие как «грымп», «лопс», «виана». Еще ребенку дают пройти специализированный тест, называемый «Жаворонок».

Предупредить всех в школе

Когда окончательный диагноз поставлен, главное — начать регулярно поддерживать его с помощью занятий с логопедом (не реже 1–2 раз в неделю). Затем необходимо

¹⁹ Автор указывает здесь французские слова-исключения «monsieur», «femme», «oignon», которые читаются не так, как принято по фонетическим законам языка. Но принцип тот же. Прим. перев.

предупредить школьных преподавателей, чтобы они приняли необходимые меры. Совершенно очевидно, что когда известен тип дислексии у ребенка, и учить его надо соответствующим методом. Например, применять для обучения ребенка с «фонологической» дислексией, которому не удастся соединить звуки воедино, силлабический метод — совершенно бессмысленно. А для ребенка с «лексической» дислексией, наоборот, глобальный метод не даст никаких результатов. Третья методика, «смешанная» — сначала «сфотографировать» слово, а потом разбить его на составляющие — эффективна только для «фонологического» дислексика.

Обо всем этом необходимо информировать педагогов. Кроме того, чтобы реально помочь ему, следует усвоить следующие правила, которые повысят его настроение и самооценку: не следует ругать его за ошибки, просто исправлять их.

Не пытаться оставить его на второй год, это ему не принесет никакой пользы да и вообще ничего не изменит.

Не высмеивать его перед одноклассниками, не заставлять читать вслух перед всем классом, давать ему чуть больше времени на выполнение задания — он делает все чуть медленнее остальных. При выполнении диктантов придумать для него условный знак для учета процента ошибок, чтобы была возможность отличать неудовлетворительную оценку в начале года и в конце и позволить ему увидеть прогресс.

Также, как одаренным детям, дислексикам трудно приспособиться к школьным требованиям. Им действительно необходимо, чтобы школа приспособилась к ним. Государственные власти поняли это в 2001 году, и после доклада Жана-Шарля Рингара, инспектора академии, который был подготовлен по просьбе двух министерств — Образования и Здравоохранения, был выработан план действий по предупреждению и предварительной диагностике дислексии у дошкольников. Вместе с этим были предусмотрены особые условия прохождения экзаменов. Подросткам с подобными нарушениями дается некоторое дополнительное время на подготовку, причем происходит это тайно и анонимно и диплом они получают обычный. Дополнительный час дает этим ребятам, трудности которых наконец признали официально, возможность спокойно перечитать свою работу, и главное, перестать волноваться, ведь стресс усиливает дислексию. Эта мера восстанавливает справедливость и ставит их в равные условия с остальными во время экзаменов.

Будущее юных дислексиков стало определенней

Во многих школах сейчас стараются доброжелательно подходить к детям с проблемами и приспособиться к их особенностям и нуждам. Тем не менее все преобразования зависят от доброй воли администрации школы и учителей. Пока еще очень многие дети остаются непонятыми, их несправедливо наказывают, их достойные по содержанию письменные ответы по истории и географии оценивают гораздо ниже из-за огромного количества орфографических ошибок, снижая тем самым мотивацию ребенка. Ох уж эти ошибки, которые сводят на нет выученные наизусть уроки и часы стараний. Все напрасно!

И тем не менее — простые советы²⁰ помогут облегчить эти трудности и начать с нуля — чтобы маленькие дислексии оказались в равном положении с их одноклассниками.

Джордан: я хочу научиться слушаться!

— А вы что, сына не привели с собой?

— Конечно привели, но с ним трудно совладать, он сбежал и мы не знаем, где он!

И никакой при этом паники! Родители не обеспокоены, такое впечатление, что они уже привыкли. Чувствуется скорее, что им несколько неудобно.

²⁰ См. Приложение 4 «Памятки для учителей».

Ничего страшного! Я рекомендую им поискать возле кофе-машины — такое уже у нас случилось. Нет, они смотрели, но папа отправляется туда еще раз; он вконец измучен, они уже сто раз обежали всю больницу. Я знаю кое-кого, кому сейчас здорово влетит. Мама покамест располагается в моем кабинете:

— Ох, вы знаете, он неуправляем, мы с мужем уж и не знаем, что с ним делать!

— И что, он всегда был таким?

— Ох! Да, к сожалению... даже в яслях уже возникали проблемы, воспитательницы отказывались за ним смотреть!

В коридоре раздается шум погони, дверь распаивается настежь: вот и Джордан. Задышающийся, веселый, довольный приключением. «Привет, парень!» Только это я и успеваю сказать — дверь вновь распаивается, и он вылетает вон! Фальстарт — папа подоспел вовремя. Гонка наконец прекращается.

Как ни в чем ни бывало, плененный наконец Джордан принимается разорять мой кабинет, который вскоре начинает напоминать пейзаж после битвы. Я видел много непоседливых ребят, но Джордан — чемпион! Не останавливается ни на секунду! И что меня больше всего поражает, у него при этом довольно озабоченный вид.

— Что-то тебя беспокоит?

— Да, меня все достало, меня ругают, а я ни в чем не виноват!

По тону мальчика понятно: ему действительно неприятно.

Родители на грани нервного срыва

Во взглядах отца и матери отчетливо читаются беспомощность и хорошо знакомая мне просьба: «Мы знаем, что мы — плохие родители, но не могли бы вы лишний раз не повторять нам этого?» Они явно терзаются комплексом вины. Иногда им случается даже ненавидеть этого шестилетнего мальчика, который поссорил их со всеми родственниками, которого они больше не берут даже за покупками... Мальчика, у которого нет друзей, которого никогда никуда не приглашают... когда они рассказывают об этом, у них слезы на глазах. Они исчерпали все возможности, в одиночку сражаясь с пареньком, который изводит нянечек в яслях и превращает в ад летний отдых. Короче, они уже не знают, с какой стороны к нему подойти.

Но при этом они же постоянно стараются! Папа выглядит терпеливым и заботливым, но долго заниматься чем-то с Джорданом у него не получается. Мама ради детей взяла неоплачиваемый отпуск и неустанно сожалеет об этом: «Я вымотана больше, чем если бы работала!» Джордан постоянно все делает шиворот-навыворот. Мальчик, конечно, ласковый... Да только он бросается на нее, лижет и душит в объятиях... нежность у него такая же, как и все остальное!

— Расскажите, как все происходило в подготовительном классе?

— Мне очень жаль, сказала учительница, ваш сын мешает другим детям, будоражит всю группу, я не в силах с ним справиться.

Ужасный удар для родителей. Как быть с Джорданом, если даже школа не справляется? И потом тот факт, что мальчика исключили, доказывает, что он правда не такой, как все. Их задел крылом кошмар жизни изгоев. Школьный врач написал заключение, напирая особенно, что «Джордан подвергает себя опасности». И вот они здесь.

— Он и правда такой невнимательный, все время обо что-нибудь стучается. Дома все время надо за ним следить, как за молоком на плите. На улице его тоже не оставишь, один раз он чуть под машину не попал.

Сейчас у родителей только одно опасение — что я не стану заниматься их ребенком.

Они ходили к одному или двум врачам, пробовали какое-то лечение и даже ходили к психологу, но безрезультатно. «У Джордана же нет никакой болезни, мы не осмеливались беспокоить врачей без причины! Но стало так тяжело...» Дальше консультация продолжается один на один с Джорданом. Обаятельный мальчик, но совершенно неуправляемый. Невозможно удержать его на месте, занять его надолго каким-нибудь делом.

И впрямь в любую минуту может пораниться. Невозможно представить его в школе. Я предлагаю родителям оставить его на четыре дня в стационаре. Они стоически выдерживают удар, лишь у мамы прорывается беспокойное: «А вы сможете за ним усмотреть?» Чтобы Джордан чувствовал себя увереннее, я разрешаю родителям каждый день приходить к нему, и они уже сейчас могут осмотреть отделение.

Через два месяца является вся семья с сумкой Джордана.

«Я слишком много двигаюсь!»

Я сразу захожу в его палату. За время разговора он несколько раз перекувырнулся в кровати, упал на землю, встал, поправил простыню, открыл шкаф, закрыл шкаф, вновь перекувырнулся.

— Ты знаешь, почему ты здесь?

— Я слишком много двигаюсь.

— А дома как?

— Меня ругают, потому что я плохой.

— А в школе?

— Никто не хочет со мной играть.

В коридоре — тот же цирк, иногда он натывается на стену. Я довожу его до игровой комнаты, где воспитательница записывает все его действия, поступки и жесты. И так четыре дня.

За едой он постоянно вскакивает из-за стола. Другие дети с ним не садятся. Он на них налетает, толкает их, чтобы пройти к буфету. У него резкие, неловкие движения. Вообще он довольно неуклюжий. Во время игры в баскетбол заметно, что ему не хватает равновесия, координации движений. Во время осмотра педиатра доктор отмечает, что его высокий рост вступает в противоречие с общей незрелостью. Метр двадцать два в шесть лет — маленькому мальчику трудно управлять таким ростом, к тому же окружающие требуют от него гораздо большего, чем он может.

Офтальмологическое обследование и анализы крови, электроэнцефалограмма и кардиограмма, генетическое исследование — все в норме. За время, проведенное в клинике, Джордан показал себя славным мальчиком, который хорошо понимает свои трудности. Но он невероятно рассеян, все пропускает мимо ушей и может сосредоточиться только один на один со взрослым. И явно старается привлечь к себе внимание, безудержно хвастаясь. Обычно живой и остроумный, Джордан периодически делается грустен и философствует, как взрослый: «Жизнь тяжела... но что поделаешь». Он испытывает чувство вины за свои поступки и хочет измениться: «Я хочу научиться слушаться».

По результатам проведенных тестов психолог заключает, что несмотря на рассеянность, его умственные способности совершенно нормальны. Но есть одна серьезная проблема — ему трудно выполнять сложные невербальные задачи. Физически он как бы теряется в пространстве.

Отправной пункт

Постепенно у меня в голове формируется диагноз. У Джордана отсутствует самоконтроль, он импульсивен, но это не его вина. Причина носит «инструментальный» характер. Недостаточно сформирован участок коры лобной доли мозга, и оттого мальчик не может координировать движения и удерживать внимание. Также он не способен избирательно воспринимать поступающую информацию. И она его «затапливает». Его неврологическая проблема усугубляется аффективным расстройством. Он очень тревожен, и наши врачи и воспитатели сошлись на том, что в его поведении есть элементы агрессии, он может долго пререкаться со взрослым и даже способен стукнуть товарища, если тот его разозлит. А потом немедленно раскаяться. Вывод «Гиперактивность и дефицит

внимания»²¹. Этим объясняется, что мальчик постоянно подвергает себя опасности, что сверстники не хотят с ним дружить и что неприятности начинаются уже в подготовительном классе.

В конце недели я встречаюсь с родителями. И прежде всего обрушиваю на них лавину похвал их сыну. Явно они такое слышат впервые! Он трогательный, милый, забавный. Я рассказываю, как он жил здесь, день за днем, как можно более детально, и объясняю, каким образом мы определили его диагноз. Объясняю, что мы можем предложить лечение, которое поможет Джордану: с одной стороны, направит в правильное русло его энергию, с другой стороны, успокоит его тревожность. Я чувствую их неуверенность, но случай их сына представляется мне достаточно серьезным, тут дело нельзя пускать на самотек. И пусть они не волнуются, анксиолитик (препарат, подавляющий состояние тревожности), который я ему назначил, — только часть лечения. Я разработал для них — можно сказать, доверил им — программу «сопровождения», которой нужно следовать дома. Это целая серия советов и рекомендаций, которые помогут мальчику примириться с самим собой и со всем миром. Его неврологическая проблема не лечится, нужно привыкать жить с ней, нужно показывать ему пути к «нормальной» жизни.

Нужна система координат

Джордан нуждается в строгом режиме. Системой координат для него должны стать четкие расписания еды, прогулок, работы, отдыха. Нужно стоять на своем, не поддаваться на уговоры. Время занятий нужно перемежать отдыхом, избегать шума. Нужно терпеливо относиться к его непрерывному движению, но при этом записать его в какой-нибудь командный спорт, например, футбол, чтобы он усваивал правила игры.

«Как хорошо, когда тебя понимают», — неустанно повторяет мама, — «чувствуешь, что не все потеряно, что можно найти выход!»

Я прописываю Джордану еще сеансы психомоторной терапии, чтобы он мог лучше владеть своим телом и ориентироваться в пространстве. Рекомендую занятия с психологом для окончательного подавления тревожности. Передаю родителям письмо учительнице Джордана, к которому приложен список маленьких хитростей, позволяющих управляться с гиперактивными детьми: сажать мальчика на первую парту, назначать его ответственным, когда надо за чем-то сбежать в другой кабинет, по возможности смотреть ему в глаза при объяснении материала, и главное никогда не лишать в наказание перемены!

Мы встречаемся через три месяца, накануне поступления в подготовительный класс. Потом — консультации два раза в год, телефонные звонки. Чтобы вернуть Джордана в правильную колею, необходимо время. Лекарство от тревожности, которое я прописал, произвело ожидаемый эффект. Постепенно мальчик обрел былую веселость. Атмосфера в доме изменилась, родители приободрились, исчезло ощущение безнадежности. Но остается еще проблема: Джордан по-прежнему слишком много двигается. В школе учителя жалуются и грозят его выгнать. Он нарушает дисциплину. Его обучение в подготовительном классе под угрозой. Так как Джордану уже больше шести лет, я решаюсь прописать ему психостимулятор, разработанный специально для детей с гиперактивностью. Занятия с психологом еще не начаты, родители пока его не нашли. Зато сеансы психомоторной терапии идут полным ходом и мальчику очень полюбились. Я советую родителям дома «закрутить гайки» потуже и даю им очередной список советов и рекомендаций для специального режима.

Совсем другой мальчик

В конце концов Джордан переходит в первый класс, в той же школе. Через некоторое время мы встречаемся. Он заметно изменился. Передо мной — взрослый мальчик, руки в

²¹ Гиперактивность: неконтролируемое и беспорядочное двигательное возбуждение (см. глоссарий).

карманах, уверен в себе. Он серьезным тоном спрашивает, может ли поговорить со мной наедине. Принес с собой портфель. Мечет на стол тетрадки.

— А вот эту видел? А эту? А вот тут неплохо, скажи?

— Ну, ты учишься значительно лучше, я горжусь тобой.

Он захлебывается восторгом: у него всего одно замечание за поведение с начала года! Мы болтаем о всяких пустяках, он жалуется на сестричек, двух и четырех лет, которые его постоянно донимают. Младшая рвет его тетрадки, старшая хватается его вещи. Дома его уже не ругают, в школе еще случается. «Я думаю, я уже выздоровел!» Он меня поразил в тот день. Ему ведь всего семь с половиной...

В кабинет заходят родители, впереди малыш, явно девочка-ураган. «Жизнь налаживается, мы теперь можем даже в ресторан сходить». Мама настроена оптимистично, но мыслит при этом здраво: «С Джорданом еще надо много работать, но все равно раньше и сейчас — это небо и земля...» И в самом деле так. Джордан не выздоровел, он слишком порывист и неуклюж, но в этом больше нет никакой трагедии. Его поведение уже не портит так жизнь и себе, и другим. Даже если он по-прежнему после уроков первым вылетает из класса, расталкивая остальных (это очень раздражает учительницу), даже если иногда он дерзит и ведет себя вызывающе, даже если он может шлепнуть сестричку или устроить истерику, если вечером слишком долго делает уроки — все равно ситуация изменилась. Это уже не ненормальность, такое случается с любым ребенком его возраста. Я думаю, он на верном пути, хотя еще и не прошел его. Я знаю, что его родители склонны давать ему поблажки, им не хватает жесткости. И обстановка в доме все равно чревата взрывами. Поэтому, в качестве меры предосторожности я продлеваю курс лекарства еще на несколько недель, в качестве некоей подпорки, чтобы удержать его и не дать опять скатиться в бездну хаоса. И к тому же все-таки настоятельно рекомендую занятия с психологом. Я знаю в этом маленьком городке в Савоие несколько врачей в местном медицинском центре. Они с ним немного позанимаются. А мы — встретимся через год.

Ян: «Я так хотел бы все это суметь!» Когда сложности усиливаются в старшей школе

Мать Яна позвонила мне, рыдая. Она не хотела меня беспокоить, но: «Мы все в ужасе. Они хотят его отправить в училище, его не возьмут в старшую школу...»

Яна я знаю всю его жизнь. Его родители — мои друзья. Я часто вспоминаю этого доброго и приветливого паренька, который в детстве мечтал стать архитектором. А сейчас мне говорят, что он перестал двигаться вперед, не запоминает новую информацию и вытворяет всякие глупости. Например, забывает перевернуть страницу и сделать следующее упражнение. Или сдать свою работу учителю. По существу способности Яна никто никогда не пытался проверять. Зато сразу, как топором по голове: «Недостаточный уровень... предусмотрена профессионально-техническая ориентация».

Спустя несколько дней приходит сам Ян. Я не видел его восемь лет. Встреча с подростком, которого знал в детстве, всегда вызывает странное чувство: смесь любопытства, ностальгии, удивления... Свидетельство того, как быстро летит время. В лице подростка ищешь мягкие черты ребенка, которым он был когда-то.

Он хочет, чтобы его поняли

Ян улыбается мне, он рад меня видеть, понимание для него важнее результата.

Я вспоминаю его историю: отец — бретонец, известный адвокат, вечно занят, как все адвокаты. Мама работает вместе с отцом. Старшая сестра — блестящая студентка.

Отчет об успеваемости — важнейший показатель — говорит сам за себя. «Серьезные затруднения с математикой и с французским; хорошие результаты по истории, географии, биологии и особенно в области изобразительных искусств. Отсутствие внимания и сосредоточенности...» Ян очень расстроен: «У меня ничего не получается, и я огорчаю

родителей. О, как бы я хотел все это суметь сделать!» Обезоруживающе искренний... обезоруженный собственной рассеянностью... уже почти сложивший оружие.

Его развитая не по возрасту речь и разнообразие внешкольных интересов меня приятно удивили: он разбирается в музыке, компьютерных технологиях, занимается горными лыжами и сноубордом, у него много верных друзей. Ни намек на психологическое расстройство, его душу омрачает лишь горестное осознание своей школьной неуспеваемости.

Страх перед тестом на IQ

Чтобы прояснить картину, я назначаю Яну тест на IQ. Его это расстраивает и пугает. Он опасается получить подтверждение своей несостоятельности, боится обмануть ожидания родителей. Я объясняю ему смысл теста. «На общую цифру нам наплевать, главное — выяснить твои сильные и слабые места и определить те стратегии, которые ты используешь при обучении, и те, которых тебе не хватает». Тест проходит в спокойной доверительной обстановке. Психологу удается найти нужные слова, чтобы снять напряжение. Результат оказывается весьма информативным.

Ян развит по годам. Но результаты его неоднородны — то очень высоки, то вдруг неожиданно низки. Причем чем ближе к школьным задания — тем хуже его результат. Тогда как на «открытые» вопросы он отвечает прекрасно, интеллект его очень развит. Видны и его слабые места (ориентация в пространстве, логика и внимание). Этим следует заняться, нужны специальные меры.

Яну и родителям сообщили результаты тестов. Это был важный для меня момент: возможно, они сомневались, буду ли я достаточно беспристрастным при оценке мальчика, ведь нас связывает дружба. А тут голые факты и неоспоримые цифры, объективный и существенный итог. Сомнений нет, Ян — одаренный ребенок.

В свете этих сведений родители попросили о переводе мальчика в старшую школу — и добились своего. Занятия психомоторной терапией помогут ему справиться с нарушением ориентации во времени и пространстве, в школе ему окажут дополнительную поддержку. Но на этот раз — вне дома. По сути дела чрезмерная забота может только испортить дело. Известно, что помощь родителей в учебе часто бывает бесполезна для подростков, которым необходимо (жестко, но факт) отрезать семейную пуповину. Этот момент всегда плохо отражается на отношениях, какими бы теплыми и дружескими они не были. Неуспеваемость становится для подростка выражением его дискомфорта, поскольку у него нет другого способа проявить свое недовольство. Родительская помощь превращается в дополнительное препятствие для учебы: излишняя настойчивость рождает сопротивление. Происходит это бессознательно, но неизбежно.

Выкарабкался... или почти

С помощью студента-репетитора Ян, вооружившись уверенностью, подтвержденной результатами IQ, постепенно выкарабкивается. Успеваемость налаживается, проблемы не исчезают совсем, но уходят на второй план.

Два года спустя парень вспоминает, что я предупреждал его о дефиците внимания, который явно был замечен по результатам теста, поскольку некоторые специфические задания Ян выполнить не смог. В выпускном классе он отправляет мне e-мэйл: «Привет, это Ян. Как дела? У меня неплохо. Я скоро буду сдавать экзамены. Но знаешь, я по-прежнему делаю много ошибок, совершенно дурацких! Это меня беспокоит. Ты что-то говорил про лекарство...»

Новые тесты. Ян проводит день в клинике для оценки его внимания, концентрации и способности прогнозировать. Результаты тестов Stroop, Trail Making и «Колокола» непререкаемы: Ян страдает дефицитом внимания, как многие гиперактивные дети, но не слишком возбудим и подвижен. Поэтому его никогда и не обследовали по этому поводу. Его гиперактивность просто не бросалась в глаза!

Было видно, что парень желает избавиться от своей проблемы. Он буквально очаровал

психологиню. Редко встретишь такого общительного и покладистого подростка. Чтобы помочь организму Яна преодолеть дисфункцию, было назначено медикаментозное лечение. Оно принесло результаты, стало тем самым последним ингредиентом, которого ему не доставало. Вскоре он прислал нам е-мейл — такие сообщения очень поддерживают боевой дух и сплоченность команды, убеждают в правильности выбранного пути: «Прошла неделя лечения, меня хвалят, оценки повысились. Благодарю всю твою команду...»

Я недавно обедал у его родителей. Они мои преданные и верные друзья. Их благодарность лично мне несколько преувеличена, поскольку своим успехом их сын обязан совместным действиям медиков, психологов и преподавателей, разумной тактике самих родителей и собственным усилиям. Цепочка, в которой действуют все звенья — вот единственный залог удачного результата. Результат Яна — настоящая победа, сейчас он на первом курсе архитектурного института. Как и мечтал.

После еды он показал нам свои работы. Его картины оказались свежими, искренними, яркими. «Последнюю я, наверное, не стану вам показывать, она слишком личная и притом она не закончена...» Но мы настаиваем, он все же решается и являет нам автопортрет: таинственная улыбка, черное лицо на красном фоне... В какой-то момент мне показалось, что портрет мне заговорщицки подмигивает.

Гиперактивность: «Спокойствие, только спокойствие!»

Они невыносимы, несносны, прямо хочется их стукнуть! Сумасбродная девчонка из «Несчастий Софии», или малыш Абдулла в «Тэнтэне в стране черного золота», Крошка Мю из «муми-троллей». Кажется, задай им хорошую порку — и все будет в порядке. А на самом деле дело тут не в педагогических просчетах родителей: это вовсе не классический пример избалованного ребенка. Они кипят энергией, но происходит это произвольно, как у Тома Сойера, который не мог не изобретать то и дело всякие шалости и проделки, хотя эти выходки превращали его жизнь в настоящую каторгу.

В жизни эти мальчики часто зовутся именами «крутых парней», их зовут Брэндон, Кевин или Брайан, и это не всегда случайно. Эти «героические» имена ассоциируются в головах придумавших их родителей с «настоящим мужчиной». И когда начинаются первые глупости, эмоциональный заряд, таящаяся в имени, подливает масла в огонь. Чтобы оказаться достойным роли, о которой мечтают родители, малыш старается быть неустрашимым и отважным. А если к тому же он несколько распушен, лишен чувства меры и плохо контролирует себя, имя весьма поспособствует гиперактивности.

Эти маленькие Старски и Хатчи жизнерадостны по натуре, широкая улыбка открывает выбитый передний зуб, коленки у них в ссадинах, голова в швах, а физиономия в шрамах. Травмпункт для них — дом родной.

Их сразу видно

Эти дети — звезды поневоле, и их беготня по жизни порой плохо кончается. Очень рано они узнают горечь изгнания или разрыва. Такой мальчик становится «грозой квартала» или «кошмаром района», известным всем под кличкой «Джек Воробей» или «Зорро», его подвиги позорят семью. «Спустился с лестницы на велосипеде», «Залез на крышу, еле сняли...» — слышат родители и ужасаются: «Как же мы такого воспитали?»

Карьера его начинается с первых дней. Джордан впервые отличился в яслях в полтора года: более резвый и живой, чем его сверстники, он сообразил, что если толкнуть крайнего мальчика в ряду детей, сидящих рядом, они повалятся, как костяшки домино. Смотреть за ними — тяжкий труд, няни сменяются с калейдоскопической быстротой, на дни рождения сверстников их приглашают только один раз: на второй уже не зовут. Во время игры в футбол Брэндон уходит с поста, чтобы попить — ребята такого не прощают. В детском саду учительница прячет Дилана в другой комнате во время визита инспекций: «Мало ли, что ему в голову придет...» Все в них как-то чрезмерно, все слишком: слишком

шумные, слишком отважные, слишком легкомысленные.

В шесть лет, после полутора месяцев в подготовительном классе, эти детишки кубарем влетают на консультацию в сопровождении бледных родителей на грани нервного срыва. Все индикаторы мигают: тревога. Раньше, в садике, выходки маленького монстра еще могли рассмешить домашних, но сейчас началась другая жизнь, школа, и терпение лопнуло. А для него сидеть весь день за партой, поднимать руку прежде чем говорить... да проще перестать дышать! Наказания сыплются градом, дома обстановка накаляется, от постоянных укоров и попреков ребенок теряет веру в себя. Все попытки призвать его к порядку, вся ругань и все нотации приводят к тому, что он начинает думать, что вокруг царит несправедливость. А потом — считать себя ничтожеством. Тут и до депрессии рукой подать.

Если ребенок непоседлив, над этим стоит задуматься. В пяти процентов случаев он ничего не может с этим поделать. Можно действовать жесткостью ли, мягкостью ли — его не остановишь, он таким родился, его нарушение — особенность его организма. Оно связано с недостатком дофамина, вещества, присутствующего в мозгу и ответственного за самоконтроль. Это подтверждают графические исследования мозга: на них районы коры, ответственные за внимание и саморегулирование, менее активны.

Причины его неусидчивости — нейробиологические; нужно хорошо понимать, что он двигается так много и беспорядочно оттого, что не может сосредоточиться. А не наоборот! Этот тезис подтвержден исследованиями английских ученых о том, что дети, перенесшие энцефалит или абсцесс мозга во фронтальной зоне коры делаются неуправляемыми и непоседливыми. Таким образом была установлена связь между деятельностью мозга и гиперактивностью. «Мы не согласны», утверждали долгое время французские ученые, считающие гиперактивность исключительно результатом проблем во взаимоотношениях. Сейчас эти два полюса сблизились, и медики достигли консенсуса: дисфункция на уровне коры головного мозга усугубляется неправильными условиями развития.

Не больше 15 минут

В классе ему трудно удерживать внимание (не больше 15 минут), он уходит в себя, учительница уже где-то далеко... Все, что творится вокруг, его отвлекает: он поднимает ластик с пола, пользуется этим, чтобы оглядеться вокруг, смотрит в окно на машинки... Не зная, за что хвататься, вконец извертевшись, он еле сидит на месте. Со всяким такое бывает: например, в кино, если фильм неинтересный. Но он-то в школе, ему не выйти из зала! Внезапный окрик: «Брайан, что я только что сказала» призывает его к порядку. Слишком поздно. Брайан прослушал объяснения. За что наказан.

Пропадающая жизнь

К моменту поступления в среднюю школу его репутация уже сложилась... Он чувствует, что совершает промах за промахом, и начинает компенсировать это ощущения, подвергая себя риску: опьяняется скоростью на мопеде, мотается на серфинге среди острых скал. В старших классах ситуация обостряется. Он ищет все более острых ощущений, может стать токсикоманом или вступить в преступную шайку. Такое вот подсознательное самолечение. Гиперактивный подросток нуждается в стимуляторах, чтобы лучше себя почувствовать. Сама болезнь требует от него такого рискованного поведения.

Во взрослом возрасте ему очень трудно найти свое место в обществе, он вмешивается во все и утомляет окружающих. Ни на одной работе он долго не задерживается. Что до спокойной уютной семейной жизни, это вопрос не к нему! Годам к пятидесяти он начинает ныть о «пропащей жизни» и погружается в депрессию. Человек, который не может усидеть на месте, растрчивает себя впустую и постоянно спешит — чтобы быстрее прийти на свидание со смертью, — стал героем книги Пьера Морана «Человек, который спешит»: «Единственное объяснение — то, что я обладаю роковым даром вечного движения. Какое-то злое заклятье заставляет меня лететь галопом по жизни, которая идет неторопливо, сама по себе».

Легкая диагностика

Но можно разорвать этот порочный круг, в который попадают почти пятьдесят процентов нелеченных гиперактивных детей. Сейчас возможно точно поставить диагноз. Врачи научились это делать. Начиная с шестилетнего возраста в этом диагнозе уже можно быть уверенным — и дальше нужно подвести спешащие часы.

Самый первый вопрос, который задают родителям — определяющий: «Где и когда». Если ответ звучит: «Он двигается все время, в школе, дома, в транспорте, на каникулах» — это главный симптом. И еще показательней ответ «Всегда». Бывает, некоторые мамы вспоминают, что ребенок слишком много двигался уже в животе!

Наоборот, если поведение ребенка внезапно изменилось, если он стал непоседливым и суетливым с прошлого года, с Рождества и так далее, это признак другой проблемы. Мы попадаем во владения психологии. Это временное нарушение не является органическим признаком ребенка, оно носит реактивный характер. Ребенок таким образом всего-навсего реагирует на неподходящую ему обстановку, может быть на недостаток материнской ласки. А возможно, он так выражает мучающее его беспокойство, которое может привести к депрессии. Причины его двигательной активности таятся в его душе и в его окружении.

Другой случай — когда ребенок делается неусидчивым исключительно в школе. Тогда следует задать себе вопрос, не возникает ли у него проблем с пониманием. Если у него, например, дислексия и он не понимает заданий, он перестает их делать. В результате он отвлекается на посторонние вещи, начинает вертеться и шалить и приобретает репутацию хулигана. Но несмотря на внешнее сходство, это не «настоящий» гиперактивный ребенок.

«Настоящий» гиперактивный ребенок не может усидеть на месте, он импульсивен и не может сосредоточиться. Ни при каких обстоятельствах. Он страдает синдромом Дефицита Внимания и Гиперактивности (СДВГ). Всемирная организация здоровья называют это «гиперкинезией».

Такие дети мгновенно переходят от смеха к слезам, они обидчивы и не выносят, когда им перечат. Они не способны контролировать себя. Для него что урок, что перемена, все едино. А также на него не действуют ни наказания, ни поощрения. Он регулярно теряет вещи, никогда не доводит дела до конца, скачет как заяц, и в конце концов надоедает приятелям. Даже телевизор не может надолго удержать его внимания, что до видеоприставок, они для него просто опасны, он играет всем своим существом и окончательно попадает в inferнальный ритм своих ультра-быстрых маленьких героев. Так что компьютерные игры категорически противопоказаны.

В социальном плане у малыша все плохо. Мало того, что он слывет «невоспитанным», его еще и объявляют «грубияном», поскольку он обращает мало внимания на окружающих.

Специальные нейропсихологические тесты, которые сейчас применяют в диагностике, позволяют безошибочно определить все проблемы гиперактивных детей: отсутствие стратегического мышления и умения предвидеть ситуацию, невозможность долго концентрировать внимание и избирательно воспринимать информацию, недостаток гибкости мышления, неумение использовать опыт собственных ошибок и невероятная импульсивность.

Диагностика и лечение

Чтобы диагностика была подробной и достоверной, проводить ее надо в клинике или в нейропсихологическом центре. Это позволит проверить все гипотезы происхождения гиперактивности. Кроме того, появляется возможность исключить генетическое происхождение синдрома, что возможно при хромосомном анализе (изменение X-хромосомы также может вызывать повышение двигательной активности). И когда гиперактивность, подпадающая под классическое определение СДВГ, выявлена, можно начинать лечение. Но только в этом случае.

Для этого расстройства предусмотрен давно известный и эффективный

психостимулятор. Этот препарат, близкий к амфетаминовой группе, стимулирует передачу дофамина в кору головного мозга и улучшает способность к концентрации и внимательность. В Соединенных Штатах некоторые врачи рекомендуют гиперактивным детям большую чашку черного кофе по утрам! В данном случае цель — стимулировать, а не наоборот, чтобы внимательность и порывистость уравнились, вошли каждая в свое русло. Эффект от лекарства наступает мгновенно. Его можно прописывать только детям старше шести лет, исключительно во время учебы в школе и только тогда, когда у ребенка проблемы и в школе, и дома, и в его социальной жизни. Предписывать его следует на определенный срок, цель — поддержать ребенка и примирить его с учебой и с окружением. И вследствие этого — с ним самим. В Соединенные Штаты его принимают 3 миллиона детей, во Франции — пять тысяч. Между «слишком много» и «недостаточно» необходимо достигнуть золотой середины. Если маленькие американцы глотают его, как конфетки, во Франции, наоборот, его употребление неоправданно низко, и многие дети лишены из-за этого необходимого лечения. Ведь если им необходим этот препарат, неправильно их лишать его.

Учитель одной из школ на юге Франции как-то доверительно сообщил одному из наших маленьких пациентов: «Вы едете не в Лион, а прямо в Лурд²² какой-то!» Эффективность препарата просто поразила его — но это именно тот результат, которого стоит опасаться. Если родители начинают рассчитывать на «чудотворное средство», без которого нельзя обойтись — они неправильно поняли саму идею, у них в корне неверная позиция. Лекарство мы прописываем на недолгий период реабилитации, чтобы ребенок понял механизм управления собой. Лекарство — всего лишь инструмент в терапевтическом арсенале.

Все остальное зависит от окружения. Нужно создать вокруг режим — назовем его «гиперактивность-лайт». Вот он-то и творит чудеса. Иногда за полгода удастся справиться с проблемой ребенка. Но это, конечно, при условии, что родители безукоризненно точно выполняют все рекомендации. Что они отыгрывают свою роль до конца, с полной отдачей. Это их единственный способ обезвредить маленькую бомбу, которая может взорваться у них дома.

Момент воспитания очень важен. Он позволяет ребенку научиться воспринимать правила социума, что в дальнейшем поможет ему избежать неприятностей с законом. Этой цели можно достигнуть только при условии доброго согласия между родителями, их слаженных действий. Малейшие расхождения между ними станут брешью, в которую устремится ребенок. Он тут же воспользуется этим, чтобы избежать непривычных ограничений и рамок.

Однажды маленький Брэндон пришел в школу в пижаме! Мама, измученная баталиями, повторяющимися каждое утро: «Брэндон, одевайся! Брэндон, поспеши!», решила однажды: «Ну что ж, доктор велел избегать конфликтов, действовать иначе... Все, пора. Так и пойдешь в школу». Ему это послужило уроком. Теперь он сам поглядывает на часы и собирается более активно.

Прежде всего родителям необходимы будут твердость и упорство. Но есть еще некоторые хитрости, уловки и приемы, которые помогут наладить жизнь в доме. Рекомендации, которые потом ребенок будет выполнять на автомате и которые помогут ему научиться быть собранным и сосредоточенным. Следовать им нужно неукоснительно.

Приемы и уловки

Гиперактивный ребенок больше, чем какой-либо другой нуждается в четких ограничениях. Его день должен быть организован, все должны соблюдать заранее составленное расписание. Он должен делать уроки, садиться за стол и ложиться спать в

²² В Лурде (Франция) 14-летней девочке явилась Дева Мария, это место паломничества. Прим. перев.

определенное время. Чтобы добиться его согласия, можно повесить расписание над его кроватью: дети это любят. К ребенку следует применить подход, который можно охарактеризовать как «доброжелательная твердость». Это идеальное отношение: если родители будут слишком жесткими, ребенок впадет в депрессию. Если они все-таки станут ему потакать, он опять возьмет над ними верх. И прежде всего надо быть простыми и четкими в своих требованиях. Говорить ему: «Молчи, когда я говорю по телефону», чтобы он не заблудился в фигурах речи, слыша: «не мог бы ты перестать кричать, когда я начинаю телефонный разговор, это будет мне неприятно и еще более осложнит наши и без того сложные отношения».

Чтобы не путать ребенка и не возбуждать его еще больше, нужно давать ему только какое-нибудь одно указание зараз. Нужно избегать любых отвлекающих факторов во время выполнения домашних заданий: телевизор не должен быть включен, под столом не следует сидеть маленькой сестричке с куклами. Что до его неустанного движения, его придется периодически терпеть, а то потом прорвется и будет еще хуже. Значит, стоит позволять ему выйти из-за стола один-два раза за занятие (не больше) и учить стихотворение, бросая при этом в стену теннисный мячик, или кувыркаясь. Лишь бы выучил...

Спокойный выход в школу следует обеспечить, отказавшись раз и навсегда от ботинок на шнурках и на пуговицах, вся одежда должна легко надеваться, все уроки нужно собирать с вечера. Не стоит даже напоминать, что абсолютно необходимо ограничить компьютерные игры и фильмы со сценами насилия. Надо также быть внимательнее к его моральному состоянию, не следует допускать, чтобы он затосковал, и поэтому ему надо ясно сказать: «Это не ты плохой, просто ты иногда плохо себя ведешь».

Когда он начинает «выходить из берегов», ему надо быстро переменить обстановку, отвести его в спокойное место и сидеть с ним там до тех пор, пока он не успокоится. Столько времени, сколько ему лет: раз шесть лет, значит шесть минут. Другой прием — научить его пользоваться «Stop, think and go», эта фраза автоматически впечатается в его голову: «Прежде чем сделать какую-нибудь глупость, я остановлюсь, подумаю и сделаю что-нибудь другое». Тогда, глядишь, он не накинется с кулаками на сестренку или не станет говорить на уроке прежде, чем поднимет руку. Это современный вариант старых пословиц «семь раз отмерь, один отрежь» или «досчитай до пяти». Кроме того, наверняка есть тетушка, бабушка или няня, которую он любит. Пусть она иногда берет его на выходные. У вас появится возможность перевести дух. Ее, конечно же, надо предупредить, что он балуется и суетится не нарочно, что это болезнь, которую можно победить только всем вместе.

Позже

Гиперактивность может сама собой пройти, когда ребенок подрастет. Так бывает примерно в трети всех случаев. Но когда это расстройство не проходит, когда его не лечат, когда окружающие не обращают на него должного внимания, некоторые гиперактивные люди могут плохо кончить. Стать алкоголиками или наркоманами.

Есть и такие, что сохраняют это состояние всю жизнь, но при этом более или менее счастливы. Большинство пользуется репутацией ветреников, разгильдяев и потребителей, им как правило не доверяют. Со временем они перестают быть столь активны, но дефицит внимания никуда не девается и становится их проблемой номер один. Они проводят время, бесконечно щелкая телевизионным пультом и переключая программы. И сами от этого страдают. Они обивают пороги психоаналитиков — для гиперактивных взрослых, кстати, теперь тоже существует лечение, которое сейчас находится в стадии разработки. Это расстройство часто передается по наследству, и некоторые родители «прозревают» по поводу своей собственной проблемы, когда им сообщают диагноз их ребенка. Так во время полицейского расследования какая-нибудь улика вдруг делает запутанное дело совершенно ясным.

Некоторым может повезти, говорят даже об «успешных гиперактивных людях», тех, кто сумел направить свой избыток энергии в правильное русло и сделал его могучим

орудием успеха. Таких можно встретить среди политиков, рестораторов, деятелей шоу-бизнеса. По сути дела, лучше всего они могут самовыразиться в профессиях, которые связаны с общением, потому что таким образом они намеренно удовлетворяют свою потребность в признании и могут использовать свою способность делать все «с избытком».

Не говоря уже о женщинах, которые без некоторого количества гиперактивности не смогли бы жить настолько насыщенной жизнью, успевая сделать за один день то, что другим едва удастся сделать за два: например, управлять крупным предприятием и при этом воспитывать трех детей. Именно женщины владеют секретом укрощения своей бурной энергии и умеют использовать ее по назначению.

Амбер: — А учительница? — Что мне учительница!

«Здравствуйте, я доктор Револь. Я приму вас через несколько минут». Девочка испепеляет меня взглядом, отпрянув от моей руки, когда я хочу погладить ее по голове, и я слышу в ее вздохе, похожем на шипение: «сранный жест всех врачей». Я получаю полную порцию презрения подростка, «доставаемого» взрослым: глаза к небу, брезгливое передергивание и взгляд сквозь меня: отстаньте, дайте почитать. Да вот только Амбер всего девять лет.

Мне одновременно и смешно, и как-то неловко; приглашаю девочку в кабинет. Ее мать, смущенная не меньше моего, протягивает письмо от школьного врача, который спрашивает мое мнение о проблемах Амбер в школе: «Совершенно не может нормально общаться с одноклассниками, учится крайне неровно — оценки то очень плохие, то очень хорошие, учительница недоумевает и просит объяснений».

Амбер учится первый год в средней школе, поскольку перескочила через класс: она сама научилась читать еще в саду и поэтому пошла сразу в первый класс, минуя подготовительный. Но сейчас с ней творится что-то неладное: не слушает на уроках, отвлекается. Дома она «агрессивна, напряжена, грубо и высокомерно ведет себя с сестрой». Мама — воспитательница в саду — говорит, что никто не может ее понять.

Сама Амбер, по-прежнему уткнувшись в книгу, изъясняется с помощью мимики и насмешливых улыбочек, ни на секунду не выходя из образа. «Она всегда была тяжелым ребенком, требовательным, несговорчивым, ее трудно было уложить спать, она все время приставала к нам и при этом требовала независимости. У нее мало друзей, она вечно читает или сидит в Интернете, и потом эти невероятные, невозможные вопросы, которые она задает! И еще начинает нервничать, когда ей не отвечают! А она спрашивает, например, почему Бог невидим, поди так сразу ей ответь!» — рассказывает мать. Отец, механик, скорее человек суровый, но предпочитает не вмешиваться. Амбер учится играть на гитаре, занимается спортом, но везде одно и то же: как только у нее что-то не получается, она начинает злиться. Эти приступы гнева начались у нее, когда она была в старшей группе детского сада. Уже тогда воспитательницы предупреждали родителей, что не слушается, ни с кем не дружит и держится особняком. При этом она любит простор и свободу, игры на свежем воздухе. Она легко расстается с родителями, но повсюду замечают, что она неестественно напряжена. И еще одна вещь кажется матери очень странной: Амбер зовет родителей по имени! «И непонятно, почему, обычные ее выкрутасы».

Я попросил поподробнее рассказать о том, что происходит в школе. Опять диалог идет только с матерью, Амбер не участвует: «С учительницей отношения хуже некуда, Амбер буквально взрывается, когда та ее наказывает за забытые тетради... А Амбер считает, что переписывать тексты из учебника в тетрадку по меньшей мере смешно!» Добиться взаимопонимания между учительницей уже практически невозможно, конфликт зашел слишком далеко: «Однажды на уроке мальчики с задних парт стали шуметь, и учительница наказала весь класс. Так Амбер встала и заявила: „А почему это я должна отвечать за ваше неумение, раз вы даже не можете справиться с классом?“ После этого с учительницей вряд ли удастся договориться!»

— Ну, а друзья? — Все тупые!

Я предлагаю поговорить с Амбер наедине. Когда ее мать выходит из кабинета, девочка в очередной раз тяжело вздыхает и уныло смотрит на часы. Я осторожно спрашиваю ее, согласна ли она с тем, что сейчас было сказано. Она лишь поднимает брови. И точка.

— А твоя учительница?

— Что мне учительница?

— Ты считаешь, что это ей нужно к психиатру, а не тебе?

— Это уж точно!

Тут она впервые улыбается. Едва заметная улыбка, а все же у меня появляется надежда.

— Ну, а что происходило в этом году в школе?

— Да ничего интересного, талдычим одно и то же.

— Ну, а твои друзья?

— Да они все тупые, им бы только в детские игры играть...

Я спрашиваю ее, чем же она интересуется, как проводит свободное время. Она любит читать и в одиночестве слушать музыку в своей комнате.

Я пытаюсь угадать.

— Лори?

С красноречивейшей гримаской отвращения она бросает:

— Еще чего, я слушаю рок и хэви-метал. Indochine, Noir Desir²³.

Я совсем сбит с толку и переспрашиваю:

— Noir Desir, я не ослышался?

Я говорю себе, что она, вероятно, ничего не знает про Вильнюс²⁴. Как же! Ее глаза загораются гневом, она спрашивает с вызовом:

— И что вы про них знаете?

Это как раз то, чего я ожидал: я должен показать ей, что не считаю ее ребенком, чтобы мы могли наладить общения. Нужно говорить с ней, как с подростком: что тебе не нравится в твоей жизни? Что бы ты хотела изменить? Хочешь, я поговорю с твоей учительницей? Постепенно Амбер смягчается — она приняла возможность диалога. То есть идею возможной помощи от кого-то постороннего. Я двигаю вперед свои пешки: наверное, когда она скучает в школе, она думает о вещах, которые ее тревожат. Наконец мне удастся ее удивить: «Откуда вы знаете?» Ей не удастся скрыть печаль, когда я говорю, что она, вероятно, не может поговорить об этом с подругами. «Но здесь — ты можешь сказать что угодно, я обязан держать это в секрете». Потом мы немного рассуждаем о жизни после смерти, происхождении Земли и риске ядерной войны.

Атмосфера несколько разряжается. Амбер говорит без умолку и мало-помалу открывает мне свои маленькие секреты.

— Поскольку у меня проблемы со всем миром, я бы хотела завести хомяка, все бы ему рассказывала, а он бы слушал и не осуждал меня.

— И что бы ты ему рассказала?

— Что я боюсь, что мои родители разведутся. Что моя сестра нарочно заставляет меня орать, чтоб меня наказали. Что я боюсь, что дедушка умрет: другой дедушка у меня уже умер.

Она заплакала.

— А как у тебя с родителями?

— Ничего, только я с ними ссорюсь и потом я не хочу называть их мама и папа на людях.

²³ Noir Desir — знаменитая французская рок-группа.

²⁴ Солист группы Бертран Канта в 2003 году убил в Вильнюсе актрису Мари Трентиньян.

Но она не объясняет, почему.

Я говорю ей, что нам пора прощаться, но мы обязательно увидимся снова — если она, конечно, захочет. И тут она говорит мне такую удивительную вещь: «Я ведь уже два года хочу прийти...» В семь лет эта девочка хотела сходить к психиатру! Такая маленькая, а беспокойней взрослого.

Мать не решилась спросить меня, как прошел разговор, она сразу предположила самое худшее: «Но она хотя бы заговорила?» Я ее успокоил, сказал, что девочка вела себя нормально, но ставить диагноз еще рано. Ясно одно: она тревожна, одержима мрачными мыслями и у нее масса комплексов. Мне надо вновь ее увидеть, нужно понять, почему же она делает все, чтобы казаться всем такой неприятной и почему она находит странное удовольствие в положении отверженной. В ее случае нужно начать с оценки ее интеллектуальных способностей, для этого надо пройти тест на IQ у меня в отделении.

Я смотрел им вслед и с радостью услышал, как Амбер сказала матери: «Клевая штука эта детская психиатрия, это как тайный дневник, но только который еще тебе отвечает...!»

Контролировать все

В примечании к просьбе о тесте на IQ я пометил: «Довольно трудный характер. Заносчива, требовательна, постоянно недовольна. Сверстники ее отвергают. На консультации она охотно очертила круг проблем: непонимание со стороны подруг, конфликт с матерью из-за школы, агрессию по отношению к сестре. Ее речь — развитая и гладкая, контрастирует с маленьким ростом и хрупким телосложением. Она мучается недовольством по поводу неуспеваемости. Ее деятельность вне школы ограничивается игрой на гитаре, причем она учится сама, считая, что вполне обойдется без учителя. В школе она абсолютно не старается, она постоянно тревожна, постоянно напряжена. Ей необходимо все вокруг себя контролировать».

Как я и ожидал, тест показал ее высокое, не по годам, интеллектуальное развитие, доминирующее в таких областях, как концептуализация и абстрактное мышление. Ее общий коэффициент невероятно высок: 134. Ответы на «вербальные тесты» колеблются от четырнадцати до девятнадцати (из девятнадцати). У девочки блестящие способности. Но задания, связанные с «исполнением», у нее получаются гораздо хуже. Она неаккуратно и очень медленно пишет, недостаточно внимательна (упражнения на коды и символы). Зато Амбер блестяще справилась с заданиями на «дополнение картинки» (когда необходимо дорисовать картинку, у которой недостает детали. Люди, склонные к тревожности и перфекционизму, как правило, прекрасно выполняют этот тест. Они кропотливо и тщательно, стараясь ничего не упустить, прорисовывают каждую деталь.

В заключении психолога говорилось, что расхождение между «лексическими» и «исполнительными» тестами очень показательно. Оно указывает на некую «сопутствующую психологическую проблему». Я не совсем согласен с этим выводом. У одаренных детей такое расхождение встречается довольно часто.

Итоговое заключение звучит так: «Несмотря на выдающиеся способности и развитую речь, Амбер находится в угнетенном состоянии. Тревожность подавляет ее возможности и вызывает состояние, близкое к депрессии. „Переинвестирование“ в языковую сферу есть способ бороться с неуверенностью в себе. Поскольку она не чувствует себя в безопасности, она обязана все контролировать. Жесткость поставленной ей защиты отражается на отношениях с людьми. Высокие интеллектуальные запросы и потребность доминировать создает пропасть между ней и окружающими. Необходима помощь психолога».

Вытащить ее оттуда...

На вторую консультацию Амбер приходит с отцом. Я вижу его впервые. Он неразговорчив, говорит, как будто защищаясь. Кажется, он не очень-то любит психиатров... С Амбер контакт не утрачен, она спрашивает меня взглядом: «Ну что там нашли?» Я открываю ее историю болезни и начинаю атаку. Результаты тестов, комментарии

специалистов. Это длится час.

Вывод таков: Амбер — не по годам развитый ребенок с многочисленными противоречиями: в девять лет интеллект у нее на двенадцать-тринадцать, а ростом она как семилетняя. К этой проблеме присоединяется повышенная тревожность. Отсюда бесчисленные вопросы на «вечные» темы и желание прогнозировать каждый шаг: «А вдруг лифт застрянет, а вдруг я потеряюсь...» Отсюда же ее неровные оценки в школе. Они колеблются по мере того, насколько она тревожна и подавлена. Ее угнетенная психика не впускает новых знаний. В ее голове, занятой беспокойными мыслями, просто нет места для школы! Но все же плохие оценки ей неприятны, и девочка теряет мотивацию. Начинает сомневаться в своих силах, что еще более осложняет ей жизнь. Поскольку ей надо все контролировать, она таким образом успокаивает себя: все как раз так плохо, как она боялась. Она ни перед кем не открывается, и эта закрытость отталкивает от нее подружек. Можно еще добавить, что плохой аппетит Амбер объясняется тем же, что и школьная неуспеваемость. Для нее, ставящей во главу угла интеллектуальную жизнь, еда просто не является важной составной частью ее мира. Она ей безразлична.

Короче, Амбер — одаренный ребенок, но она переживает свою непохожесть как увечье. Укрывшись в капсулу непонимания, она защищает ее от внешних проникновений с помощью гнева и раздражительности.

Амбер молчит, но слушает внимательно, в уголке ее губ прячется улыбка. Родители потрясены. Они словно вновь открыли для себя дочь. Спрашивают, что же делать: «Нужно время, но если мы все возьмемся за дело, мы вытащим ее оттуда!»

Вот мои советы: прежде всего, больше общаться с дочерью. Не нужно насмехаться над ее страхами и игнорировать ее вопросы, напротив, необходимо давать ей возможность излить душу. Потому что ей надо говорить, говорить... Отцу я рекомендую быть с ней доброжелательней и ласковей. Амбер рассказала мне, что ей нравился мальчик из школы, но отец даже слышать об этом не хотел. Я также прошу родителей постараться как-то наладить собственные отношения, поскольку их разногласия являются дополнительным источником тревоги для Амбер: при каждой ссоре она начинает думать, что они собираются развестись. Еще я прошу поставить учительницу в известность о проблемах девочки и попросить, чтобы она подходила к ней индивидуально, объясняла дополнительно более интересный и серьезный материал. Чтобы больше интересовалась ей, но не слишком настойчиво, чтобы не ранить ее. Тут Амбер скривилась: в это она никогда не поверит. Тут я объявил, что ей необходимо будет заняться софрологией. Три пары глаз непонимающе уставились на меня. Софрология — это гениальный метод релаксации, он помогает расслабиться и снять стресс. Для Амбер подходит гениально. Вдобавок я прописал ей принимать на ночь легкий транквилизатор растительного происхождения, на базе боярышника, страстоцвета и валерианы. Не то чтобы плацебо, нет, вполне эффективный препарат для того, чтобы успокоиться и уснуть. Она как-то говорила мне, что часами лежит в кровати без сна.

Потом я поговорил с ней наедине и она сказала мне, что отдает себе отчет, что у нее сложный характер. Что ей жаль, что она так мучила маленькую сестричку. Что все, что я сказал о ней, правда. Признание ее особенности, нормальности ее чувств и эмоций, обоснованности ее реакций и оправданности ее плохих оценок ее вполне удовлетворило. Мы расстались, договорившись встречаться раз в три месяца: «Я помогу тебе сбросить груз забот». Очень нужно, чтобы она точно знала, зачем она сюда приходит.

Вперед, к свободе

Мы встретились с Амбер, когда она уже перешла в следующий класс. Подвели итоги. Она стала нормально засыпать, меньше думать о смерти. Вновь сблизилась с матерью: «Как только она поняла, в чем мои проблемы, она перестала изводить меня пустыми нотациями. Мы стали говорить о более интересных вещах». В школе дело пошло получше, прежде всего потому, что у Амбер появилась подруга. В класс пришла новенькая... и они нашли друг друга! Но с учительницей отношения по-прежнему враждебные, результаты несколько

улучшились, но работать девочке по-прежнему неинтересно. Недавно на уроке выяснилось, что она одна во всем классе знает, что кит — морское млекопитающее. «Вы представляете их уровень!»

Родители по-прежнему ссорятся, в частности из-за нее, и она продолжает думать об их разводе. Особенно неприятно, когда они заставляют ее есть. «Они так смотрят на меня за столом, как будто я больная какая-нибудь». Впрочем, папа все же сделал над собой усилие и выслушал рассказ о каком-то новом мальчике. Амбер по-прежнему интересуется рок-музыкой: «Вообще-то Канта был пьян тогда и не понимал, что творит».

Как это любят все дети раннего развития, она принимается излагать мне свои открытия о людях и мире. У них забита голова всевозможными откровениями. Но я чуть из кресла не выпадаю, когда Амбер сообщает мне: «Вообще-то мне кажется, что мама хочет, чтобы я всегда оставалась маленькой». Невероятно! Сама, как взрослая, она изобрела объяснение своему маленькому росту. И переложила ответственность на другого. Это, как ни странно, прогресс. Теперь можно не бояться анорексии. Что бы мы делали без чувства юмора!

Вообще Амбер слегка отпустила удила, дала себе расслабиться. Она сделала главное: признала, что не она ответственна за все на свете. Она на прямом пути к свободе. Ее желание продолжать лечение — тому подтверждение. И она признается: «Мне иногда хочется убежать!» В этом высказывании нет горечи, в нем только жажда независимости. Амбер заинтересовала идея интерната на следующий год. Она просит меня поговорить об этом с ее матерью. Я решаю, что идея хороша. Особенно, когда исходит от самой девочки.

Но — внимание — есть одно необходимое условие: летать на собственных крыльях, но не рисковать! Следует отпустить ее, при этом не теряя из виду. Ей подойдет учебное заведение с маленькими классами, где, чувствуя поддержку, она сможет выразить себя в полной мере. Я за этим прослежу.

Для Амбер не подходит атмосфера уравниловки, царящая в обычных школах. Ей надо постоянно быть в центре внимания, ей нужен духовный обмен с окружающими, нужно, чтобы ее могли выслушать и понять. У нее еще очень неустойчивое состояние. Она восстанавливается. Ей нужно время, чтобы укрепить свою «новую» личность, окончательно изгнать всех демонов. И тогда она сможет вступить на путь, ведущий к отрочеству. Надеюсь, что он не будет для нее слишком трудным. Ведь начало положено...

Тимоти: «Будущее вашего сына сомнительно». Когда проблемы копятся

Передо мной совершенно измученные родители. Их восьмилетний сын Тимоти уже успел показать им небо в алмазах... Чего стоит последний эпизод: его выгнали из школы. И директриса не церемонилась: заявила, что они сами во всем виноваты, и что она ничем не может помочь их сыну. И добавила: «Школьный психолог сказал, что будущее вашего сына весьма сомнительно».

Поражение на всех фронтах! Родители не только издерганы проблемами в школе, но еще и чувствуют весь груз ответственности за сына на своих плечах. К тому же они не были готовы к такому удару: в школе же прекрасно относились к Тимоти, не зря же ему дали возможность перепрыгнуть через класс! Но из этого вышла какая-то ерунда, и теперь школа его изгоняет.

Я смотрю на Тимоти: «В чем же дело, ты не любишь школу?» Славная физиономия, насмешливый взгляд: «Не совсем так! Дома я устроил школу для своих медведей, но это совсем другая школа, моя школа». Какой смысл обижаться на учителей и директоров, они просто делали свою работу. Тимоти скучал на уроках, что-то бубнил на задней парте. Он надо всем издевался, высмеивал объяснения учителя. Он практически бойкотировал занятия. Нужно было что-то делать.

Психологиня тогда взглянула в его личное дело, провела тест на IQ, результат оказался ожидаемым: 140. Гораздо выше обычного. В его случае перепрыгнуть через класс было выходом... Может быть. Они думали разжечь интерес ребенка к школе, поставив планку

повыше. В первом классе ему явно было слишком легко, слишком скучно. Прямо посреди года его перевели во второй. Увы. Он продолжает так же вести себя, дерется с мальчишками во дворе, «ставит на уши» всю школу. Отметки хуже некуда. Он дерзит, ведет себя вызывающе. Школа опускает руки, школа говорит, что ничем не может помочь. На этот раз ему указали на дверь!

Я вижу Тимоти как раз в этот момент. На дворе лето. Он кажется мне забавным, живым, интересным мальчиком. Он отлично изъясняется, но, несмотря на высокий IQ, его уровень чтения и письма отстает на два года. Тимоти признается мне, что в школе ему не нравится, у него нет друзей. Что он единственный ребенок, но это как раз неплохо, потому что он не выносит всяких братьев и сестер. Он любит музыку — Янника Ноа и джаз.

Родители говорят, что все не так просто: «Сейчас он очень милый — потому что каникулы. Но стоит ему начать работать, как он начинает беситься, становится даже агрессивным». Он делается буквально неуправляем, и все из-за уроков. Трудный ребенок, обжегшись на молоке, предпочитает дуть на воду, но главная проблема — он ставит блоки на все, что имеет отношение к школе: «В школе его способности подвергают сомнению, он у них чуть ли не умственно отсталым слывет». Мама безутешна: «Мой сын вовсе не идиот, он интересуется многими вещами, но только вне школы...» Они всей семьей занимаются парусным спортом, Тимоти это обожает. «Он не может завязать шнурки, а морские узлы завязывает отлично!» Эта деталь очень напоминает «эффект Эвереста», а именно особенность одаренных детей пасовать перед простыми задачами и с блеском выполнять сложные. Я думаю при этом, что оставаться на второй год совсем не полезно для таких детей. Но уже слишком поздно! Тимоти пойдет в другую школу, второй раз во второй класс. Это уже решено. Ну ладно, будем настроены позитивно, сочтем это новым стартом, с новой позиции. В конце концов если школа — единственная проблема этого мальчика, глядишь, что-то щелкнет в нем, когда он сменит учебное заведение. Если его поддержать. Его отставание в чтении поможет догнать логопед. Помощь психолога мне тоже представляется необходимой, так как он очень развит интеллектуально, а значит, его не могут не угнетать собственные неудачи и отношение к ним окружающих. Может быть, психолог разгадает причины его отвращения к школе. Я рассчитываю на способности этого человечка, на то, что он сам выкрутится. У него не пустые глаза, он знает, чего хочет; я ему доверяю. Может, чуть-чуть повзрослев, он справится со своими проблемами.

Я даю несколько советов родителям Тимоти. Быть с ним потверже... Не позволять ему торговаться, сначала настаивать на своем, а потом уже объяснять. Затем я предлагаю отцу несколько разрядить их отношения — в них слишком много противостояния и соревнования. Я предлагаю еще войти в контакт с новой школой, но мама против: не стоит, чтобы с самого начала мальчик был как-то специально отмечен, она хочет начать с чистого листа. Это ее право. Но риск есть. Мы расстанемся и договариваемся созвониться: «Сообщите мне его результаты в конце первого триместра».

Я не ждал их звонка. Вернее, ждал, но не так скоро. Каникулы миновали, передышка закончилась, наступил обычный кошмар. Фильм ужасов, который они знают наизусть, прокручивается безо всяких изменений: «Хулиган Тимоти». Плохие оценки сыплются градом, их уже несколько раз вызывали в школу, учитель видеть его не может: «Он все время издевается над всеми на уроке, ржет на задней парте».

Единственная хорошая новость в этой ужасающей сводке: «Мы делаем все, что вы сказали, дома дела уже гораздо лучше». В довершение всего они сообщают мне, что логопед обнаружил у Тимоти признаки дислексии. Это усложняет ситуацию.

Необходимо обследование в стационаре

Случай Тимоти требует более подробного изучения. Его неприятие школы становится все сильнее, он не желает предпринимать никаких усилий и причина явно не в отсутствии способностей. Что-то тут таится другое. Я записал его на двухдневное обследование у нас в отделении, чтобы разобраться. Родители согласны, мама уже больше не может так жить, она

на антидепрессантах: «Я только им и занимаюсь, у меня нет сил». Отец добавляет: «Это так тяжело, мы сравниваем его с другими, с его двоюродными братьями, и мы видим, что он другой, нам приходится постоянно его одергивать, делать ему замечания».

И вот настает момент госпитализации. В целом Тимоти показался всей команде симпатичным, хотя и не в меру активным. Наш нейропсихолог отмечает, что он много вертится во время тестов на внимательность, и эти тесты получаются у него хуже, чем все остальные. Она помечает: «неусидчивость, недостаток внимания». Логопед подтверждает дислексию. Она, как выяснилось после более подробного обследования, относится к фонологическому типу: Тимоти хорошо читает знакомые ему слова, но не может одолеть незнакомые и имена собственные. Тесты показывают также «тревожность в тестах на исполнение», проще говоря, боязнь ошибиться. Классический вариант для ребенка, сочетающего раннее развитие²⁵ и дислексию: он понимает все очень быстро, но при этом знает, что он может ошибиться в том или ином месте, поскольку сам осознает свои слабости. Тогда он говорит себе: «Это у меня не получится, я слишком туп», руки опускаются, и он просто ни за что не берется. Он совсем не вкладывается в те области, где он слаб, но зато интенсивно вкладывается в другие. Тимоти силен в словесном выражении, а вот чтение и письмо — его заклятые враги, он их попросту игнорирует. Как будто обходит препятствия. И это его безусловно беспокоит. Он так боится неудачи, что попросту ничего не делает — замыкается в своем неприятии. Я попросил психолога, чтобы она копнула поглубже: «Его недостаток внимания не есть ли следствие чересчур насыщенной воображаемой жизни, которую он себе придумал?» Нет, несколько — она считает, что ему вполне интересна реальная жизнь. Он любопытен и задает много вопросов: «Почему я это я, почему я не кто-то другой, а как был создан мир, а как это в тучах, таких легких, создается снег, а что такое смерть?» Типичные вопросы не по годам развитого ребенка.

На школьных занятиях в отделении он нервничает. Его неусидчивость явно маскирует стеснение. Он заставляет упрасивать себя, чтобы начать работу. Тем не менее все сразу замечают его требовательность к себе: читать ему нравится, но сложности тормозят его в этом процессе. Тем не менее все решают, что Тимоти улыбочивый, живой, несколько не мрачный мальчик. Во время игры в пенчингбол — его любимой — он ужасно возбуждается. Когда он нарушает правила, воспитательница призывает его к порядку — раз, другой, а на третий он отвечает: «Раз так, я выхожу из игры».

Чтобы подтвердить предварительный диагноз (раннее развитие, осложненное дислексией), мне нужно погрузиться в его прошлое. У меня масса информации, полученной от родителей, и даже письмо от воспитателей детского сада.

Возвращение в прошлое

В три года Тимоти был «прелестным ребенком, ласковым и привязчивым, но ему необходим авторитет, чтобы двигаться вперед, к социализации и самостоятельности. Он необыкновенно любопытен, он спрашивает, запоминает, очень общителен, прекрасно развита речь, ловкий и умелый». Сплошные похвалы, какой многообещающий малыш!

На следующий год начались проблемы. Хотя в его жизни не произошло никаких перемен, отношение к нему изменилось, в саду начали сердиться на него: «Он не может усидеть на месте, рассеян, воспитательнице приходится проявлять с ним строгость». Когда он начинает плакать, она успокаивает его, как маленького ребенка. Пока он не говорит ей: «Я все знаю!» Малыш, развитый раньше времени, уже задумывается о смерти. И поскольку его дедушка уже старенький, он боится, что тот умрет! Он думает об этом все время — особенно во время занятий. Он потом вспомнит, какой непонятливой и несправедливой казалась ему воспитательница, и в конце концов ему перестало нравится учиться...

²⁵ Раннее развитие, или одаренность: ярко выраженные интеллектуальные способности, сопровождаемые повышенной чувствительностью (см. глоссарий).

Дома напряжение тоже росло: «Он гоняет нас, как хочет, перед сном мы должны сидеть с ним, пока он не заснет, он нас использует, просто кровь пьет», — жалуется папа. Мама бросила работу, чтобы с ним заниматься: «Он не контролирует свои эмоции, он даже агрессивен иногда». Она волнуется. Тем более что общественность плохо воспринимает ее ребенка: «Мы не можем пойти с ним в ресторан, даже в Макдональдсе он ведет себя кошмарно, на семейных праздниках нам стыдно за него». Они отвели его к педиатру — так тот даже не смог его осмотреть: Тимоти ругался и дрался, даже не подпустил его к себе.

Через год, в старшей группе, дело вроде бы пошло на лад. У него появилась воспитательница с нестандартным подходом к детям, которая смогла воздействовать на его чувства: «Это как раз она правильно сделала, — отметила мать — Тимоти очень восприимчив к доброте». Дома все успокоилось, мама вышла на работу.

Я исследую самые ранние периоды, даже период беременности и родов. «Беременность была гениальная!» Тимоти ждали как мессию, он — поздний ребенок. Когда он родился и акушерка показала маме ребенка весом четыре шестьсот пятьдесят, который бешено дергал ручками и ножками, она сказала пророческую фразу: «Отличный младенец... Мужайтесь!»

По этому поводу американский психиатр Тосс Берри Бразлтон рассказывает в одном из своих многочисленных произведений о грудничках, а также в знаменитой передаче «Младенец — это личность», что с момента своего появления на свет ребенок проявляет черты, присущие ему в будущей жизни. Младенцы совершенно не похожи друг на друга, они все разные, — это хором утверждают все детские сестры в роддомах. Их опыт позволяет порой предсказывать будущее и делать выводы: «А вот с этим вы наметаетесь, помяните мое слово!»

Тимоти заговорил раньше, чем пошел. В два года он уже строил фразы. Сложный ребенок, но такой очаровательный, с такой кучей разнообразных достоинств!

Новое совещание с командой

Чтобы вывести окончательное заключение, мы обсуждаем случай Тимоти с учетом всей информации. Очевидно, что это преждевременно развитый ребенок, с проявлениями дислексии. Но по дороге выяснилось еще одно обстоятельство: Тимоти страдает недостатком внимания. В общем, сложная картина. Три этих элемента взаимодействуют и отрезают ему пути к нормальной жизни. Дислексия не дает проявиться одаренности, недостаток внимания на это накладывается и он попадает в ряды плохих учеников. Очевидно, его это угнетает — и уже давно.

Я показал заключение родителям, всячески подчеркивая одаренность Тимоти. Я рассказал вдобавок, что он вполне прилично себя вел и не отказывался заниматься в классе с нашим преподавателем: «Ему нравится доброжелательное к нему отношение!» Маме были очень нужны эти слова. Я вдобавок потребовал установления для него строгого распорядка, чтобы он не разбрасывался. И добавил, что необходимы занятия с логопедом.

Я предложил связаться с его преподавателем. Их война вызывает нежелательные последствия. Недавно он отдал ему работу, добавив: «Тимоти получает ноль! Ошибки...», напирая именно на слово «Ноль». Класс взорвался хохотом. Тимоти был унижен. На работе красным карандашом было помечено «Ноль» огромными буквами, рядом крохотными «ошибки». Такого не должно быть. Оставим тупые шуточки школьникам.

Я точно знаю, что нужно стимулировать его, приободрить, чтобы он мог учиться. Я взял на себя задачу самому поговорить на эту тему с преподавателем, нужно запустить «проект интеграции», то есть школа должна следовать моим указаниям и помогать мне во всем, и мы должны подписать официальный договор о поддержке этого ребенка.

Все объединяются, чтобы помочь Тимоти

Перед началом занятий в январе, по договоренности с директором школы созвано собрание в школе. Мы встречаемся в классе, где занимается Тимоти. Учитель показал его парту: «Я посадил его как можно ближе, я не спускаю с него глаз».

Все представляются: родители, логопед, психолог, школьный врач. Я напоминаю, зачем мы все здесь собрались, нам надо добиться необходимой помощи и разобраться с проблемами Тимоти, чтобы он нормально чувствовал себя в школе. Начинаем.

«Я чувствую, что он напряжен, он нервничает. Ему снятся кошмары, даже во время выходных он не спокоен. Он сказал мне, что его достало одиночество и непонимание в школе. Ему плохо, вы понимаете?» — говорит мать.

«У Тимоти и правда конфликт с детьми. Он на них обрушивается, как гром небесный, и они отстраняются. Он сам идет на конфликт, он провоцирует. С ним никто не хочет сидеть. Он чувствует себя исключенным из жизни и ему это, наверное, тяжело».

Логопед, который встречается с Тимоти один на один, более оптимистично настроен: «Однако мальчик хочет ходить в школу, он кажется мне очень жизнерадостным ребенком и проблем с дислексией уже меньше».

Но папа считает, что все серьезней: «Да ему просто нравятся перемены... Ему все меньше хочется идти на урок и он очень боится, что его выгонят. Один раз он увидел на улице бомжа и сказал, что его ждет такая же судьба...

А его результаты в учении „не блестяще“. Но и не так плохо, учитывая его поведение. Проблема в том, что он мешает классу. Боюсь, что кончится все профессионально-техническим училищем».

Я напоминаю о его высоком IQ — 140. О его сильных и слабых сторонах. Я достаю его историю болезни и с позволения родителей показываю результаты тестов, которые колеблются от отличных к очень неважным: он слаб в написании знаков и запоминании цифр, но очень силен в вербальных испытаниях. Я напоминаю, что он страдает дефицитом внимания и чересчур импульсивен. Отсюда невозможность предвидеть последствия своих поступков, хотя он может в душе хотеть сделать как лучше. И поэтому все наказания оказываются бесполезными. И поощрения тоже. Для него трудно жить в коллективе: некоторые способности у него, как у пятилетнего, некоторые как у двенадцатилетнего. Ребенок сбит с толку. То он — очевидный лидер, то он в последних рядах... Ему тоже непросто!

Отец пытается защитить мальчика: «Он прекрасно считает, но не может запомнить таблицу умножения. Жаль, это мешает ему двигаться вперед...»

Я интересуюсь у учителя, какие самые слабые места Тимоти. «Прежде всего, отношения с другими детьми. Затем письмо. Он не может правильно составить фразу. Он пишет как слышит. И все слитно. Я уже пытаюсь дать ему побольше времени, чем остальным, и некоторые упражнения сокращаю...»

Школьный врач обеспокоен: «Мне не нравится, как он ведет себя вне школы. Когда он переходит улицу, он никогда не смотрит по сторонам, у него нет никакого чувства опасности. Может, ему заняться дзюдо, чтобы научиться сосредотачиваться?» Мама взрывается: «Ну нет! Этого нам не надо! Мне надоели новые знакомства и новые проблемы! Он занимается спортом с нами, ему вполне хватает! С нами он — нормальный ребенок, в ресторане он не крутится по сторонам!» Учитель отвечает: «Ну тогда что мне делать с Тимоти?»

Я встаю на защиту мальчика. Долго объясняю, что он все делает не нарочно, что он страдает от своего поведения. Я предлагаю несколько простых советов. Говорить ему, что не он плохой, но лишь его поведение. По-прежнему нужно посвящать ему дополнительное время, стараться, чтобы он работал в маленькой группе, не противопоставлять его другим. Стараться его приободрить, спрашивать его по темам, в которых он силен: например, он прекрасно учит стихотворения, так пусть рассказывает.

Мы расходимся, договорившись вновь встретиться через два месяца. Может быть мысль, что столько взрослых занято его проблемами, как-то поддержит Тимоти. У него появится вера в себя и улучшатся отношения с окружающими. Шаг за шагом, мы выведем его на путь к спокойной и счастливой жизни. Главное — не бросать его на этом пути!

Я решаю, что работа с родителями еще не закончена. Перед уходом я предлагаю им

отдать Тимоти еще на три дня в клинику на обследование. Есть у меня одна мыслишка.

Считает себя взрослым

Я думаю, что Тимоти не обойтись без помощи лекарства. Что надо для начала подавить его импульсивность, а потом уже пытаться примирить его с одноклассниками и думать о его успеваемости. Он основательно подпортил себе репутацию и близок к тому, чтобы стать изгоем, а на деле-то у него уйма достоинств! Он бы и рад следить за собой, да не получается...

Я собираюсь предложить Тимоти психостимулятор, чтобы он мог лучше себя контролировать. Идея обследования в клинике как-то успокаивает маму, и она соглашается.

В первый день мне сообщают, что у Тимоти депрессивное состояние, он свернулся в клубок, как ежик, и к нему не подойти. Я сажусь рядом с ним на кровать: «Ну как дела, дружок-пирожок?» Меня испепеляют взглядом: «Врач не должен так разговаривать с пациентами!» Я совершил ошибку! Забыл, с кем имею дело: он по виду малыш, но считает себя взрослым. Так что фамильярность тут не пройдет. Скорее — шахматная партия, сразу после консультаций. Попадание. Он явно уже начал строить планы на послеобеденное время: «Отца я все время обыгрываю!» Внезапно он соглашается переночевать в отделении.

На следующий день Тимоти, как и было предусмотрено, принимает полтаблетки. По сравнению с предыдущим днем он, по мнению медсестры, которая за него отвечает, становится сознательней и целеустремленней. Становится менее рассеянным, менее неистовым в играх. Вечером, когда родители приходят проведать мальчика, я ставлю их перед фактом: мальчик прекрасно переносит лекарство, ему необходимо принимать его в малых дозах: восемнадцать миллиграмм по утрам. Исключительно в те дни, когда он ходит в школу. Мы попытались пойти этим путем, при этом мы постоянно держим связь.

На этот раз мама по телефону преисполнена доброй воли: «Я теперь поняла, что вы имели в виду...» Тимоти пожимает мне руку, он рад сообщить родителям, что после долгой борьбы наконец обыграл меня в шахматы. Я объясняю родителям, что медикаментозное лечение — не панацея, нечего ждать от него чудодейственного эффекта. Что все продолжится, как прежде: наши собрания в школе, специальный режим для Тимоти в доме и занятия с логопедом. Чтобы ему тоже стало понятно, о чем идет речь, я объяснил: «Ты как будто Феррари, слишком мощный и слишком быстрый, на котором приходится ездить по городским улицам. Надо же приспособливаться...» Он хохочет, взглянув на меня заговорщицки: мы поняли друг друга.

Месяц спустя дела налаживаются. У Тимоти улучшается успеваемость. Учитель начинает воспринимать его всерьез. Ошибок гораздо меньше. Замечаний тоже — с поведением стало гораздо лучше. Мама перестала сомневаться в эффективности лекарства — но тем не менее мы прекратим прием к концу года. За это время все пересмотрят свое отношение к Тимоти, он наконец избавится от образа, который ему вовсе не подходит. Он перестанет быть «трудным ребенком». Чтобы стать самим собой.

Раннее развитие: эти ранимые дети на страже Вселенной

Прежде времени развитые дети — не такие, как все. Но как все, они дети.

«Они разговаривают, как взрослые, они хотят быть палеонтологами или же спикерами парламента». Погодите, не стоит увлекаться очарованием этих удивительных детей. Им больше чем всем прочим нужна помощь и поддержка, нужна твердая рука, поскольку жить им не очень-то весело. Они страдают: слишком чувствительны, слишком не похожи на других.

Теории раннего развития

Двадцать лет назад одаренного ребенка²⁶ приводили к врачу и спрашивали разрешения перепрыгнуть через класс или даже два. Как правило, с ним все было в порядке. Но, думаю, об этом стоит забыть. Ведь сейчас ситуация перевернулась.

Сейчас многие из числа таких детей живут нормально, но некоторые не слишком хорошо себя чувствуют. Они угнетены и раздражительны, они не находят контакта со сверстниками и, как ни странно, плохо учатся в школе. В большинстве случаев преждевременное развитие имеет больше минусов, чем плюсов. Подаренное яблочко оказывается отравленным — интеллект получает бонус, а вся личность в целом — нет. По сути дела интеллектуальная эффективность состоит из цепочки разнообразных элементов, которые при взаимодействии могут искажать характер отношений с семьей и школой. Она при этом сопровождается повышенной чувствительностью и специфической манерой оценивать информацию. Это «позиция не по годам развитого ребенка».

К этому можно добавить, что сам термин «развитый не по годам» или «рано развитый ребенок» — не совсем точен. Он как бы подразумевает, что сверстники потом нагонят его в развитии. Как это случается обычно с очень высокими или толстыми детьми. Но это не так. Рано развитый ребенок всю жизнь остается на голову выше сверстников. И правы англичане, которые предпочитают термин «одаренный ребенок». Канадцы употребляют выражение типа «сверх-дар», то есть нечто, свалившееся с неба. Это удачное название: ведь известно, что наши юные одаренные пациенты говорили, что с трудом тащат этот груз на плечах: «Если такое преимущество над другими дано мне просто так, я ничего не сделал, чтобы его добиться, на мне лежит моральное обязательство: быть на высоте». Это нелегкая ответственность.

Один-два в каждом классе

Как правило, такое случается приблизительно с каждым двадцатым ребенком во Франции. Всего их около пятисот тысяч, один или двое в каждом классе. Мальчиков в два раза больше девочек. Такое неравенство не означает впрочем, что мальчики талантливее девочек. Это значит лишь, что девочки лучше и быстрее мальчиков приспосабливаются к требованиям школьной и социальной жизни. Сейчас особенно заметно обилие девочек на вступительных экзаменах в высшие учебные заведения (особенно медицинские). Но особенность таких детей может стать причиной их неприспособленности к жизни. Скрытое за внешним спокойствием и адаптированностью, раннее развитие может быть не узнано и не диагностировано. И есть риск, что оно внезапно проявится в отрочестве — приведет, скажем, к нарушениям питания или к депрессии.

Статистика красноречива: половина всех одаренных детей сталкивается с трудностями в средней школе, треть из них даже не доходит до старшей школы. Поскольку в стенах школы все их «козыри» не играют. Напротив, сильные стороны становятся их слабостями. Такое вот несоответствие их личности школьной системе. Их знания и умения оборачиваются против них. Например, прекрасная память заставляет отбрасывать всю рутинную информацию. Способность искать новые пути и решения вынуждает нарушать правила и указания. Независимый ум оказывает сопротивление давлению, не приемлет косного и скучного. Разнообразие интересов способствует тому, что они скачут от темы к теме, не углубляясь ни в одну. Целеустремленность в достижении своей цели создает им репутацию упрямцев и зануд. Легкость в словесном выражении заставляет ополчиться на письменную речь, которая не удовлетворяет их, кажется бедной и ограниченной.

Скорее знать, чем учить

Они не соответствуют требованиям школы, их отношение к процессу познания отличается от отношения «среднестатистического» ребенка по целому ряду неизменных

²⁶ Ребенка, чьи способности превышают обычные, и чей IQ выше 130.

параметров. Вот основные отличия.

«Среднестатистический» ребенок охотно выполняет требования учителей и использует те пути познания, которые они ему предлагают. Одаренный ребенок идет своим путем. Знать и понимать для него важнее, чем учить. Ему приятней разгадать, чем просто узнать ответ из чужих уст и запомнить его. Ему свойственно усложнять те решения и выводы, которые кажутся одноклассникам простыми и ясными. Ему больше нравится задавать вопросы, чем давать ответы. Он скорее любопытен, чем заинтересован, ему нравится сочинять, а не переписывать. Обычный ребенок любит школу, этот же отсиживает в ней день за днем.

Невозможность приспособиться к школьным правилам приводит к тому, что его начинают считать «плохим учеником». Он все путает и усложняет, не желает принять навязанную методику работы, ненавидит правила и указания. Для него все это повторение кажется просто глупым! Нужно видеть его сочинения! В них полным-полно блестящих идей, но сваленных в одну кучу. Чаще всего такие сочинения оцениваются нулем с пометкой «не раскрыта тема».

Именно эта надпись красной ручкой, жирно подчеркнутая тремя чертами, красовалась на сочинении маленького Адриана на тему «Кем я буду, когда вырасту». Там, где его друзья из четвертого класса²⁷ описывали профессию своей мечты, мысли о которой многим из них были внушены родителями, Адриан дал волю воображению: «В начале Елисейских полей я полицейский, я останавливаю движение. Немного ниже по улице я парикмахер, стригу бесплатно всех, кто захочет. А пройти подальше — я банкир, даю беспроцентные ссуды бедным людям...» Учительница, обалдевшая от такого текста без начала и конца, даже не стала читать дальше. А зря: в продолжении пряталась разгадка, придающая смысл всему этому бреду: «В самом конце Елисейский полей я работаю... Дзыыынь. Звонит мой будильник. Пора в школу». Адриан так и не смог забыть пяти из двадцати баллов, полученных за это сочинение. С интересом к французскому языку было покончено раз и навсегда.

Вдобавок одаренные дети, как правило, очень плохо пишут, у них безобразный почерк — рука не успевает за мыслью. Ответы их неточны, поскольку они опираются на аналогию и делают собственные выводы. А потом приходит средняя школа, где отдается предпочтение «конвергентной» мысли: у каждого вопроса есть только один ответ и у каждого правила свое четкое определение. Эта методика сковывает по рукам и ногам вольный разум одаренного ребенка, и тут-то он сталкивается с серьезными трудностями. Настает момент, когда его припирают к стенке: «Каким способом ты решил эту задачу?» И именно это он не может объяснить. Да и скучно возвращаться к уже раз решенному. Исследование, проведенное в нашем отделении, показало, что не по годам развитые дети очень сильны в концептуализации, но слабы, когда нужно применить правило или какое-то выученное понятие. Они путают «понять» и «выучить» и часто в классе дают правильные ответы, не будучи при этом в состоянии объяснить ход своих мыслей. Поскольку эти «светлые головы» не желают делать над собой никаких усилий, идея работы им абсолютно чужда. А вот неудачи в школе, неуспеваемость приводят к тому, что дети чувствуют себя обездоленными, непонятыми, несчастными.

Слишком тяжело, слишком легко

Таким образом, побочные эффекты раннего развития пагубны для обучения в школе и могут вызвать расстройства поведения. Нарушения эти могут быть самыми разнообразными: расстройства сна (кошмары, бессонница), непоседливость и возбудимость (он крутится на уроках, поскольку ему скучны объяснения), конфликты с учителями и родителями, тревожность и даже депрессия. Если диагноз вовремя не поставлен, одаренный ребенок попадает в адский замкнутый круг, который с каждым годом становится мучительней. Он

²⁷ Примерно 13–14 лет, четвертый от конца.

плохо учиться в школе, его это угнетает и поэтому отражается на его поведении. Чем больше ему не нравится такая жизнь, тем он тревожней, тем больше он суетится, тем сильнее противопоставляет себя окружающим и тем хуже учится. Наступает момент разочарования, пропадает мотивация, а от этого школьные проблемы только усиливаются.

К тому же его умственное превосходство может маскировать другие сложности, это затрудняет установление диагноза, особенно когда одаренность сочетается с дислексией или дефицитом внимания. И ситуация еще больше запутывается. Неудачность начинают сваливать на эти сопутствующие неврологические нарушения, и, соответственно, незаслуженно низко оценивать возможности ребенка. От этого он страдает, а на уроках то слишком тяжело, то слишком легко. Вот уж когда школьная жизнь превращается в кошмар!

Обнаружить как можно раньше

Эта интеллектуальная особенность обнаруживается очень рано. Она в глазах новорожденного, который внимательно следит за взрослым, замечая каждое его движение. В движениях младенца, который живо отвечает на улыбку, сам идет на контакт и часто начинает говорить раньше, чем ходить. Потом он сам начинает читать, обожает рассуждать и проявляет чувство юмора:

— Что ты высказываешь, как чертик из коробки?

— А что ж мне, так и сидеть в коробке?

Таким он останется на всю жизнь. Дружелюбным ко всем на свете, и оттого трогательным и уязвимым. Наделенным необыкновенной интуицией, настоящим шестым чувством, которое безошибочно подсказывает ему эмоции других людей. Он необыкновенно любопытен и засыпает родителей вопросами, доводя постепенно до белого каления. Сначала это смешно. Но потом становится неудобным. Малышу, который разговаривает как взрослый и который считает глупыми игры сверстников, не так-то легко найти себе друзей. И вот необычный ребенок замыкается в своем мире. В четыре года смерть для него — не старуха с косой из мультфильма, нет, она окончательна и бесповоротна. Очень рано его мучают вопросы, необычные для детей его возраста. Он хочет знать все.

«Что мы не так сделали, чего мы не сделали, что мы могли бы сделать», — обычные причитания растерянных родителей. Они в замешательстве, им не удается уложить своего трех-четырехлетнего ребенка, который абсолютно логично аргументирует свое нежелание идти спать. «Нам его такого выдали, а инструкции не приложили...» Поэтому очень важно вовремя открыть им глаза на проблему их ребенка: они перестанут чувствовать себя виноватыми, перестанут думать, что совершили педагогическую ошибку.

Оказаться изгоем

Главное — понять такого ребенка. Почему малыш скучает в начальной школе, почему в подготовительном классе у него такой жуткий почерк, почему он считает в уме, никогда не задумываясь, как это у него получилось. Поскольку работать по общепринятой модели с ним не удастся, «нетипичного» ребенка отстраняют от работы: «Ну, тебя я не спрашиваю, ты и так все знаешь». Он отдалается от группы: «Знаешь, я перестал поднимать руку на уроке, а то они меня ботаником считают», или даже: «Мой лучший друг на людях делает вид, что со мной не общается». В конце концов ребенок может решить, что лучше уж вообще отказаться от своих способностей, не использовать их. Будет стараться поглупеть, чтобы быть как все. Это называется «обратный эффект Пигмалиона» — он делает то, что другие ожидают от него, чтобы не оказаться отверженным: «В школе он специально старается читать по слогам, как все остальные, тогда как дома читает абсолютно бегло».

И оказавшись изгоем, и отказавшись от своих способностей, в обоих случаях ребенок страдает. Некоторых трясет от одного только слова «школа». Часто бывает, что одаренный ребенок, которому не успели поставить этот диагноз, в подготовительном классе не воспринимает речь, если она обращена не непосредственно к нему. Так же будет вести себя обычный ребенок в классе для умственно-отсталых детей.

Многие развитые не по годам дети замыкаются в себе и доходят чуть ли не до депрессии. Известный факт: горе от ума. Интеллект играет для них роль лупы, которая увеличивает все неприятности, усиливает все ощущения. Одаренного ребенка возмущает любая несправедливость, современная жизнь его пугает. Уже очень маленьким он пишет свои пожелания: «Чтобы не было войны, чтобы все люди были счастливы». Он всегда остро чувствует любые домашние неурядицы. О том, что родители разведутся, он знает раньше них.

Предвидеть все

Такова особенность одаренных детей: они предугадывают все проблемы, которые могут возникнуть, и неловко, неуклюже пытаются предупредить близких об опасностях, которые видны только им. Они выбиваются из сил и слыvät «странными».

Десятилетний Эмиль постоянно предупреждал всех близких и знакомых о ядерной опасности, поскольку они живут в окрестностях крупной электростанции. Он твердил об этом в школе и дома, предлагает всем запастись таблетками, содержащими йод, на случай утечки радиации. Он даже говорил об этом с аптекарем. В конце концов все вокруг стали считать его чуть ли не «чокнутым». Но тут новость, как гром среди ясного неба. В ознаменование десятилетия Чернобыльской катастрофы французские власти решили организовать обязательное распространение йодосодержащих таблеток в окрестностях атомных электростанций. Новость вызвала у народа волну паники. А вот Эмиль оказался среди немногих, кто нисколько не был удивлен.

Они все, как Эмиль, стоят на страже общества. Это наши часовые в коротких штанишках. Чуткие и подозрительные часовые, подстерегающие опасности, которые всем остальным представляются нереальными. Как те абсурдные солдаты в пустыне Тартар. Подобная чувствительность делает их уязвимыми. В сентябре 2001 года именно эти не по годам развитые дети сильнее всех переживали падение башен-близнецов. Им становится по настоящему плохо в моменты геополитического напряжения, они все переживают не так, как взрослые. Когда в Юго-Восточной Азии прошел цунами, эти дети спроецировали события на собственную жизнь и стали бояться катастрофы в своем городе. Маленький житель Ардеша Макс категорически отказывался гулять по берегам Роны, опасаясь наводнения.

Когда одаренные дети взрослеют, их способность сочувствовать и воспринимать чужие эмоции становится еще сильнее. Они как правило лишены поддержки группы, они моложе своих одноклассников, поскольку часто перепрыгивают через класс, и их часто избирают в жертвы, издеваются над ними и даже бьют. Особенно это становится заметно лет в 14–15, когда в классе появляется компания главарей и заводил, которым неприятно, что какой-то «сопляк» знает больше, чем они.

Тревожность растет

Раннее развитие обычно сопровождается тревожностью, которую нужно постараться успокоить. Часто родители спрашивают: «Доктор, почему он такой одинокий, почему у него нет друзей, он все время торчит у компьютера и играет в сетевые игры». Очень важно найти ответы на все эти вопросы, потому что ребенок, замкнувшийся в себе, рискует пропустить один из основных этапов — переход к взрослости. Чтобы стать самостоятельным, ему нужна поддержка посторонних людей, более терпимых, чем члены его семьи, у которых он сможет добиться признания. Этот этап необходим для построения личности, без него человек начинает буксовать на месте.

И тогда ощущения неудовлетворенности и недовольства усиливаются. «Одаренным» становится все труднее отождествить себя с окружающими. Ведь идея стать членом клана, то есть поставить себя в некие рамки, для них непереносима. По сути дела, как отмечает Доминик Паскье в работе «Лицейская культура, тирания большинства», среди старших школьников очень сильна «нормативность»: «Чтобы быть со всеми, надо быть как все». Проведя социологическое исследование во многих лицеях, он заметила, что в каждом

учебном заведении выделяется некое большинство, которое начинает диктовать свои законы. Это своеобразный терроризм, который диктует вкусы в одежде и музыке и навязывает соответствующую манеру поведения. Иначе будешь отвергнут. И эта диктатура (кстати, она стала довольно опасным явлением) приводит к еще большему отдалению «не в меру умных» детей, которые по определению отличаются от всех.

И тогда одаренный ребенок встает в позу: трудностей он не любит. У него все должно получаться легко, это его вторая натура. И он пускает в ход аргументы, которые раздражают преподавателей и выводят из себя родителей. Он всего лишь хочет все контролировать. Отсюда его тревожность. Поскольку в отрочестве все противоречия усиливаются, он может дойти до самых крайних проявлений: школьная фобия, попытка самоубийства. Свидетельства полной сумятицы мыслей и чувств, которые в этом возрасте накатывают на подростка, как волны в шторм, смывая все на своем пути.

Надо еще помнить, что у «развитых не по годам» и отрочество тоже наступает раньше. Этот и для обычных детей тяжелый период одаренные дети переживают вдвойне. У них он отягчен наследием трудного детства, и в итоге противостояние школьным группировкам и родителям становится невыносимым. А уж милый подростковый букет «усталость-скука-дурное настроение» одаренные дети получают в полной мере. Всерьез и надолго. Пока не наступит время юности и не освободит его от этих мук. Старшая школа, институт — теперь у него спрашивают его собственное мнение! Переход к более ответственной системе образования дает долгожданный шанс вписаться в систему.

Но пока этого не произойдет, ему надо помочь перешагнуть порог, разделяющий ребенка и подростка. Этому может весьма поспособствовать преподаватель, если найдет время иногда давать ему более сложные задания. И если учитель проявит чувство юмора, будет совсем хорошо: это тот язык, который одаренные дети очень хорошо понимают.

Вот отличная иллюстрация такого поведения. Ученик пишет в конце работы: «Все расчеты у меня в голове, буквально вертятся на кончике языка, но никак не могут выйти наружу. Не могли бы вы, пожалуйста, поставить мне четыре плюса за это упражнение и еще сколько-нибудь (десяти мне вполне хватит) авансом. Заранее благодарю вас». Вот что ответила учительница: «У меня четыре плюса буквально вертятся на кончике ручки, но чернила никак не могут выйти наружу...»

Когда противоречия со всеми окружающими достигнут апогея, очень желательно было бы найти какого-нибудь «посредника». Крестный или дедушка могут предложить некую непохожую модель взрослого поведения, соблюдая при этом, конечно, корректность по отношению к родителям. Брат отца или матери вполне может стать, по выражению Жака Лакана²⁸, «отцом без отцовских недостатков»: ему можно доверять, «он-то меня понимает...»

Иногда еще необходима поддержка школьного врача или психолога. Без колебаний предложите ему помочь, такому ребенку свойственно охотно принимать помощь, если она исходит от посторонних. Нужно лишь соблюдать несколько необходимых правил, без которых трудно наладить отношения с одаренным подростком. Существует несколько ловушек, попадись в одну из них — и контакт утрачен. Прежде всего, следует обещать, что все сказанное останется между вами — и не обмануть при этом! Нужно соблюдать договоренности, не навязывать собственное мнение, добиваться своего с помощью «взаимовыгодных соглашений» и не забывать о чувстве юмора. И при этом не выступать в качестве сообщника его родителей, но и ни в коем случае не критиковать их!

А родители в свою очередь должны помнить, что кроме недостатков у их взрослеющего чада есть еще и достоинства. Они чистые, чувствительные и чуткие. Они очень остро чувствуют фальшь. И понимают при этом, что родителям с ними не сладко. Но никогда в этом не признаются. Уж по крайней мере самим родителям...

²⁸ Французский психоаналитик.

Не так-то просто понять своего ребенка. Я по этому поводу вспоминаю одно путешествие...

От психологии к нейропсихологии: через океан...

Монреаль, 20 мая 1995 года:

«А вы останетесь в Квебеке на праздники?»

Шофер автобуса и не подозревал, что имеет дело со студентом... И впрямь, в компании жены и двух наших мальчиков — четырех и пяти лет — я больше напоминал почтенного туриста...

А между тем я устроился на полугодовых курсах повышения квалификации в Квебекском университете. Хочу овладеть профессией нейропсихолога, чтобы лучше разобраться в деятельности мозга и понять, как некоторые дисфункции могут сказаться на процессе обучения...

Такой поворот моей врачебной практики был обусловлен трудностями, с которыми я столкнулся во время консультаций. Кроме того, мне интересно было вновь примерить на себя студенческую жизнь: ведь я больше не беззаботный парень, я стал зрелым и сложившимся человеком.

Автобус проезжает по новым районам: кирпичные дома, пустынные улицы, раскаленный асфальт, как и должно быть в воскресенье днем... Открыты только несколько круглосуточных магазинов, где можно купить любые продукты, кроме алкоголя.

Жюльена и Тома разморило, они устали от путешествия, от новой обстановки, в которой оказались: жара, сушь, разноголосое население, огромные машины, красные кирпичные дома и небоскребы из стекла и бетона, к которым тулятся маленькие готические церквушки. И небо ... такое огромное небо.

Конечная обстановка: центр Монреаля. Дальше мы пойдем пешком. На такси нет денег, бюджет у нас скромный. Тридцать в тени. Я, весь потный, тащу две огромных сумки на колесиках. Улыбаюсь про себя: они набиты куртками и свитерами, которые нам не понадобятся... Это называется «французы поехали на север».

Улица Мезоннеф. Английская часть города. Гостиница, где мы остановились, оказалась удобной и современной. Отель Мануар-Лемуан у подножия горы Монт-Руаяль, — что ж, теперь будем жить здесь. Обессиленные дети плюхаются в джакузи. Мне особенно не придется расслабляться, завтра уже нужно быть в Университете.

Никогда не слышал о дислексии

С Маризой Лассонд я познакомился на конгрессе в Биаррице: эта красивая блондинка — специалист в области нейропсихиатрии, ученый с мировым именем. Она отнеслась ко мне на редкость доброжелательно. Я в тот момент занимался детьми, страдающими эпилепсией, и меня заботили вопросы их способностей, обучаемости, отношения к собственному заболеванию и предрасположенности к депрессии или тревожности.

Помимо того, что Мариза Лассонд помогла мне в моем исследовании, она еще и познакомила меня с крупнейшими специалистами по проблемам обучения. Я тогда и не подозревал, какое влияние окажет эта встреча на мою последующую профессиональную деятельность.

Больше десяти лет я проработал детским психиатром, но для меня стало потрясающим открытием, что целая область в изучении детского развития совершенно замалчивается нашими французскими учеными! Я никогда не слышал ни о дислексии, ни о дисфазии, ни о дефиците внимания — ни во время учебы в медицинском университете, ни, хуже того, во время практики в области общей психиатрии и затем детской психиатрии!

Каждое утро в Квебеке подносит мне новые сюрпризы. Я буквально наслаждаюсь... По мере того, как я узнаю новую информацию, я вспоминаю своих маленьких пациентов во Франции и их проблемы предстают предо мной в новом свете. Я и не ожидал, что это первое

путешествие станет столь познавательным и важным. Мне хотелось бы, чтобы оно никогда не кончалось...

Раскрываю глаза и уши

Франсина Люсье и Жаннина Флесса, практикующие нейропсихологии, обе написавшие по несколько книг по своей специальности, разрешают мне присутствовать на нейропсихологическом обследовании. Я вижу, как используют результаты теста на IQ со всеми подробностями, и особенно как их интерпретируют. Мало помалу я наконец понимаю, как происходит процесс психо-интеллектуального развития ребенка. Паззл складывается. Гениально!

Но как не просто, оказывается, в моем возрасте вновь стать студентом! Трястись утром в метро с бутербродами в рюкзаке. Экономить каждый доллар — стипендия невелика. Напрягаться, чтобы понять лекции англоязычных преподавателей. Наблюдать, не имея возможности лечить. И не забывать, что хоть все и гостеприимны донельзя, я всего лишь иностранец, принятый на учебу.

Ставки высоки, зато результат бесценен. Новые друзья знакомят меня с технологиями исследования, принятыми в Канаде, которые были переведены и утверждены во Франции. Я понимаю, что лечению «нестабильных» детей должно предшествовать подробное исследование их поведения в разнообразных ситуациях. Мне становится ясно, насколько шкалы Коннерса и Ахенбаха²⁹ представляют собой эффективные и простые методы — как обидно, что во Франции их совсем не использовали в то время! Я, вернувшись во Францию, приложил тогда много усилий, чтобы распространить эти методы среди врачей. Сейчас, десять лет спустя, никто уже не представляет, как без них можно было обходиться.

Постепенно я вхожу во вкус квебекского образа жизни. У них просто и спокойно. Лето очень жаркое. Преподаватели приходят на занятия в шортах, в бейсбольных кепках (когда в Лионе недавно я попытался зайти в школу, где проходила конференция для студентов-практикантов, директор попросил меня снять бейсболку: в большинстве французских школ запрещены головные уборы).

Дети прежде всего!

Объявление в вагоне метро очень характерно: «зеленый номер», по которому можно позвонить в случае любой дискриминации, идет ли речь о цвете кожи, религии, сексуальной ориентации и даже... возраста! Неудивительно, что к «проблемным» детям так относятся! Уважение к «иности». И к детям вообще. Я вспоминаю одну англоязычную тетушку, которая остановила меня на террасе кафе-мороженого:

«What he's done to you?»

Я не понял, о чем она говорит, потому что уже забыл о только что произошедшей перепалке.

«What he's done to you?»

В голосе послышалась угроза.

Я огляделся и понял, о чем она, увидев коричневую от шоколада щеку Жюльена, коричневую от размазанного шоколада, со следом моей безусловно заслуженной пощечины посередине.

Я попытался объяснить:

«I don't know, may be he disobeyed».

«Are you sure you're right? I hope it doesn't hurt him!»³⁰

²⁹ См. ниже раздел «Цели и средства оценки».

³⁰ — Что он сделал?

— Не знаю, вероятно, не слушался.

— А вы уверены, что были правы? Ему больно?

Пришлось обещать ей, что я подумаю над этим вопросом! Еще б немного, и я очутился бы в суде за жестокое обращение с детьми. Невероятно!

Наши дети записаны в англоязычную садик. У канадцев сад до шести лет. Это очень сильно отличается от французской системы. У нас в старшей группе сада уже проводится масса отборочных конкурсов в подготовительный класс. Для наиболее уязвимых это первый шаг к школьной неуспеваемости. Канадцы же не стимулируют детей так сильно. Для них главное — чтобы дети были спокойными.

Жюльен приходит в первый день, вполне довольный. «Что они там говорят, я не понимаю, но они все время играют и потом, они не называют меня Жюльен». Я пытаюсь догадаться: «Джулиан?» «Нет, нет, другое слово, Том, ты не помнишь?» Брат отвечает: «Они зовут его Be quiet»³¹. Его так часто призывали к порядку, что бедный мой малыш решил, что это его новое имя! Сейчас оно ему, кстати, по-прежнему подходит.

Приоритеты в оценке

В общем, путешествие оказалось настоящим счастьем. С понедельника по пятницу я получаю интеллектуальное наслаждение. Уик-энды тоже чудесны. Мягкие рельефы Лорентид, устье реки Сен-Лоран, стаи китов, озера на границе со штатом Мэн... Маленькие викторианские городки, которые сочетают строгую франкофонию и британский шарм. Как-то раз мы ночевали у жителя Норд Хэттли *****... Это было незабываемо.

За пять месяцев я делаю выводы из полученной информации и уроков гуманизма. Я уже никогда не смогу подходить к моим маленьким пациентам с прежними мерками. Теперь я уверен, что каждый «проблемный» ребенок нуждается в подробном и всестороннем обследовании, иначе диагноз может оказаться неточен или даже неверен.

Мне кажется, нигде больше я не встречал столько интересных людей! Прежде всего среди франкоговорящего населения. Сан Жюстен для меня — образец детской больницы. Университет в Монреале, такой огромный, гудит разными голосами, туда съезжаются студенты со всего мира. Но и англоязычные канадцы тоже произвели на меня впечатление. Монреальский неврологический институт, университет Макгилл и Монреальская детская больница — необыкновенно достойные заведения.

Короче, я все посмотрел, а хотел бы посмотреть еще больше...

А еще здесь на всем лежит отсвет истории Квебека, какой-то необыкновенный местный колорит.

«Другая» детская психиатрия

Этим летом в Квебеке готовился новый референдум о независимости. Никогда еще я не видел такого противоречивого голосования: пятьдесят процентов за, пятьдесят против. Страсти кипят, особенно на моем факультете, который был оплотом индипендантистов. Меня тоже не миновала эта лихорадка, опять же воспоминания детства, Де Голль с его «Да здравствует свободный Квебек!» вызвал тогда ожесточенные споры среди взрослых, друзей и знакомых родителей. По зрелом размышлении я решил, что позиция сторонников независимости мне ближе, чем ревнителей «суверенной Канады». Я вполне разделял их желание существовать несколько особняком, оно даже чем-то напоминало мне мое собственное положение в больнице: психиатр среди невропатологов, занимаюсь детьми среди взрослых. Развернув эту метафору, я пошел дальше в своих аналогиях. Квебек процветает, потому что пользуется достижениями англосаксов, особенно в научных областях.

Оригинальность и секрет успеха этой нации заключаются в удивительной смеси французской традиции и американской методологии. Только целиком вжившись в жизнь

³¹ «Успокойся!»

неврологической больницы и воспользовавшись ее мощной технической базой я смогу открыть и развить «другую» детскую психиатрию. Ну да, конечно, только так...

Пока не пришло время вернуться...

Когда красно-белый «Боинг-747» с клиновым листиком на борту отрывается от взлетной полосы, мне вдруг ужасно хочется назад. Бабье лето (как они говорят «индейское») окрашивает вершины Лорентид в теплые, яркие цвета. О, как мне все это близко, какое удивительное духовное и интеллектуальное родство... Это станет поворотным моментом в моей профессиональной жизни: ведь здесь я получил еще и урок терпения...

Стюардесса в красно-голубой униформе выдергивает меня из моих мечтаний: «Ваши детишки такие милые, они так хорошо объяснили мне, что им было жарко... Но не могли бы вы попросить их, чтобы они прекратили попытки открыть пожарный отсек...» Любое терпение имеет пределы!

В Лионе мне везет гораздо меньше. Я близок к разочарованию. Мои новации внушают страх. Врачи подозрительно смотрят на мои шкалы оценки, их такой подход к детям явно не устраивает. Старый Свет, что с него взять... Сейчас, десять лет спустя, все мои собраты, даже самые упорные ретрограды, признают, что я был прав.

Психологические причины: они хотели бы учиться, да не получается

Малик: «О чем это вы меня спросили?»

— Представь, что я дал тебе волшебную палочку и с ее помощью ты можешь осуществить две свои мечты. Что ты выберешь?

— Чтобы больше у меня не было забот... и чтобы я больше не тосковал так.

— А что самое лучшее, что могло бы с тобой случиться?

— Если бы я стал нормальным.

Малик выглядит очень серьезным. Вся его маленькая фигурка кажется окутана тоской. Когда он отвечает, становится понятно, что его мысли вертятся вокруг страха, одного и того же, что он не такой как все. Этот малыш из Ардеша в круглых очочках очень меня заинтриговал. Он еще вдобавок слышит голоса.

— И что говорят эти голоса?

— Всякие злые противные вещи, которые меня расстраивают.

— Ты считаешь, что они действительно существуют?

— Да нет, конечно, это-то меня и нервирует...

У Малика всегда были навязчивые идеи. В шесть лет он был одержим... крышами домов. Все, без исключения, должны были быть абсолютно ровными. И он следил пальчиком, верно ли идет линия. Затем его вниманием завладели статуэтки. А вернее, усы одной статуэтки. Они занимали все его мысли. Еще он навязчиво боялся потерять игрушку, циклился на номерных знаках.

— О чем это вы меня спросили?

Малик, кажется, только что очнулся ото сна. Вернулся с другой планеты. Я повторил вопрос:

— Если бы все мрачные и все светлые моменты твоей жизни разложить в два пакета, какой будет больше?

— Одинаковые, оба одинаковые.

Мне он кажется озабоченным. Рассеянным. Охваченным мрачными мыслями. У него нет друзей, но его это не огорчает, потому что он и не хочет их иметь. Ему трудно нарисовать рисунок, он очень отстаёт от своего возраста, образы у него неяркие, безо всякой фантазии. И почерк у него практически нечитаемый. У него богатый словарный запас, но речь невыразительная. Внешне Малик выглядит на свои одиннадцать лет. Но в классе он всех на год старше.

«Он не выдерживает школьный ритм», — рассказывает мама. «Математика ему плохо дается, но зато он пишет без ошибок и у него отличная память. Ему достаточно один раз прочесть стихотворение — и он его уже выучил».

Она еще рассказала, что Малик очень расстраивается. Он старается, но все усилия напрасны. Он по характеру одиночка, но, надо сказать, никто и не ищет его дружбы. И это тоже его ранит. А все из-за репутации, которая у него уже сложилась. В деревне-то оно как — все друг друга знают: «А вы слышали, этот мальчик на переменках делается буквально невменяемым! Он вдруг впадает ярость, и другие убегают от него, они его боятся».

Она и сама дома боится таких приступов. «Он вдруг начинает носиться, как безумный, дерзит, переходит все границы. Он сказал своей няне, что ее пора прогнать». Раннее начало отрочества? Ей тоже так иногда кажется. Но вряд ли... Малик всегда был не такой, как все, необщительный и рассеянный, весь в своих мыслях, как будто он посторонний, зритель в этом мире. Она спрашивает, не нужно ли ей пореже работать, чтобы больше им заниматься... Видно, что ей тоже плохо. Нервная, измученная.

Что-то где-то запрятано

Малик показался мне задумчивым и несчастным. Он никогда не улыбается. Похоже, его жизнь — сплошной кошмар. И эти навязчивые идеи... ох, не нравятся они мне. Потому что в прошлом году, когда я увидел его в первый раз, он уже показался мне тревожным и озабоченным. Я предложил показать его психологу в Медико-Психологическом центре, который есть в их деревне: может быть, тот определит, что с мальчиком. Возможно, это проблемы временные, проходящие. Но они способны в конце концов привести к появлению навязчивых состояний (НС³²), то есть созданию ряда маний, которые ребенок сам безотчетно создает себе, чтобы успокоить свою тоску. Это надо обязательно лечить.

Он без проволочек отправляется к психологу. И, по маминым словам, безрезультатно. «Доктор пыталась и так, и сак к нему подойти, но он от всего отказывался и даже не хотел рисовать. И сейчас его голова занята теми же мыслями. Может, они стали не такими навязчивыми. Но он не менее грустен. В школе дела тоже не стали лучше, хотя к нему там относятся с пониманием. И еще его спасает великолепная память. В общем, что-то мы упускаем, меня очень расстроил результат встречи с психиатром».

Я предлагаю взять Малика на неделю в стационар. Мать согласна, поскольку она начинает уже не на шутку беспокоиться: «Он так не похож на младшего братика... И нас огорчает его стремление уединиться, даже дома». У меня тоже много нерешенных вопросов, я считаю, что страхи Малика уже стали очень серьезной проблемой.

Я поднимаю его историю болезни. В шесть лет он был у психиатра. Ему назначили медикаментозное лечение и сеансы психотерапии, доктор обнаружил повышенную тревожность, страх перед жизнью. С возрастом симптомы несколько сгладились. Родители много занимаются мальчиком. Лечение, которое им было не по сердцу, они прекратили. Родился малыш, они решили, что все наладится. Малик — «сложный» ребенок, но они привыкли к нему, приспособились, так что нечего делать из этого болезнь... они постараются не усугублять его проблем.

... Особенно в школе

Но в школе дела по-прежнему кое-как. Именно в этот момент лечащий врач Малика звонит мне и просит посмотреть Малика: «Хотя дома обстановка и нормализовалась, в школе у мальчика большие сложности». Ему не только трудно учиться, он еще и безобразно ведет себя, дерется с ребятами или сидит один в углу. И его поведение остается странным. Заучивание одних и тех же комиксов, повторяющиеся жесты, страсть все контролировать.

³² НС, или навязчивые состояния: навязчивые идеи, осаждающие мозг ребенка, которые он часто старается успокоить с помощью более или менее странных ритуалов (см. глоссарий).

Мама пытается объяснить: «Знаете, доктор, у нас с ним очень мощная внутренняя связь, когда мне плохо, и ему плохо».

Я говорю ей, что она ни в чем не виновата. Что все гораздо сложнее, чем она думает. Может быть, она слишком опекала его, потому что с самого начала распознала его тревожность... Что нужно время. Проблема ее сына явно психического порядка, и определить происхождение такого расстройства всегда непросто. Будем искать, когда мы поймем причину, мы сможем помочь Малику. Сможем вывести его из школьного «тупика».

Приемы для умирения тоски

Пребывание Малика в отделении начинается с конфликта. Серьезного конфликта. Он заявляет, что уйдет. Все считают его ужасно нервным. Он по любому поводу впадает в ярость, краснеет как рак и машет кулаками. Он к тому же производит множество странных звуков и движений: трогает ноги, очки, плитку на стенах, и так раз по десять подряд. Когда я спрашиваю, что его заботит и о чем он мечтает, он отвечает: «Чтобы гнев улетучился из моей головы, чтобы дурацкие мысли оставили меня в покое».

Потом постепенно он отходит и начинает удивлять весь персонал. Он становится вполне милым, идет на компромисс, меньше ссорится с детьми. Это доказывает, что знакомая обстановка становится для него менее враждебной. Другой характерный признак: Малик умен и сам находит для себя приемы для умирения тоски, он неистово листает комиксы в моменты, когда на него «находит». С книжкой он не расстанется ни на минуту, постоянно носит ее под мышкой.

Я очень рассчитывал, что «личностные тесты» помогут мне определить причину проблем Малика. Особенно мне интересно, как он расскажет историю про Черную Лапку. Но в целом результаты тестов оказываются не особенно информативны. Они подтверждают сложную психическую деятельность, организованную по собственным правилам, поддерживаемую разнообразными ритуалами и запертую на амбарный замок. Его комментарии оказываются бедными, лаконичными, лишенными фантазии. Он отвечает безо всякого энтузиазма. И при этом всячески избегает ситуаций, специально предназначенных, чтобы выявить тревожность (когда Черная Лапка потерялся или ему что-то угрожает). «Мне это ни о чем не говорит, никаких мыслей на эту тему»... а сам в это время пять раз подряд соединяет указательные пальцы! Самый настоящий синдром НС, сам себе выставяющий диагноз. Привычный бессознательный ритуал выдает его: образы, которые ему предлагает врач, пробуждают невероятную тревожность, которая постоянно живет в нем. И эта форма неосознанного признания сама при этом его огорчает.

Психолог пишет в заключении: «Страх одиночества, навязчивые мрачные мысли... но при этом постоянное желание контролировать ситуацию и невозможность при этом справиться с эмоциями».

Еще более глубокое расстройство

Когда к Малику приходит мама, я ей подробно рассказываю о ходе обследования и о выводах, сделанных с участием всей команды. У него действительно НС, причем давно, и одержимость номерными знаками или буквами алфавита были его первыми признаками. Мы это предполагали с самого начала, но сейчас можем сказать точно. Эти проявления — лишь внешняя оболочка, скрывающие более глубокое недомогание. Постоянная всеобъемлющая тревожность, происхождение которой неизвестно. Может быть даже, она врожденная... Но наверняка можно сказать одно — он всеми силами старается ее скрыть. Ни в коем случае не дать ей выплеснуться. Малик изматывает себя, ожесточенно сражаясь со страхами, устанавливая раз за разом свои незримые барьеры. Ему просто не остается места в голове, чтобы думать и учиться. И горе тем, кто помешает ему осуществить спасительные ритуалы. Мальчик вспыхивает гневом — как представляется окружающим, беспричинным.

Его мании — личный своеобразный способ выключить фильм ужасов, прокручивающийся в его сознании, реакция на навязчивые идеи. Эти ритуалы отнимают

ужасно много времени. Пока Малик успокаивает себя своими историями, достучаться до его мозга невозможно. Он герметично закрыт от внешних раздражителей. Все, что происходит вокруг, особенно в школе, мальчика не касается. Его мысли не впускают новых знаний. Место занято. Надо как-то разрушить этот порочный круг.

Успокоенные родители способны успокоить

Малика надо научить жить и действовать так же, как другие люди. Отправной точкой будет отсутствие раздражителей в окружающей обстановке. Родители, уж коли они обрели надежду, сами должны успокоиться. Надо помочь ему постепенно выйти из изоляции: приглашать в дом ребят, отдать Малика в спортивную секцию. В школе нужно договориться с преподавателями о том, чтобы они спокойнее и мягче относились к мальчику и не раздражались на некоторые его ритуалы. Заключить с ними союз и попросить составить некоторый педагогический проект для координации действий всех преподавателей. Я тоже приму в этом участие.

При этом без медикаментозного лечения не обойтись. Я предлагаю новый препарат, эффективность которого для уменьшения ритуализации была доказана. В малых дозах он еще и помогает справиться с депрессивным состоянием и тревожностью. И утихомирить навязчивые мысли, которые одолевают ребенка. Тогда уменьшатся и его страхи, а разобраться в них поможет психолог, которого я ему рекомендую: «Лекарство уменьшит навязчивые идеи, но ты должен выпустить их из головы, как пар из скороварки!»

Мама обещает позвонить через неделю, рассказать, как дела и как действует лекарство. Я еще пишу письмо лечащему врачу мальчика, чтобы держать его в курсе дела.

Наступает затишье

Звонок меня обнадеживает. Чуда не произошло, но Малик часто рассказывает о больнице и явно стал более раскован. Но мама пока еще настороже. Ну, хотя бы она видит, что лекарство мало-помалу действует. Мальчик хорошо его переносит, она согласна продолжать лечение. Подведем итоги через полгода. А пока я займусь школой.

Спустя шесть месяцев Малик, как и было договорено, появляется в отделении для двухдневного обследования. Родители довольны: «Перемена очень заметна, дома буквально настала другая жизнь!» Малик и вправду чувствует себя лучше, тревожность стала меньше, он чувствует себя уверенней, слабее симптомы НС. Договор со школой в силе. Учителя в целом довольны: его уровень знаний стал выше. Он стал послушней, несколько впрочем замедлен, зато стал более общительным. Последний раз, когда его толкнула одноклассница, он страшно разозлился, но сумел сдержаться. Крепко сжал кулаки и не ударил ее. Он начал заниматься дзюдо, ходит туда вместе с соседским мальчиком.

В медицинском заключении было отмечено улучшение состояния. Малик стал менее импульсивным и нервным, более открытым. Его рисунки перестали быть такими мрачными и тусклыми, даже почерк стал лучше. Но мне все равно он показался грустным, хотя он сам признался, что «идиотские мысли уже появляются в два раза реже». Я спросил, что бы он хотел изменить в жизни, и он сказал: «Я хотел бы, чтобы забот было поменьше». По-прежнему у него остаются его ритуалы и повторяющиеся жесты, по-прежнему он не следит за своей речью. К тому же некоторые навязчивые идеи его еще не совсем оставили: «Я пока еще не совсем такой, как все. Я делаю всякие штуки, которые они никогда не делают, я не могу с этим совладать... Но сейчас мне удастся это скрывать, потому что эти штуки стали слабее... Как вы думаете, они могут совсем исчезнуть?»

Тем не менее прогресс налицо: Малик реалистично оценивает действительность и свое состояние, учится контролировать эмоции. Что касается голосов, которые его преследовали: «Я их больше не слышу... да их никогда и не существовало по-настоящему. А я считал, что я чокнутый, сумасшедший!»

Мальчик стал отлично ладить с младшим братиком, привязался к нему. Я убедился, что поддержка, оказанная всей семьей, приносит свои плоды. И родители это подтверждают:

«Мы очень сблизились, особенно когда заметили, что сын пошел на поправку!» Мне кажется, они способны помогать ему и дальше: он очень в этом нуждается, несмотря на явный прогресс и на позитивное в целом медицинское заключение, которое мы вынесли в итоге. Поскольку мы увидимся только через год, я задаю один из моих излюбленных вопросов, они очень явно показывают, насколько удалось продвинуться в лечении:

— Как вы считаете, какая сейчас самая серьезная проблема Малика?

— Он все еще неуверен в себе. Он легко разочаровывается, и его школьные оценки пока не соответствуют его способностям и знаниям.

— Ему приходится переучиваться, чтобы жить в реальной действительности. Но его заботы теперь напоминают заботы его сверстников — это уже не тот кошмар, в котором он жил полгода назад.

Надо двигаться в намеченном направлении. Не следует пока прекращать лечение, это было бы преждевременно. Нужно опять показаться психологу: она будет приятно удивлена новыми способностями Малика: он стал гораздо ярче проявлять свои эмоции. Что позволит ей наконец начать с ним настоящую психотерапевтическую работу. Мы назначаем встречу через год. Малик хорошо начал, но его еще надо контролировать, нельзя оставлять его на произвол судьбы. Как многим из моих маленьких пациентов, ему нужна помощь, чтобы он стал тем, кем мечтает стать: отважным победителем «внутренних врагов»³³, свободным и раскрепощенным человеком. Короче, «таким, как все».

НС, дети с навязчивыми состояниями, маленькие хранители секретов

Он постоянно боится что-нибудь забыть. По дороге в школу он несколько раз открывает портфель, чтобы проверить, все ли вещи на месте. Про этого мальчика говорят, что у него «мании». На деле он скорее всего страдает от НС, навязчивых состояний преследования, которые проявляется в мрачных и неадекватных мыслях по поводу реальности и постоянном повторении одних и тех же произвольных действий. В наименее тяжелых случаях эти несуразные невольные жесты ребенок совершает только в кругу близких. Но при неправильных диагностике и лечении навязчивые идеи и сопутствующие им ритуалы могут стать интенсивнее. Могут вызвать острое ощущение надвигающейся беды, болезненно отразиться на школьной и социальной жизни ребенка. Они могут спровоцировать серьезную задержку психического развития.

Наиболее распространенные навязчивые состояния связаны с маниакальной чистоплотностью или страхом подхватить болезнь. Ребенок тогда начинает мыть руки везде, где только замечает умывальный. Вплоть до того, что получает раздражение кожи или дерматит. Полотенце, которым он вытирает руки, должно быть безукоризненно чистым. Он сам его регулярно меняет.

Страсть к порядку и симметрии

В его комнате все вещи лежат строго на своих местах, никто не имеет права их сдвинуть. Вечером ему необходимо проверить, все ли в идеальном порядке, прежде чем отправиться спать. И несколько раз встает, чтобы осуществить последний контрольный осмотр, без этого ему не заснуть.

Что касается повторяющихся действий, он совершает их, как молитву, чтобы предотвратить беду, которой он боится. Он считает ступеньки по дороге в школу. Если их число кратно пяти, его не спросят. Если нет, учительница вызовет именно его и он непременно получит ноль. И эту маленькую хитрость он повторяет несколько раз: для «да» и для «нет». Даже если он наизусть помнит, сколько ступенек в каждом пролете. Он бросает себе вызов: не ошибусь ли я в счете.

³³ Жан Коттро «Внутренние враги: наваждение и преследование».

Естественно, он не кричит об этом на каждом углу. Кому доверить секрет непонятных маленьких маний, которые ему самому-то кажутся смешными? Ну уж конечно, не одноклассникам, которые поднимут его на смех. И не родителям, которые ему не поверят. Скажут только, что надо учить уроки. Нет, никто его не поймет.

В чем суть проблемы

Именно в этом самая серьезная проблема НС. Как его определить, если оно внешне не заметно? Свои «странности» ребенок держит в секрете, не осмеливается говорить о них вслух и всячески маскирует. Навязчивые идеи тиранят ребенка и овладевают всем его существом, а он даже не отдает себе в этом отчет. Механизм маний коварен: они беспощадно терзают добычу, возобновляясь сами собой. Это не может не отразиться на поведении. Неудивительно, что ребенок возбуждается и даже становится агрессивным. И вдобавок необучаемым. НС являются серьезным препятствием для адаптации ребенка к школе. Дети теряют время — и потеря времени порождает новые мании. На все «ритуалы» уходит не менее часа в день.

Десятилетнего Кевина родители привели ко мне, поскольку у него резко упала успеваемость. Кевин перешел в среднюю школу, он всегда был блестящим учеником. До этого Рождества. Когда он вернулся с каникул, произошла катастрофа: оценки за второй триместр были просто ужасны. «Что случилось?» Провал по всем предметам, притом что дома он продолжает заниматься как прежде.

Озабоченный вид мальчика натолкнул меня на мысль о навязчивых идеях. Я спросил его. «О! Откуда вы узнали?» Ему полегчало: кто-то воспринимает его всерьез. И он рассказал мне, что недавно поцеловал одноклассницу в щеку, и теперь боится, что подхватил СПИД. Причем девочка постоянно ищет его взгляда, и это укрепляет его подозрения. Навязчивая мысль тащит за собой тоску. Единственное средство: последовательно посмотреть в каждый угол класса, повторяя: «Это все чепуха... Это все чепуха...» И горе ему, если в этот момент преподаватель прервет его вопросом: «Кевин, что ты там ищешь на потолке?» Потому что потом-то ритуал нужно начать с самого начала! Таким образом на каждом уроке Кевин пропускает первые четверть часа.

Нужно заметить, что большинство детей по мере развития прибегают к разнообразным совершенно анекдотическим ритуалам — и это совершенно нормально. Чего стоит священнейший ритуал засыпания: тапочки сложены возле кровати, подушка лежит совершенно определенным образом, стакан водички, призыв родителей, чтобы унести стакан и так далее. Это обычные схемы поведения, призванные избавить их от детских страхов: таящихся под кроватью монстров, темноты... К семи-восемью годам все бесследно проходит.

Он не решается никому рассказать

Когда же навязчивые идеи становятся патологией, они не проходят, а наоборот, множатся и усиливаются. И начинают серьезно портить жизнь. Они усложняются, обрастают деталями, мучают и угнетают ребенка, который не знает другого способа с ними бороться, кроме своих абсурдных ритуалов. Самое неприятное, что при этом ребенок сознает, что он смешон, но ничего не может с этим поделать. И к тому же никому не решается рассказать. Долго эти ритуалы остаются в секрете, но некоторые можно легко определить: постоянное мытье рук, болезненное пристрастие к порядку, неустанные проверки. Значит, болезнь прогрессирует. Она проявляется уже постоянно и регулярно, и ребенок проявляет невероятное воображение, изошряясь в изобретении новых защитных приемов. Одно цепляется за другое.

Врачи не признают

Раньше диагноз НС ставили только взрослым. Современные эпидемиологи доказали, что этим страдают 2–3 процента детей и подростков. Несмотря на эти данные, большинство детских врачей не признают существования такого заболевания у детей. Поэтому

большинство случаев бывает обнаружено с запозданием. В среднем симптомы появляются обычно лет в семь и мешают обучению в начальной школе. Тот факт, что дети замалчивают свои проблемы и их мании часто неочевидны, еще более осложняет диагностику.

Чтобы помочь ребенку избавиться от наваждения, надо правильно расспросить его. Это не просто, но наш опыт доказывает эффективность простых и недвусмысленных вопросов:

— Часто ли тебе случается думать о вещах совершенно абсурдных или настолько глупых, что ты не решаешься о них ни с кем говорить?

— Не чувствуешь ли ты, что ты обязан несколько раз подряд сделать одну и ту же вещь, что-то проверить, сложить, пересчитать или помыться, чтобы прогнать неприятные мысли и образы? И делается ли тебе после этого легче?

Удивительно, но когда детям наконец удастся поговорить о своих проблемах и они чувствуют, что кто-то способен их понять — они на пути к исцелению. Ребенок перестает чувствовать себя абсолютно одиноким, наделенным странным «пороком», о котором никто не догадывается. Он освобождается от тяжелого груза тайны. И если семья способна на понимание и помощь, его шансы на выздоровление велики.

Первые признаки

Но, прежде всего, как рождается подозрение? Родители замечают, что ребенок слишком долго одевается и бесконечно плещется в ванной, по много раз проверяет, взял ли он все учебники, бережно хранит несколько совершенно ненужных и странных вещей. Тут можно слегка забеспокоиться. Но без паники — на этом все может и закончиться. Достаточно с глазу на глаз выяснить с ним несколько вопросов. По сути дела, ребенку надо самому высказать, что же его мучит, и это признание будет стоить ему больших усилий. Доктор в этот момент должен быть преисполнен сочувствия и понимания, чтобы облегчить маленькому пациенту его задачу. Эта беседа станет решающей. Тут уже и можно ставить предварительный диагноз. Дальше — разнообразные тесты, специально разработанные вопросники, которые проясняют ситуацию. Их преимущество в том, что с их помощью можно классифицировать мании и определить степень их тяжести.

Необходимы и другие исследования, предназначенные, чтобы выявить «попутные» расстройства. Наваждения редко ходят в одиночку. Как правило они осложнены другими проблемами. Детальный анализ хронологии появления этих проблем позволит понять связи между ними и навязчивыми состояниями ребенка. Например, страх разлуки с доминированием страха перед аварией, в которую может попасть один из родителей, по своим проявлениям трудно отличить от навязчивой идеи.

Терапевтическая стратегия

Как только у ребенка определили специфические нарушения в форме НС, можно уже применять определенную терапевтическую стратегию, которая стала теперь весьма успешной благодаря многочисленным научным исследованиям последних лет. Она включает в себя три составляющие, а стержневым элементом всей конструкции должен быть лечащий врач. Его задача — не только определить заболевание и поставить диагноз, но и правильно организовать лечение. Причем не только для ребенка, а еще и для родителей: так вдруг ни с того ни с сего люди не потащат свое чадо к психиатру. Кстати, своевременность помощи, которую может получить ребенок, во многом зависит от того, насколько внимателен к нему педиатр или школьный врач.

Вместе с родителями...

Помощь, которую получают родители, станет фундаментом, на котором будет строиться все лечение. Доказано, что их роль в развитии болезни и соответственно ее лечении огромна, успех на пятьдесят процентов зависит от них. Именно поэтому семьи надо поддерживать и направлять, чтобы они заняли правильную позицию по отношению к странным маниям ребенка, чтобы не впадали ни в жесткое неприятие, ни в чрезмерное потакание. Существуют

также ассоциации родителей, которые способны оказать существенную поддержку. В самых тяжелых случаях, когда мании ребенка выходят за пределы семейной жизни, школа тоже должна быть в курсе проблем ребенка и со своей стороны оказывать помощь. Необходимо разработать индивидуальный подход к такому школьнику, способный облегчить ему адаптацию к школе.

С помощью лекарства...

Вторая составляющая — медикаментозное лечение. Есть медицинское заключение по поводу лекарства новой формулы, действующий компонент которого отвечает за передачу серотонина, вещества, недостаток которого в мозге вызывает появление навязчивых состояний. Длительность лечения меняется в зависимости от тяжести заболевания. Но опыт показывает, что поскольку есть опасность рецидива, принимать его следует никак не меньше 9-12 месяцев.

...и психотерапевта

И наконец, следует разработать психотерапевтический план, учитывающий специфику ребенка. Осуществлять работу должны психотерапевты, прошедшие специальную подготовку, способные помочь ребенку изменить его модели поведения и образ мыслей. Эффективность «когнитивно-поведенческого» метода в случаях с навязчивыми состояниями была неоднократно доказана. Курс длится от трех до шести месяцев. Метод основан на так называемой «экспозиции с предупреждением ответа». Эта техника освобождения психики от стереотипов состоит в том, что ребенка постепенно и последовательно помещают в жизненную ситуацию, способную вызвать состояние тревоги, требуя при этом, чтобы он сопротивлялся своим автоматическим реакциям и тактике ухода от реальности. Результаты оказываются впечатляющими: ребенок приобретает привычку регулировать свои импульсивные реакции. Эта терапия может сопровождаться «заданиями на дом», которые ребенок сможет выполнять под присмотром родителей. Методика эта, практическая и интерактивная, имеет то преимущество, что нравится большинству детей, они активно начинают участвовать. Конечно, с ее помощью нельзя полностью искоренить навязчивые идеи и состояния, но можно ограничить их проявления, научить ребенка справляться с тревогой и контролировать процесс ритуализации, поскольку он сам поймет преимущества «правильных» реакций и действий.

Чтобы объяснить причину происхождения НС, за последние двадцать лет было проведено множество нейробиологических исследований. Предположительно это расстройство могут вызывать несколько факторов: дефицит серотонина, функциональная гиперактивность коры головного мозга, генетическая предрасположенность. Но тем не менее даже в результате их воздействия болезнь не сможет развиваться без необходимых предпосылок в окружающей ребенка среде. Именно окружение «запускает» болезнь и потом влияет на ее ход.

В тщетных поисках Виржинии

«В начале года все было хорошо: девочка прекрасно работала, участвовала в жизни класса. Но потом Виржиния внезапно утратила мотивацию. Она не может сосредоточиться, начинает работу и не может ее завершить. Просто сидит на месте и смотрит на других детей. Как будто ее заклинило».

Это письмо — от учительницы Виржинии. Девочке 6 с половиной лет, она учится в подготовительном классе.

Потом девочка приходит с мамой, я вижу их второй раз. Но на этот раз дела хуже некуда. Вирджиния больше ничего не делает на уроках. Учительница оставляет ее доделывать работу на переменах. Ее результаты ужасающи. А дома с ней просто беда. Она стала непредсказуема. То она скучная и вялая, то вдруг начинает перечить и скандалить.

Иногда просто превращается в фурию. «Недавно она бросила мне в голову табуретку», — жалуется мать.

Внешность обманчива

В прошлом году они пришли ко мне с мамой в первый раз, у Виржинии были проблемы со сном. Невозможно было загнать ее в постель. Она сопротивлялась даже самой мысли об укладывании. Сон казался ей наказанием, она могла проснуться шесть раз за ночь. И слово «нет» стало ее любимым в разговорах с матерью.

В тот момент я посоветовал Виржинии обратиться к психологу. Она была веселой и живой девочкой, ела с аппетитом, с удовольствием ходила в школу, у нее была куча друзей и подружек. Но она не слушалась. Ей в первую очередь надо было почувствовать родительскую «твердую руку». Ничего больше. Всего лишь вопрос воспитания. Виржиния жила с матерью и сестрой, без отца.

Но внешность оказалась обманчива. В Виржинии гнезился более серьезный недуг. К тому же, встреча с психологом не удалась. Его позиция загубила на корню весь проект. Он заявил, что ничего не сможет сделать, пока не увидится с отцом Виржинии. Как же! Она последний раз видела его в годик.

Я читаю дальше письмо учительницы: «Что касается отношений с одноклассниками, у Виржинии только одна подруга, и ту она, как мне представляется, использует: она не стесняется просить ее понести свой портфель. А на мои замечания она не реагирует».

Да все ... кроме работы!

Виржиния — кокетливая и смешливая девчушка, белокурая, с очень светлыми прозрачными глазами и веснушками, которые ей очень идут: эдакая маленькая прелестная шалунья. С глазу на глаз со мной она показалась мне гораздо спокойнее, чем в присутствии своей мамы. Я спросил ее, что ей нравится в школе. «Да все... кроме работы!» Спросил, что ее заботит. «В школе я все время разговариваю без остановки, а дома заставляю маму сердиться и кричать на меня». Мне по-прежнему кажется, что девочку дома надо бы держать постороже. Но разница между ее безоблачным спокойствием во время нашего разговора и рассказом учительницы меня настораживает. Я добавляю в карту запись: «Напускной оптимизм?» Надо проверить.

Ввиду беспокойства матери и паники, охватившей учительницу, я решаю оставить Виржинию на четыре дня в нашем отделении. Ее, похоже, это радует. Мама согласна на обследование, но только на один день. На ночь Виржиния должна вернуться домой. Виржиния протестует. Ей хочется спать в больнице. Это вполне нормально.

В итоге вечером Виржиния остается у нас. И отказывается увидеться с матерью. Во время пребывания в отделении она постепенно успокаивается, привыкает. В первый день она показалась всем рассеянной и взбалмошной, на второй день стала серьезной и даже вроде бы чем-то озабоченной. Но больше всего нас удивили ее реакции во время игр. Она совершенно не уверена в себе, очень боится ошибиться и постоянно повторяет: «Вот я тупая...» У нее все время что-то болит и она то и дело зовет медсестер по этому поводу. Но зато мы совершенно не видим в ней желания спорить, противостояния взрослым, о которых говорила мать. С детьми она скорее ладит, хотя и весьма избирательно подходит к выбору друзей. Учителей в «больничной школе» удивляет ее манера «обходить препятствия»: иногда даже на простые вопросы и задания она отвечает: «Я не знаю, я не умею это делать».

А между тем ее IQ вполне нормален, правда, есть слабые места: плохо ориентируется в пространстве, чересчур импульсивна, у нее не хватает стратегии в решениях. Личностные тесты несколько проясняют картину: мы начали понимать причину отставания в школе и плохого поведения. В тесте «Черная лапка» Виржиния выводит на сцену довольно грустного персонажа, который постоянно боится, что его бросят. «Он найдет свою маму! Скажите мне, он точно ее найдет?» В других тестах она придумывает усталого и несчастного героя, отвергнутого всеми: «Потому что он плохой и злой. Но он не знает, что же предпринять,

чтобы изменить ситуацию». В общем, несчастный персонаж, который вынужден паясничать, чтобы обратить на себя внимание. При этом у нее оказываются достаточно крепкие привязки к реальности, хотя и несколько трагическое мировоззрение. Все это вполне объясняло «напускной оптимизм», явно эта тактика стала для нее привычной. Все органические исследования: обследование невропатолога, электроэнцефалограмма оказались абсолютно нормальными, что только укрепило нас в нашей гипотезе.

Скрытая депрессия

В день выписки я увиделся с матерью Виржинии и рассказал ей об итогах, полученных за четыре дня. «В целом хорошее поведение. С точки зрения личности нарушений нет. Личность девочки постепенно формируется. Что касается способностей, они вполне достаточны, чтобы она могла прилично учиться. Проблема — ее настроение. Виржиния страдает „скрытой депрессией“. Это не видно на первый взгляд, но у нее очень угнетенное состояние».

Мама была удивлена: «Видели бы вы, как она на меня кидается, вы бы не говорили о депрессии!» Я объяснил ей, что детская депрессия встречается гораздо чаще, чем это принято считать. Она часто проходит незаметно, потому что проявляется вовсе не так, как родители представляют себе, имея какое-то представление об этом заболевании у взрослых. А с Виржинией вообще случай непростой: депрессия надела целых две маски. Она скрывается за подлинными — но очень слабыми — психомоторными проблемами (особенно избыточной импульсивностью), усиливая их до невыносимости. А в школе она занимает все мысли Виржинии и не дает ей проявить свои способности. Мама заинтересовалась, она хочет понять, не ее ли это ошибка, и спрашивает, не была ли она слишком строгой с Виржинией: «Мне говорят, что я слишком требовательна. Но когда Виржиния заранее говорит, что у нее что-то не получится, даже не попробовав сделать это, я выхожу из себя. Что же делать?»

Прежде всего доброжелательная твердость

Чтобы помочь, все окружающие должны понять, почему девочка так себя ведет. И смириться с мыслью, что прежде всего им следует бороться с охватившими Виржинию печалью и тоской. Значит, надо ее приободрить и успокоить. Поговорить о ней самой, о том, что она может, о том, что всем она небезразлична, что о ней думают и беспокоятся. О будущем, которое ее ждет. Не преувеличивать важность ее школьных неудач, с похвалой оценивать те вещи, которые у нее хорошо получаются. Возможно, даже предложить ей какие-то новые дела, которые ее заинтересуют и будут стимулировать ее желание повзрослеть.

Затем нужно предложить ей рассказать обо всем, что ее заботит, воспользовавшись помощью тонкого и понимающего психотерапевта, который сможет вызвать ее на откровенность. Она должна своими словами проговорить все неприятные, ранящие ее мысли. Но прежде всего нужно вернуть ее в нормальную жизнь маленькой девочки. Потому что Виржиния более других детей нуждается в заботе и внимании. Многие дети (и это нормально) испытывают своих близких, проверяя, способны ли те защитить их. Но у нее ставка слишком высока. Депрессия делает ее уязвимой, значит, ей нужно больше защиты и заботы. Она доводит мать до крайности. Она ждет слов «сейчас ты у меня получишь!» А если такая угроза не последует, ее охватывает тревога. Она начинает бояться, что в случае беды мама окажется не на высоте: «А если мне понадобится ее помощь, сможет ли она быть достаточно сильной?»

Депрессия у матери может вызвать депрессию ребенка

Все дети так устроены. И родители должны оставаться родителями.

Но в случае Виржинии сама ее мать совершенно очевидно угнетена, измучена и беспокойна, так что они вступают в заколдованный круг: депрессия матери провоцирует депрессию ребенка. Ребенку необходимо постоянно проверять, в порядке ли мать. И он

неловко, неуклюже провоцирует ее, выясняя ее реакцию. И ночью эти вопросы тоже мучают ребенка, он держит в голове настроение человека, который ее укладывал. Образ печальной мамы — гарантия того, что ребенок проснется несколько раз за ночь. Нужно увидеть ее и проверить, в каком она состоянии.

Плохой сон в конце концов отражается на успеваемости. Все осложняется еще и бесконечными проверками душевного состояния матери, неуверенностью в завтрашнем дне и массой разнообразных забот. И постепенно все психическое пространство ребенка оказывается охваченным грустью и тревогой. Тут уже приходит время плохим оценкам и проблемам в школе — это практически неизбежно. И при этом необъяснимо: способности-то у ребенка вполне приличные! Вирджиния постепенно тонет, словно ее засасывает зыбучий песок. А ее неловкие и беспорядочные попытки освободиться погружают ее еще больше. Ее вопрос, который она не может высказать и которого никто не слышит, по сути дела мольба о помощи. Она ищет спасения — и не находит.

Депрессия: «Ну не в таком же возрасте!»

А вот история Арно, восемь лет, второклассник. Он плохо учится, ничего не запоминает. На День Всех Святых учительница вызывает маму в школу: «Если все будет продолжаться в таком духе, мы оставим его на второй год». Катастрофа, Арно наказан, «ты у меня научишься работать!», дома его замучили нотациями. Прошло некоторое время, оценки оставались плохими, но учительница молчала. В конце года мама решила пойти поговорить с ней:

- Ну что, Арно остается на второй год, судя по его отметкам!?
- Нет-нет, его переведут, не беспокойтесь.
- Ах вот как... Но я думала...
- Ну, в связи с обстоятельствами... Я подумала, что лучше его не тревожить...
- Какими обстоятельствами?
- Ну, он рассказал мне про вашего мужа...
- ...?
- Да, он мне все рассказал про тюрьму... что он там уже два года...

Арно эта выдумка нужна была по двум причинам: во первых, он получил возможность оправдать свою неуспеваемость, во-вторых, получил самооправдание своей депрессии. Невероятных размеров ложью он урегулировал отношения со школой, а снисходительное отношение учительницы успокаивало его депрессию. И потом, он сумел придумать себе драматическую, насыщенную жизнь вполне в духе бушевающих его черных мыслей. Очень характерно для депрессивного ребенка. Французские психиатры очень поздно заинтересовались проблемой детской депрессии, только последние двадцать лет они стали исследовать эту проблему. Первая конференция экспертов по этой теме прошла в 1995 году. Однако в других странах врачи уже давно говорят о ней. Примеры встречаются даже в литературе и кино. В произведении Жюль Ренара «Рыжик» маленький депрессивный мальчик с рыжей шевелюрой жалеет о том, что он не сирота. В фильме «Запрещенные игры» Рене Клемана (1951) девочка Полетта и ее маленький сообщник, чтобы утешиться, затеивают мрачные жуткие игры. Можно вспомнить еще и мальчика Оскара из фильма «Жестяной барабан» Фолькера Шлендорфа, который в три года перестал расти. И, конечно, Андреа из фильма «Непонятый» Луиджи Коменчини, который в одиннадцать лет пожертвовал жизнью, чтобы завоевать любовь отца.

Этих Рыжиков и Полетт сейчас все больше и больше. Но никто не хочет этого видеть. Врачи, родители, учителя — никто не верит в детскую депрессию, никто не может соединить в сознании мрачный мир депрессии и светлый мир детства. С одной стороны, черные мысли и безнадежность, с другой — беззаботность и радость. Взрослый невыносима мысль о соединении детства и депрессии. Еще и потому, что у каждого из нас свой груз воспоминаний, свой скелет в шкафу. Депрессивный ребенок рядом с тобой — трудно

представить себе такое. К тому же он погружает нас в мир воспоминаний и вытаскивает на свет божий те из них, которые нам хотелось бы забыть.

Поскольку никто не осмеливается взглянуть в глаза детской депрессии, ее недооценивают. А между тем, ей страдают пять процентов детей, от грудных младенцев до подростков, и на каждом этапе жизни выглядит по-своему. Чтобы ее разоблачить, надо сначала знать о ее существовании! Выявить ее симптомы и помешать ей вредить. Потому что если она не определена, она становится источником многочисленных страданий и несправедливостей.

Дурное настроение, которое не проходит

Депрессия определяется с ходом времени. Дурное настроение должно длиться более двух недель. И даже в этом случае рано бить тревогу. Это может быть обычная печаль. Совершенно необходимое в жизни чувство. Опыт, необходимый каждому ребенку: оно позволяет выработать стратегию для борьбы с грустью и тоской. Он потом будет пользоваться ей всю жизнь. Но сейчас детям не дают соскучиться и загрустить. Это неправильно. Начиная с пяти лет, вместо того, чтобы думать, как занять себя, они начинают тыкать пальчиком в кнопки и утешаются видеоиграми.

Настоящая депрессия вас так просто не отпустит. Она длится не менее полугода. Самое неприятное в ней — опасность рецидива: каждый второй ребенок через два года опять возвращается на те же круги ада.

Депрессия не начинается вдруг, ни с того ни с сего. Она выбирает добычу наверняка. Заранее намечает себе чувствительных, уязвимых детей, их окружение обычно нестабильно и не в состоянии как следует позаботиться о них: родители, сами подверженные депрессии или неспособные обеспечить нормальную жизнь, по причине безработицы или проблем со здоровьем. Она атакует самых чутких, из семей, в которых уже случалось что-то подобное: или дядя, покончивший жизнь самоубийством, или бабушка, уставшая от жизни. К этим «местным» факторам прибавляется еще один: чувство утраты.

Потеря провоцирует депрессию

Эта тема тоже не ускользнула от внимания кинематографистов, особенно ярко она представлена в фильме Карлоса Саура «Вскорми ворона», истории детства, лишённого корней, и распавшейся семьи. Дети как правило вырастают в привычную обстановку и не принимают перемен. Значит, если с ребенком что-то не так, нужно покопаться в памяти и припомнить, что же могло его так сильно затронуть. И не всегда это легко определить. Любимую собаку задавила машина, он поплакал, но больше не вспоминал об этом. Мы уже забыли — но только не он. Семья переехала, ребенок расстался с лучшим другом. Представьте себе, что может в этот момент твориться в голове у малыша. Он не видит его — может быть, друг умер? Потеря и горе порой ранит детей гораздо сильнее, чем мы можем предположить: «Ну вот еще прапрабабушка умерла в прошлом году, но он ее почти и не знал!» Возможно, но это же была его первая встреча со смертью! Никогда не стоит преуменьшать влияние ухода кого-то из близких для ребенка. Особенно если он об этом не говорит. Ощущение утраты очень болезненно для ребенка. Причем потеря может быть и воображаемой, виртуальной: утрата иллюзии, что родители любят друг друга...

Найти исходный повод

Основная задача в диагностике депрессии — отыскать то самое событие, которое спровоцировало, «развязало» заболевание. Но внимание, не всякая утрата влечет за собой депрессию: не следует путать горе и депрессию. Если в семье горе, скорбь после нее вполне объяснима. К ней следует отнестись с уважением, и она вовсе не требует медикаментозного лечения. Чувство утраты позволяет ребенку лучше сохранить в сердце воспоминание об утраченном человеке или вещи. Долгий процесс привыкания включает в себя отказ от привычных интересов (спорт, учеба). И этот отказ позволяет ему восстановить энергию,

ушедшую на усилия не забыть. Затем, после более или менее длительного промежутка времени «ношения траура» ребенок как бы разрешает себе чем-то вновь заинтересоваться: друзьями, уроками или развлечениями, удостоверившись, что воспоминание прочно угнездилося в нем. И все это происходит с ним совершенно безотчетно. Но если он не может выйти из состояния горя, начинается депрессия, уже требующая вмешательства докторов.

Плохо воспитан? Нет, угнетен!

Депрессию не всегда заметна. Даже у грудных младенцев³⁴ она случается, но у них слишком мало способов выразить ее. У него в распоряжении только его тело. И вот он плохо спит, мало ест, не растет, перестает гулить. Он неподвижно лежит в своей кроватке, глядя в потолок, и вообще не реагирует ни на чье появление.

Американский педиатр Т. Б. Бразелтон стоит у истоков теории «steel face», доказывающей, что грудному ребенку не нравится, когда у взрослого застывшее выражение лица. Он начинает негодовать, а потом глубоко огорчается, и это огорчение может вылиться в депрессию, если с окружением ничего не изменится. Вспомните, депрессия у взрослого всегда выражается отсутствием мимики, неяркостью выражаемых эмоций. Легко можно представить, какое неприятное ощущение у младенца бывает, когда на лице одного из родителей постоянно такое выражение.

В саду депрессивного ребенка можно определить по тому, что ему не сидится на месте. Он агрессивен, импульсивен, нестабилен, в общем, плохо воспитан. Не обязательно, он может быть угнетен. Такая же история с малышами, которые кусаются. Это вполне может быть их способ показать, что с ними не все в порядке. Значит, когда их кусают в ответ «чтобы поняли», как советуют некоторые специалисты, их плохое самочувствие усиливается. И они еще больше замыкаются в своем горе.

«То он липнет ко мне, то он хочет меня стукнуть». Если воспитательница выскажет что-нибудь подобное, самое время насторожиться. Именно подобное чередование «привязанность-противостояние» характерно для депрессии у малышей. Так же как и то, что ребенок грустен, прячется, чтобы поплакать и не хочет ходить в садик.

Настроение все ухудшается, ребенок впадает в пессимизм

Ребенок с трудом засыпает, просыпается несколько раз за ночь или очень рано утром, ест мало или наоборот начинает есть все подряд, точно у него булимия. И, еще один характерный знак, он постоянно жалуется на боль: то живот болит, то голова, вечно с ним не все в порядке. Важно увидеть, что стоит за этими постоянными недомоганиями...

Когда ребенок становится старше, симптомы депрессии становятся похожи на «взрослые». Мальчик-школьник, как взрослый, склонен недооценивать себя. Его самооценка неуклонно понижается и он близок к тому, чтобы счесть жизнь «недостойной того, чтобы ее прожить». Как только перед ним замаячит перспектива какого-то нового дела, он прячется за отговорками: «Я не умею, я не могу, у меня не получится, это слишком трудно для меня». Все высказано: ребенок одновременно объяснил, что не верит в себя и что страдает.

Со временем он, пытаясь с этим справиться, впадает в другую крайность. Начинает бунтовать — и кто знает, куда заведет его тот бунт. Он впадает в неудержимый гнев, делается неуправляемым. Естественно, он обиделся на весь свет. И чтобы выбраться наружу, он использует ложь и разнообразные выдумки, впадая в мифоманию. Вот как раз случай нашего Арно, который сочинил себе другую реальность, потому что его жизнь его не устраивала. И, конечно же, на следующем перекрестке ребенка подстерегает неуспеваемость.

Депрессивные дети как правило быстро устают, слишком озабочены, они плохо спят по ночам. Естественно, в школу они тоже ходят с неохотой. Настроение у них вечно мрачное...

³⁴ Первое описание депрессии у младенцев составил в 1946 году венгерский психиатр и психоаналитик Рене Арпад Спитц (1887–1974), изобретатель теории «госпитализма», рассматривающей поведение детей, разлученных с матерью.

Ничего не получается — что же, тем хуже, все равно я полное ничтожество.

Проблемы накапливаются...

Получается заколдованный круг: неуспеваемость вызвана депрессией, и ей сопутствуют еще некоторые факторы. Например, дислексия, с которой ребенок успешно справился в младших классах, может вновь возникнуть позже под влиянием депрессии. Это одно из свойств депрессии: она обращается к прошлому, находит старые раны и вновь берedit их.

Особенно в подростковом возрасте...

Он скучает, посылает вас подальше при каждом удобном случае... старая песня, все подростки таковы. Дома он слоняется без дела, валяется на диване, любимое слово «Скукотища», любимое выражение «Все достало...» Но нормальный подросток преобразуется вне дома, делается веселым и милым. Если он не депрессивен. В этом случае он остается таким же.

«Не нервнируйте меня!», говорит депрессивный подросток. Он то и дело чувствует себя больным, выискивая различные болезни. Он плохо спит, плохо питается. Иногда он становится булимичным или анорексичным. Иногда он уходит в себя. Но часто становится агрессивным и несдержанным. Хотя раньше таким не был. И главное, его прекращают интересовать его прежние хобби. Он бросает заниматься музыкой, спортом... Надо обратить внимание на эти признаки... это не капризы.

Случается, что девушка-подросток в депрессии может впасть в социальную фобию. Она до такой степени низко оценивает себя, что с трудом выдерживает посторонние взгляды. Она молчит и краснеет, опускает глаза, иногда она даже стесняется зайти в магазин, чтобы что-нибудь купить. Иногда у подростков депрессия проявляется в навязчивых состояниях — это последняя попытка как-то вернуть контроль над своим душевным состоянием.

Ему все надоело до чертиков, делать какие-то дела выше его сил. Его пренебрежительное отношение распространяется на весь свет, и на себя самого в первую очередь. Он топчется на месте, сооружая себе ловушку, где сидит и точит черные мысли.

— Что ты будешь делать, когда вырастешь?

— Будущее меня не интересует...

— Ты хоть в курсе, что сейчас в мире происходит?

— Да тупость! Сплошные ужасы!

— Как ты себя ощущаешь?

— Я полное ничтожество.

Для депрессивного подростка «ничто не имеет значения: ни он сам, ни будущее, ни мир». ³⁵

Роль родителей

Чтобы бороться с депрессией, в нее надо прежде всего поверить и увидеть ее. Следует быть внимательным к симптомам, не впадая при этом в крайность! Вспомним, что депрессия — изменение настроения, которое продолжается длительное время. Родители играют в этом важную роль. Они должны наилучшим образом урегулировать свои проблемы. Невозможно даже представить, до какой степени поступки и настроение родителей влияет на детей! Воспитание — не слова и нотации, это личный пример. Не забудем, что цель — беречь, сопровождать и поддерживать до наступления автономии. И сохраняя при этом нормальный настрой!

Кроме того, ребенок, маленький ли, большой ли, должен обязательно говорить о своей депрессии. Ему надо выговорить свою тоску, а взрослые должны помочь определить ее

³⁵ По выражению Аарона Т. Бека, одного из основателей когнитивной терапии.

причины и вновь обрести веру в себя. Для этого необходима психотерапия. Ее нужно подключить как можно скорее и специальным образом. В идеале она основывается на двух полюсах, ее тогда называют «бифокальной».

С одной стороны, ребенок или подросток начинает обладать неким личным пространством. У него есть только для него предназначенное место и личный собеседник. Это все принадлежит только ему. Со своей стороны родители, которые нуждаются в совете, в информации или просто им надо излиться, приходят в другое время. Очень важно с уважением соблюдать подобное разделение, чтобы избежать фрустрации.

Параллельно с этим в самых тяжелых случаях может быть предложено медикаментозное лечение. Оно длится более или менее долго³⁶ и должно восприниматься исключительно как катализатор, который поможет ребенку выйти из изоляции.

Худшее, возможно, позади

Если депрессию признали — полдела сделано. Пройден первый шаг, его преимущество — нормализуются отношения в семье. У родителей есть объяснение происходящему, ребенок чувствует, что на него обратили внимание и пытаются понять. Дома ошибок уже можно избежать — например наказаний, которые еще больше провоцировали состояние безнадежности и отчаяния. Депрессия коварна, она постоянно питает сама себя, черпая из новых источников. Главное — вовремя ее заметить, иначе она будет прогрессировать.

Что касается школьных трудностей, очень важно не заикливаться на лени или отказе работать. «Бездельник!», — скажет окружение, а проблема может быть совсем в другом. Санкции и нотации только усиливают расстройство и вызывают эффект, обратный желаемому: депрессивный ребенок все больше погружается в пучину тоски. А ведь он, возможно, посылал сигналы тревоги, которые просто надо было правильно истолковать. Он беспомощно пытается выразить, как ему плохо, — а в школе отметки все ниже, и все заканчивается полным разочарованием.

«Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать».

Маленький Принц, Антуан де Сент-Экзюпери ³⁷

Элиотт: Мы уже и не знаем, что делать с вашим сыном!

«Он отказывается считать до десяти — и при этом у него мания цифр. В этот момент он приклеен к календарю, он знает, какой день недели соответствует абсолютно любой дате... можете сами проверить».

Отец Элиота предлагает мне проверить удивительные способности его сына, которому шесть с половиной лет. Мальчик учится в подготовительном классе. Отец привел его ко мне, потому что учительница тоже считает Элиота несколько странным и ее это беспокоит: «У меня часто создается впечатление, что мыслями он где-то в другом месте».

Это все происходит в сентябре 2003 года. Я, слегка заинтригованный, спрашиваю Элиота:

— Четырнадцатое июля?

— Понедельник, — в тон отвечает он.

Я смотрю в календарик: точно!

— Давайте, давайте. Можете спросить что-нибудь пораньше.

Я пробую:

— Одиннадцатое января?

³⁶ См. ниже раздел «Но вы же не собираетесь пичкать ребенка наркотиками!»

³⁷ Перевод Норы Галь.

- Суббота. И попозже можете спросить.
- Четырнадцатое декабря?
- Воскресенье. Можете еще про другой год спросить.
- Тринадцатое марта 2005 года?
- Воскресенье.

Элиот отвечает мгновенно, не задумываясь, и никогда не ошибается. Ни разу не встречал такого.

Маленький гений весел и общителен, улыбается мне, явно довольный, что сумел меня так огоршить. Но я обращаю внимание на его привычку нервно постукивать пальцами по столу. Явно непроизвольно, но при этом постоянно.

Он всегда был таким

Сейчас у нас на повестке дня даты; в три года это были имена. В младшей группе садика, чуть ли не с первых дней, на переключке он отвечал «здесь» или «отсутствует» за каждого из тридцати трех детей в своей группе. И никогда не ошибался. Притом, что их совсем еще не знал. Значит, он уже тогда знал наизусть весь алфавит. Рано!

Но его подвиги не всегда бывали такими милыми и забавными. В два года он был одержим дверями гаража. Отец его от этого очень страдал. Им приходилось обходить весь район, останавливать машину возле каждого дома и ждать. Ждать момента, когда откроется гаражная дверь и лицо сына озарится радостной улыбкой. Он был абсолютно счастлив. Если же дверь долго не открывалась и папа наконец решал уехать, у ребенка начиналась истерика. Его мать, которая заметила, что я был поражен этим рассказом, поспешила оправдаться: «Надо понять нас. Мы позволяли вовлечь нас в эту игру, потому что это был единственный способ разделить с ним какое-то занятие и чувство!» Потому что Элиота ничего не интересовало, кроме его маний.

Что-то в нем не так

Родители измучились. Им приходилось прилагать такие усилия, чтобы добиться улыбки ребенка: они надеются увидеть, как он возвращается на землю, хоть на секунду. Потому как остальное время он живет на планете Марс. По сути, все, кто с ним общается, сбивы с толку. В школе никто ничего не понимает. Элиот способен как на плохое, так и на хорошее, «он непредсказуем и необъясним», уверяет его учительница, «он может отлично учиться, потом вдруг рассердится на что-нибудь и замкнется, ни слова из него не вытянешь».

В конце концов его педиатр решил обратиться ко мне с письмом, в котором интересовался физическим развитием Элиота и мерами, которыми нужно принять, чтобы наладить его успеваемость: «С точки зрения учебы, мы не знаем, что с ним делать».

А учеба у него проходит действительно довольно странно. В прошлом году в садике он параллельно проходил программу подготовительного класса. Определить его настоящий уровень знаний и умений практически невозможно. Кстати, тест на IQ выявляет его слабые места: задания на ориентацию в пространстве, понимание правил жизни и социальную адаптацию удаются ему гораздо хуже, чем задания на арифметику и на память.

Когда он был меньше, у него замечали нарушения координации движения, он часто падал и неправильно держал карандаш. Эти недостатки были вовремя замечены и исправлены благодаря трем годам психомоторной терапии и плавания в бассейне. Занятия привели к отличным результатам. В тот благословенный день, когда преподаватель по психомоторной терапии заявила, что теперь он больше не нуждается в ее помощи, она добавила:

Ваш сын вернулся издалека!

Неуклюжесть осталась в прошлом. Но родители по-прежнему обеспокоены: с поведением все равно проблемы. Они беспомощно разводят руками при виде «странных» своего сына. Они могли бы рассказывать о них часами, их столько!

Иногда у него бывал какой-то речевой тик, он упорно по несколько раз повторял окончания фраз, причем явно произвольно. Подобно ребенку с эхолалией, который в ответ на вопрос «Как тебя зовут» отвечает эхом «тебя зовут...»

Да, загадочный мальчик этот Элиот... Мне захотелось узнать о нем побольше, причем с самого раннего детства. Мама вспоминает, что у нее была очень тяжелая беременность, долгие мучительные роды, неделю малыш провел в реанимации. Короче, воспоминания не самые лучшие. Следующая страничка: Элиот пошел в год и два месяца, заговорил рано, в полтора года. Потом родилась сестричка. И с этого момента, хотя он уже он заговорил, начался регресс. Он орал, изображал младенца, начал вновь сосать соску и пить из бутылочки. Он пошел в садик и мама заметила, что «с этого момента все пошло не так: он больше не смотрел мне в глаза». Это как раз время одержимости гаражными дверями.

Отец продолжает. Он цитирует отчет воспитательницы младшей группы: «Элиот приходит в сад, кидается на пол, не обращая ни на кого внимания, или неподвижно сидит в углу. За полдником его все время нужно сажать на одно и то же место и давать один и тот же синий стакан, иначе он разнервничается. Во дворе он ездит на своем трехколесном велосипеде и кричит, если его кто-то тронет». Именно в этом году он выучил имена всех детей наизусть — не проявляя к ним при этом никакого интереса. В течение двух следующих лет его поведение стало лучше, он пошел на контакт. У него даже была подружка: «Дети тянутся к нему, им нравится о нем заботиться».

Нестабильное поведение

Я встречаюсь с ним с глазу на глаз. Шестилетний мальчик. Выглядит, как все дети его возраста. Темноволосый, с блестящими черными глазами, лукавыми и любопытными. И вдруг этот внимательный взгляд устремляется в никуда, теряется где-то в неизвестности... Он рассказывает мне про Покемонов — они ему очень нравятся. Сказал, что у него все в порядке, нет проблем. «Раньше» они были, а теперь нет. Я обращаю внимание, что он все время это подчеркивает: «Это было раньше», «Я так говорил раньше», как будто вспоминает давно забытое время. И в этот момент его улыбка гаснет. Очевидно, что об этом недавнем прошлом у него сохранилось крайне болезненное, мучительное воспоминание. Что касается двигательных функций — никаких нарушений. Я прошу его пробежаться по коридору — все в порядке. Хорошо различает право и лево. Уровень понимания вполне удовлетворительный — когда он не уходит в себя.

Мое заключение: «Поведение ребенка нестабильно, нужно наблюдать. Необходимы занятия с логопедом и с психологом. В подготовительном классе нуждается в поддержке учителя. В добрый путь».

Год спустя

Мы встречаемся с ним, когда он уже два месяца учится в первом классе. Все занятия с психологом и логопедом прерваны за ненадобностью — он очень преуспел в учебе. Однако учителя в шоке от его поведения: «Он хорошо учится, отлично понимает все указания, но это непоседа, бунтарь и провокатор. Его неистовые выходки нарушают порядок в классе».

— С ним не все хорошо, мы волнуемся, — говорят мне родители. — Он говорит нам, что в нем живет два человека.

— Это правда, Элиот? — спрашиваю я.

— Ну, как будто у меня в голове два мозга, один добрый, а второй злой, — объясняет мне малыш.

Не нравится мне это. Такой образ мысли свидетельствует о нарушении организации личности, «раздвоении». Но я пока молчу.

Отец рассказывает, что все началось с первого дня. Может быть, учителя оказывали на него слишком сильное давление? «Иногда он прекрасно отвечает на уроке, а иногда говорит невпопад». В общем, результаты нестабильны, можно только точно сказать, что он очень силен в математике. Я спрашиваю у Элиота, по-прежнему ли он помнит все даты в календаре

по дням недели?

— Нет, уже не помню.

— У него другое началось! — вскрикивает отец. — Его новая страсть — телепрограммы. Он все их знает наизусть.

Я проверяю — и правда, он держит в голове все расписание телепередач всех каналов. Не имея никакого представления об их содержании, он называет их по порядку, точно читает в анонсе. Словно они впечатаны в его голову.

Я беседую с ним. По-прежнему он мил и дружелюбен. Хорошо читает. Реже «отключается». Но все равно то отвечает просто блестяще, то молчит как рыба. Он выглядит не таким возбужденным, но у него масса навязчивых идей, которые его самого раздражают. Отец объясняет, что мальчик сам навязывает себе определенные правила. Что он очень строг к себе. Запрещает себе опаздывать, хоть на минуту. К концу разговора я замечаю, что Элиот общается лучше, но на одном условии. Все должно соответствовать его пожеланиям, вещи должны быть сложены определенным образом, порядок не должен быть нарушен — иначе он взрывается. Он панически боится любых неожиданностей.

Необходимо обследование в стационаре

Мне представляется вполне оправданным госпитализировать ребенка на пять дней, и я записываю его на ближайший срок. Одновременно я пишу письмо его врачу: «Подобная ритуализация мысли, необходимость сохранять устоявшийся порядок вещей и периодические выпадения из реальности позволяют предположить, что организация личности нарушена или не завершена, невзирая на прекрасные способности и знания мальчика».

Элиот появился в отделении в январе, после первого триместра, который закончил с поразительно неровными результатами, оставив преподавательницу в полном недоумении. Наша команда согласилась с выбранным мной направлением исследования: возникли к тому же новые вопросы. Элиот очень преуспел в определенных областях, особенно в математике, но аффективные проявления ниже нормы. Периодически он ведет себя как младенец, рыдает по каждому поводу или прячется на коленях медсестры, если его обижают другие дети. Но при этом многие воспитательницы отмечают, что он легко соглашается, если ему предлагают какое-то занятие. И иногда загадочно улыбается — просто-таки обезоруживающей улыбкой. Эти крайности в характере показались весьма странными. Заметно было, что взрослых Элиот удивляет и буквально завораживает, а детям неинтересен, они его избегают. Это тоже довольно необычно...

Соматическое обследование показало, что мальчик абсолютно здоров. Просто пышет здоровьем. Правда, он страшно орал, когда ему надевали на голову шапочку из клемм для электроэнцефалограммы. Он потом признается, что боялся, что люди таким образом узнают его мысли!

Психолог подтверждает предварительный диагноз: дисгармония³⁸. Доказательства налицо. Ответы теста на IQ крайне неоднородны. Опять все отлично с арифметикой, опять полный провал некоторых заданий, особенно на социальную адаптацию.

Результаты личностных тестов потрясающие: приключения, которые пришлось пережить по воле Элиота Черной лапке (это все та же маленькая свинка на рисунках, которые нужно комментировать), интересны и разнообразны, настоящее фэнтези экстра-класса, нечто среднее между Гарри Поттером и Звездными войнами... Элиот выдумывает совершенно невероятные ситуации и переживает их всей душой... Особенно когда он воображает встречу между Черной лапкой и Дартом Вейдером. И вдруг неожиданно — приступ необъяснимой тревоги: «Убери эту картинку, я не хочу ее видеть!»

К концу недели он, кажется, несколько приобвык, «опустился на землю», стал

³⁸ Дисгармония: несоответствие в развитии разных сторон натуры ребенка (см. глоссарий).

нормально воспринимать реальную жизнь отделения, сдружился с детьми.

Серьезное лечение

Когда срок пребывания в больнице истекает, я представляю родителям Элиота заключение, полученное в результате обследования. Мальчик страдает от «дисгармонии развития», и поэтому его обширные знания и прекрасные способности не всегда могут быть проявлены из-за приступов тревоги. Ему нужна специальная помощь в нескольких областях. Он должен индивидуально заниматься с психотерапевтом (чтобы помочь ему «структурировать» его личность), нужны сеансы групповой терапии (чтобы научить его действовать совместно с другими детьми), сеансы психомоторной терапии (чтобы научить его чувствовать реальность и научиться контролировать эмоции) и препарат, подавляющий тревожность, который успокоит его душевно и физически. Еще ему понадобится поддержка со стороны учителей. Совместное собрание с ними я предусматриваю провести перед поступлением во второй класс. И, конечно, ряд советов, которых следует придерживаться его семье. За эту часть я спокоен: на родителей можно рассчитывать, они терпеливы и выносливы.

Только такое основательное лечение может быть залогом, что Элиот займет достойное место в жизни и нагонит отставание в физической зрелости. И сможет использовать свои способности для учебы — поскольку его мозг освободится от переполняющих его безудержных фантазий. Я буду наблюдать его, пока он окончательно не сбросит наряд «непостижимого» маленького мальчика. Наша цель — чтобы он связал себе — петелька за петелькой — новое облачение, в котором он сможет быть в гармонии с окружающими. И с собой.

Последние новости — он перешел во второй класс. По-прежнему необычный мальчик, можно сказать, оригинал, и, ясное дело, лучше всех в классе по математике.

Дисгармония: за звездными вратами

На фотографии — группа улыбающихся туристов, рассеявшихся на корнях огромного ливанского кедра. Адриан (ему семь с половиной лет) смотрит на фотографию — и в крик, глаза округляются от ужаса: «Это же лапа динозавра! Они сидят на лапе динозавра — они просто его не видят!» У Адриана дисгармония. За простыми, банальными вещами ему мерещатся всякие ужасы. Все вокруг для него преисполнено драматизма. И избыток воображения может сыграть с ним дурную шутку: отдалить его от окружающих и перекрыть дорогу в реальную жизнь.

Долгое время формулировка «дисгармония» служила общей свалкой для всех трудных, не поддающихся классификации и пограничных случаев, которые трудно было диагностировать. Но мало-помалу ее все же признали за отдельную патологию, причем французские психиатры первыми внесли ее в официальный список психических нарушений детей и подростков. Теперь говорят о «дисгармоничных детях» или детях в «пограничном состоянии», развитие которых лишь увеличивает их разрыв между разными сторонами натуры; из-за этого они не могут использовать свои способности. Эти дети способны сочетать остроту ума и обширные знания с капризами, свойственным малышу. Причем без видимой причины.

Американские врачи долгое время не признавали дисгармонию. Только в 1994 году доктор Д. Ж. Коэн рассмотрел эту концепцию и сделал ее достоянием общественности. Он выработал свое определение: «Multiplex Developpemental Disorder» (MDD), то есть «сложные и разнообразные расстройства личности». Лучше поздно, чем никогда — тем более что в результате американские ученые смогли продвинуться в изучении этого душевного расстройства со сложными и противоречивыми симптомами. Но не следует останавливаться на достигнутом, пройдены лишь первые шаги, теория дисгармонии все еще на стадии разработки.

Хотя за десять лет и достигнут некоторый прогресс. Лучше известны симптомы, поэтому теперь дисгармонию не спутать с каким-либо другим душевным расстройством, и возможно целенаправленное лечение. Между поведением депрессивного, гиперактивного и дисгармоничного ребенка порой трудно найти отличия. Но подробное и глубокое обследование позволяет «собрать пазл» противоречивой личности «странного» маленького пациента. И некоторых даже полностью вылечить. Опыт показывает, что примерно треть случаев заканчивается выздоровлением.

О них можно тогда сказать, что они возвращаются издалека! Из потустороннего мира. Оттуда их надо вытаскивать во что бы то ни стало. Если вы сомневаетесь, есть два замечания, которые могут натолкнуть вас на правильный путь:

«Один день он просто Сахар Медович, на следующий день делается агрессивен и груб...»

«С одним и тем же человеком он может быть сегодня невероятно мил, а завтра невыносим...»

«Из одного места, да разные вести» — такое порой свойственно всем детям. Но для дисгармоничных детей это состояние перманентно, оно не проходит, и вся семья обязана подлаживаться под их капризы.

«Он какой-то странный!»

Вот ярлык, который наклеивают на этого непостижимого ребенка. Причем странность проявляется и в поведении, и в отношениях с другими людьми. Он где-то не здесь, вы его не интересуете. Создается впечатление, что у него в жизни есть кое-что поинтереснее. Он копается в ящике с игрушками, вытаскивает пластмассовые статуэтки и объявляя: «Отрубить ей голову! Выколоть ему глаза!» Вдруг внезапно он смотрит на вас, «узнает» и кричит: «Быстрее, быстрее, помоги! Симба в опасности!» Мама восхищенно улыбается: «Ему всего три, а он уже знает „Король-Лев“ наизусть!» Ох, аккуратней с этим блеском интеллекта... тем более, что «маленький гений» тотчас погружается в коробку с игрушками, в воображаемый мир, а реальный мир вокруг него тает, как дым.

Если чуть поглубже копнуть, поражает больше всего, насколько важен и значителен для него этот воображаемый мир. Ему не просто нравятся динозавры, он с ними живет! Миллиарды лет не имеют значения, он преодолевает их одним взмахом волшебной палочки. Легко! Для него нет невозможного, и древние чудовища — часть его повседневной жизни. Его словарный запас обширен — но часто пропитан насилием. Его жесты напоминают поединок с воображаемым врагом. Такая видеоигра в натуральную величину, где ребенок бьется с самим собой.

Трудно сказать, всегда ли он был таким. Его отрыв от реальности становится заметен только годам к двум. До этого момента он развивается совершенно нормально. Рано начинает ходить и говорить. И внезапно его дорога совершает поворот в сторону «беспорядка», начинается какой-то разлад. Его поведение меняется, он делается нервным, часто даже теряет контакт с внешним миром. И как раз в это время начинаются его знаменитые «причуды». Необъяснимые прихоти, как у пятилетнего Ясона, который, входя в дом, должен был обязательно проверить, что все лампочки работают. Поэтому он прежде всего обходил все выключатели, а уже потом здоровался. И куда бы он не пришел, он повторял этот ритуал.

Часто подобные мании касаются цифр или букв. Внезапно в два года он выучивает весь алфавит. Родители очень рады этому обстоятельству: оно доказывает, что ребенок придает значение реальности и что у него незаурядные способности. Но увы, в случае дисгармоничного ребенка при этом получается «гол в свои ворота». Дополнительный элемент, вызывающий разлад. И вот все смотрят на такого ребенка и гадают: что же с ним происходит. И высказывают самые разные гипотезы: депрессия? Тревожность? Может, он гиперактивный? Окружающие, попавшие под контрастный душ его поведения, уже не успевают следить за всеми переменами.

Всех сбивает с толку

В его поведении удивляет буквально все. Года в три ему уже почти готовы приклеить ярлык «не по годам развитый» или «одаренный», но нестабильность его способностей не позволяет этого сделать. Потому что способности его не поддаются логическому анализу, они капризны, летучи, появляются и исчезают, когда им вздумается. То хорошо, то плохо — но обязательно «очень».

В семь с половиной лет он может, как маленький Улисс, отлично соображать:

— В чем сходство между китом и мышью?

— Они оба млекопитающие.

Но при этом он не может произвести простейшее вычисление:

— У меня две книги в правой руке и три книги в левой. Сколько всего у меня книг?

— ...?

Такая неравноценность ответов характерна для дисгармоничных детей.

В школе учительница никак не может составить мнение об этом ребенке. То он, кажется, очень хорошо читает, а на следующий день просто хуже некуда. Чтобы его подбодрить, она говорит ему: «Ты можешь, когда хочешь». Но для Улисса ее слова — китайская грамота. Он вовсе не управляет своей головой. В ней либо есть место для учебы, либо нет. Либо он может располагать своим разумом, либо нет, тот занят. И именно чередование присутствия и отсутствия создает впечатление странности. А он ни о чем об этом не подозревает. Ведь у него такая богатая внутренняя жизнь...

Как распознать дисгармонию

«Что-то не так». Нужно расковырять эту надпись, взглянуть, что спрятано за фасадом и убедиться, что аффективный «фундамент» также разбалансирован.

Рассказы родителей похожи: «Он может внезапно рассердиться без причины, кидается от смеха к слезам, то невероятно ласков, то отталкивает нас, он ненавидит терять игрушки, он всего боится». Такое поведение сигнализирует о неуверенности. Но у дисгармоничного ребенка эти проявления хаотичны, и потому их трудно растолковать. Однако существует почти постоянный симптом, тревога, иррациональные страхи перед вещами или ситуациями, которые вовсе не выглядят опасными.

Горацию шесть лет. В ванной он приходит в ужас перед струей воды из-под крана, цепляется за стенки ванной, панически боится душа — и в то же время он плещется в бассейне, как рыбка. Что уж тут можно подумать: то ли он боится, что его унесет поток воды, то ли что он провалится в сливное отверстие... А между тем у него насыщенная, интереснейшая внутренняя жизнь. И истории он рассказывает захватывающие и жуткие.

Вот основная проблема детей, страдающих дисгармонией: они придумывают себе виртуальный мир. Это любят все дети, но не в такой степени — у обычных ребят этот мир не полностью заслоняет собой реальность. И не подчиняет себе так надолго, иногда до подросткового возраста. Граница между мирами — размытая, нечеткая. Ребенок переходит из одного в другой, сам того не замечая, и пренебрежение к их различиям может быть опасным. Он подменяет и искажает отношения с окружающими и портит себе социальную жизнь.

Ведь параллельная жизнь может захватить его целиком. Если его любимая книга — о мире, где процветает волшебство и магию, он натягивает мантию главного героя и переживает в своей повседневной жизни те же приключения. Телесериалы про другие галактики его тоже увлекают, и каждый раз он пересекает звездные врата вместе со своими любимыми персонажами. И его трудно спустить на Землю. Он так далек от всего этого! В общем, не чувствуя различий между настоящей и придуманной жизнью, он отдаляется от внешнего мира.

Барьеры против страха

Воображаемая жизнь постепенно овладевает им. При этом она может пугать его, отталкивать. И чтобы отделаться от демонов, он придумывает воображаемые ритуалы защиты: обернуться вокруг своей оси, постучать пальцами по столу — они вновь возвращают его в реальный мир. Стереотипные действия или жесты отгоняют неотвязные мысли. Он строит защитные валы от своих страхов.

Ну, и чтобы как-то «усмирить» свой стресс, он обладает целым арсеналом способов, хорошо знакомым каждому ребенку: ломает игрушки, ругает их, пинает... Но он делает это постоянно и регулярно. Когда бокал полон, он переливается — выплескивается агрессивность. Дома его перестают понимать. Малыш, который сам научился читать, который наизусть шпарит диалоги из фильмов... а стал таким импульсивным и неуправляемым! По сути дела, воображаемый мир победил, ребенок уже не может сдерживать его и контролировать.

Странная манера говорить .

К сожалению, он не может рассчитывать, что друзья разделят его мрачные мысли: у него попросту нет друзей. «Дисгармоничный» ребенок одинок, он не привлекает других детей, поскольку у них с ним мало общих интересов. Другая характерная черта, которая усложняет его социальную жизнь — он абсолютно не задумывается, что же ждут от него другие, он продвигает свою мысль, он потерял ключи к социализации, и оттого он делается бестактен и порой лишается общения даже в кругу семьи. «С бабушкой у него никак не складываются отношения, он говорит с ней о сексе или еще о чем-то, что они там знают в восемь лет, и совершенно не задумывается, что это может ее шокировать или просто быть ей неинтересным».

Этот ребенок не понимает социальных норм и правил, потому что он сочиняет свои. Он черпает вдохновения в книгах фэнтези и видеоиграх.

Речь «дисгармоничного» ребенка очень своеобразна. Не то чтобы отстает или наоборот слишком развита — просто другая. Слова для него подчас не служат средством коммуникации. Он манипулирует ими, как вещами, не придавая им значения, не испытывая потребности в диалоге. Он может в одной фразе соединить вопрос и ответ: «Ты что, обижен? Ты просто устал?..» К тому же порой ребенок может говорить тусклым, механическим голосом, без интонации, на одной ноте. Это называется «диспросодия». Эти речи тем более удивительны, что их содержание часто бывает достаточно выразительным и эмоциональным: «Ты устал, потому что скоро умрешь?»

Он говорит то, что приходит ему в голову, безо всякой внутренней цензуры, ни подлаживаясь ни под собеседника, ни под ситуацию. Его рисунки и игры выражают те же чувства — насилие и страх.

В классе странная манера изъясняться оказывает ему плохую услугу. Он не делает разницы между учительницей и одноклассниками, и говорит как обычно. А ей с трудом удается разобраться в лабиринте его вопросов и ответов самому себе — если удастся. А как ей при этом разобраться в нем самом, если он ежедневно разыгрывает «Доктора Джекила и мистера Хайда» в переложении для детей младшего школьного возраста?

Чем раньше, тем лучше

Все эти специфические симптомы действуют и взаимодействуют, создавая между собой некую синергию, которая может привести в итоге к «дисгармонии развития». Небольшое отклонение между разными областями развития (интеллектом, движением и аффективной зрелостью) может со временем в процессе роста ребенка приобрести изрядный размах и испортить ему жизнь. Сделать из него человека неуправляемого, невыносимого в совместной жизни. В четырнадцать такой подросток может писать рефераты студенческого уровня и при этом вытворять немыслимые вещи. Кривляться на уроке, как шестилетний. Значит, наша задача обнаружить дисбаланс в развитии как можно раньше и сразу же

запустить механизмы лечения.

Откуда возникает дисгармония? Имеет ли она психическое происхождение или неврологическое? Пока этого точно не знают. Подобно депрессии и гиперактивности, скорее всего тут обе причины сразу. Как это часто бывает, нарушения в поведении являются результатом взаимодействия уязвимой неврологической организации и «неблагоприятной» среды: предрасположенный к расстройствам ребенок не получает должной психологической защиты от своих страхов.

Сейчас мы располагаем достаточной статистикой и можем утверждать: треть детей, у которых обнаружена дисгармония, могут вылечиться. Выздоровление происходит в результате внимательного и многостороннего лечения, и при этом выбора специфической профессиональной ориентации, то есть максимально ритуализированной профессии. Треть детей все-таки в итоге получает ряд проблем в социальной жизни из-за своего неподчинения нормам. Оставшаяся треть может бессознательно выбрать бегство и замкнуться в психозе. Это основная проблема дисгармонии: если она усиливается, она может «запереть» свою добычу в воображаемом мире, оторванном от реальности.

Методы лечения

Вовремя обнаруженная дисгармония, как мы уже говорили, лечится. В этом случае общей задачей становится помочь ребенку сделать правильный выбор: предпочесть реальную действительность, убедить его «оставаться с нами», предлагая ему удобную, надежную и интересную повседневную жизнь. На этот счет могу предложить несколько советов.

Следует ограничить источники воздействия на его воображения. Этому ребенку избыток экранной жизни вреднее, чем любому другому.

Наоборот, всячески поощрять его социальные связи: организовывать дни рождения и именины, записать его в командный спорт, даже если он не хочет.

Уважать его моменты «ухода» — не стоит его огорчать. Но в противовес остороженько предлагать ему иную деятельность (совместные игры, чтение), не давая улететь слишком далеко в заоблачные дали.

В интеллектуальном плане не поддерживать и не форсировать своим преувеличенным восхищением его «особенные способности» (чтение в два года, манипуляции с цифрами).

Но замечать и комментировать их. И обращать при этом большее внимание как раз на сложности и трудности ребенка: (почерк, логика, организованность), которые могут быть исправлены с помощью графотерапии, логопедии, психомоторной терапии и других.

И главное, ему следует организовать мощную поддержку — и индивидуальную, и семейную. В идеале — несколько раз в неделю, с участием целой команды специалистов: (дневной стационар, медико-психологический центр), которая, взаимодействуя, организует психическое пространство «дисгармоничного» ребенка. И сумеет прочертить четкие границы между воображаемой жизнью и реальной.

Вопрос о медикаментозном вмешательстве обсуждается в каждом конкретном случае. Сейчас разработан новый препарат, который гасит импульсивность, и это способствует социальной интеграции. Лекарство это еще и воздействует на мысли, избавляя их от фантомов и тем самым освобождая свободное пространство для знаний и учебы.

Таким образом, роль диагностики огромна. И потому сад и школа играют огромную роль в раннем выявлении этих «необычных» детей. И потом школа становится главным индикатором выздоровления — когда она признает, что малыш «вернулся издалека» и теперь сам способен открывать и закрывать звездные врата.

Том: «Клянусь, чтоб мне пусто было, завтра пойду в школу!»

«Я клянусь, больше так не буду!» Том сотрясается в рыданиях. Обещает, клянется... он уж не знает, как сделать, чтобы мы ему поверили: «Я клянусь чем угодно, завтра пойду в

школу!» Сложно остаться равнодушным перед горем этого одиннадцатилетнего мальчика. Тем более что он искренен. Он и правда считает, что если его выпустить из больницы, он вернется в школу. Но мы знаем, что не вернется. Еще рано. Том еще не выздоровел. Несмотря на то, что сам он считает иначе.

В носках и пижаме

Том у нас уже две недели. На него жалко смотреть: он целыми днями ходит в носках и в пижаме. А не то ведь убежит. Строгий режим — никому здесь не в радость назначать его ребенку. Но в его случае без этого не обойтись. Наша задача — приучить его к разлуке. Чтобы он научился жить вне дома и понял, что в его отсутствие не произойдет ничего страшного. Подобная демонстрации ему просто необходима, так как нечто удерживает его дома, как магнит. Больше ему ничего не надо. Никакого лечения. Просто открыть ему глаза. Надо отыскать тайную причину его отказа ходить в школу.

Почему он чувствует себя ответственным? За что? За кого? Что за секретная миссия, которую ему нужно выполнить, и выполнению которой мешает учеба в школе? Когда мы держим его у себя, мы пытаемся убедить его, что он может нормально жить вне дома и от этого земля не начнет вращаться в обратную сторону. Не такая простая задача. И успех предсказать невозможно.

Без видимой причины

Уже в детский сад Том ходил без особенного энтузиазма. Мягко говоря. Он сам, кстати, вспоминает об этом: «Каждое утро я плакал, и когда мама уходила от меня, я смотрел на нее в окно». Этот симпатичный парнишка, светловолосый, с голубыми глазами, которые глядят на вас не мигая, кажется вполне уверенным в себе. Он кажется вполне трезвомыслящим сейчас: «В первом классе директор приходил за мной на стоянку, иначе я начинал орать и не вылезал из маминой машины, ему приходилось волочь меня силой». Почему? Он не знает, что ответить: «Ну, что-то непонятное, что-то, что сильнее меня». Иногда это неприятие становилось таким сильным, что мама оставляла его дома, опасаясь, что он так может и заболеть: «Когда я немного отдыхал дома, мне это шло на пользу, и дальше ходить в школу было уже легче».

За пределами разумного

Так и шла школьная жизнь Тома: то вынужденное присутствие, то выпрошенное отсутствие. Однако учился он хорошо, с одноклассниками отлично ладил и преподаватели были им довольны. Загадка!

Но безусловно его истерики, выходящие за пределы разумного, мучили и расстраивали родителей. Они решили поговорить с врачом. И не с одним, кстати. Объехали всех психологов в Провансе. Том был не против — тем более что тогда ему удавалось пропустить день... вперед, к новому психологу. Но контакта так и не получилось: «Они меня все нервировали, разговаривали со мной, будто мне три года... Никто ничего понять не мог... бессмысленно было продолжать, я попросил родителей прекратить эти консультации».

Рецидив

Том пошел в среднюю школу и — буквально чудо какое-то — первый триместр прошел как по маслу. Но в один день вся «комедия» возобновилась. Регулярно в воскресенье вечером Том чувствовал себя разбитым и расстроенным. А поутру он уже корчился от боли в животе, прибегал к родителям в кровать: «Если так будет продолжаться, я не смогу пойти в школу...» Ненависть к школе внезапно возобновилась. Как раз тогда они впервые пришли ко мне.

Тупик

Ясно было: Том не слишком-то в восторге от нашей встречи. Он, нахохлившись, сидит

в углу и поглядывает на меня с видом «вот уж вряд ли мы с тобой подружимся». Родители, наоборот, преисполнены решимости выйти из ужасного тупика: «Так не может продолжаться, вся семья страдает, и Том причем первый! Невозможно смотреть, как он мучается... Что же нам делать...» Они рассказывают, что им казалось, с Томом все в порядке, но в январе после каникул все опять началось. Они ищут объяснения: «Мы уезжали на конгресс в Бостон, самолет задержали и мы вернулись позже, чем обещали. Том волновался, хотя мы позвонили, он весь день чувствовал себя брошенным. Может, он испугался, что больше нас не увидит?»

Слушать и наблюдать

Я смотрю на него и спрашиваю, что он думает по этому поводу. Чистым, ясным голосом, четко и гладко формулируя свои мысли, он отвечает: «Нет, не в этом дело. На каникулах я был у друга, и его дедушка умер. Это напомнило мне многое... в моей семье тоже умирали: дедушка, еще моя маленькая кузина погибла в аварии... Это потрясло меня».

И он тогда снова отказался ходить в школу. Отец рассказывает, как в воскресенье вечером он ужасно расстроился, а в понедельник утром у него заболел живот. Его долго выворачивало над унитазом. И так две недели подряд. Они даже не могли выйти из дома: «В восемь лет еще можно было его заставить. Но в одиннадцать уже невозможно. Перед школой он весь напрягается, как в параличе, нижняя губа дрожит».

Я понимаю: ситуация так необъяснима и притом так далеко зашла, что остается только одно решение: госпитализировать Тома. Некоторое время поддержать его с нами, понаблюдать, послушать. Попытаться выяснить, что за страхи его одолевают. Собрать как можно больше элементов головоломки.

Исправить с помощью неоправимого

Однако убедить его остаться у нас оказывается нелегко. Тем более, что он вовсе не пылает ко мне симпатией. Родители соглашаются, хотя ясно, что решение дается им нелегко. Но они готовы на все, лишь бы сын выздоровел. Том принимается клясться всем чем можно, что завтра он пойдет в школу. Но родители ему больше не верят, он уже столько раз это говорил. Я тоже не верю, слишком уж в этой сцене много патетики. Плохой скетч, грустный до слез. Я тоже — очень неприятно разлучать ребенка с родителями, особенно если он к ним так привязан.

Вот в этом-то и корень всей проблемы! Возможно, именно эта его привязанность делает мальчика больным. А лечением будет разлука. Я вспоминаю других ребят с такой же проблемой, как у Тома, которым разлука помогала. Значит, я должен совершить неоправимое ... чтобы исправить.

Как и следовало ожидать, Том оказался нелегким пациентом. На редкость несговорчивым. Он не желал оставаться у нас и целыми днями твердил об этом. Тяжелей всего были внезапные приступы рыданий с обещаниями завтра пойти в школу. Вся наша команда сжимала волю в кулак, чтобы не разжалобиться. Я сам порой был готов потерять голову и отпустить его, настолько глубоко он страдал. И он не обманывал, обещания его были искренни. Но он был не в состоянии их сдержать. Я всячески старался объяснить ему, зачем он здесь, но он отвечал: «Вы же знаете, я здесь сижу совершенно бесполезно. Я же говорил вам, что просто немного устал, мне разные мысли не дают уснуть, вот и все».

Мальчик поражает меня еще и другим: блестящими способностями. Его IQ доказывает это: 148. Он самостоятельно очень рано научился читать. Ему удается неплохо учиться, несмотря на бесконечные пропуски, только благодаря своим незаурядным способностям. Я сменяю тактику и говорю с ним, как со взрослым. Он развит не по годам, и общаться с ним надо, как с подростком. Отношения налаживаются, становятся почти дружескими. Он любит музыку, особенно Уильяма Шеллера и Элтона Джона. Необычный выбор для ребенка одиннадцати лет! Он хочет быть пианистом, как отец. Он вообще очень много говорит об отце. Они оба обожают лыжи и часто выезжают покататься. И вот однажды он бросает в

разговоре: «Когда я был маленьким, отец из-за меня попал в аварию, и я теперь все время боюсь, что с ним что-нибудь случится».

Обязательная изоляция

Том отрезан от родителей — таково правило. Вначале я зову их почти каждый день, чтобы держать в курсе дела. Я надеюсь, что они несколько прояснят мне эту непростую историю. Спрашиваю их об аварии: действительно, отец ехал забирать мальчика с музыки и его машина врезалась в другую. Том чувствует себя за это виноватым. Он часто об этом говорит.

Дни проходят. Том беспокоит меня, потому что изнывает от скуки. Не часто заметишь, как он играет со сверстниками. Он держится особняком, замкнувшись в своем «логичном» утверждении: «Мне здесь делать нечего». Я разрешаю родителям писать ему письма, он реагирует на них совершенно как взрослый, и это меня немного утешает. Истерикам скорей всего конец, Том все же явно становится спокойнее и увереннее. Но тем не менее целыми днями он плюет в потолок и ничем не интересуется, а только прокручивает так и сяк свои мрачные мысли, а это совершенно неконструктивно. Он не приемлет пребывания здесь, оно ему навязано, и тут я решаю отпустить его. Я говорю себе, что он мальчик достаточно внутренне зрелый, он все понял... Тем более что начинаются каникулы. И я отправляю парня домой. Но при одном условии: перед началом школьного года он придет сюда на два дня. В школу он пойдет прямо из больницы. Я таким образом даю ему больше шансов не испортить начало учебного года. Вообще-то я играю наудачу: орел или решка. Мальчик был у нас месяц, для школьной фобии это маловато. Но я чувствую: Том немного отличается от других детей с аналогичным диагнозом. Он быстро все понимает, ему не надо все разжевывать. Два дня назад я разрешил ему позвонить родителям. Все прошло нормально: он не плакал, не умолял забрать его. Еще одно очко в его пользу.

Мы очень долго беседуем в моем кабинете перед приездом его семьи. Это великий день. Он расслаблен. Счастлив. Но он настаивает на своем и подчеркивает: «Вы же сами знаете: хорошо, что я уезжаю. Потому что оттого, что я здесь, мне еще хуже, никакого результата. И вообще можно было бы и обойтись без этой госпитализации!» Он проверяет меня: парня на мякине не проведешь. Значит, не надо на него давить, не стоит: «Согласен, может, ты и прав, но это не мешает нам заключить соглашение. Если ты не вернешься в школу, ты приедешь к нам — на столько времени, сколько нужно». Он смотрит мне в глаза: «Вот увидите, мне не понадобится возвращаться!»

Потом я встречаюсь с его родителями. Наедине. Симпатичная пара: милые, теплые люди, понимающие друг друга с полуслова, с чувством юмора. Они явно страдали от разлуки. «Жизнь без Тома... Абсолютная пустота, бездна!» Я объяснил им мое решение, объяснил, что оно может не сработать: «Есть риск...» Вылечить, не рискуя — есть риск не вылечить!

Подросток в одиннадцать лет

Нужно сразу выложить все козыри. Я назначаю психолога, к которому Том должен ходить раз в месяц, потому что ему надо говорить, надо выговаривать все свои страхи, и со временем он все их извлечет на свет Божий. Он соглашается на эти сеансы; тем более, что я советую ему знакомого психотерапевта. Я поговорю с ним о Томе, чтобы облегчить им взаимопонимание.

Я даю несколько советов родителям о том, как вести себя с Томом, учитывая его раннюю зрелость. Он уже подросток, хотя ему одиннадцать лет. И поэтому он рассказывает им едва ли десятую часть того, что творится в его голове. Вероятно, не хочет их беспокоить. Том из тех детей, которые называются «кариатидами»: они всю жизнь «стремятся поддерживать своих родителей». Эта постоянная тревога мучает их и лишает детской беззаботности: «И правда, когда я устаю, Том всегда считает, что это из-за него». Муж добавляет: «Знакомые и родственники всегда упрекают нас, что мы все объясняем ему. Но

ведь он задает столько вопросов! Он хочет все знать, быть в курсе всего, что происходит дома».

Я объясняю, что этих жадных до знания детей нужно не бояться спускать с небес на землю, и порой без колебаний говорить им: «Все, споры прекращаются, ты делаешь то, что тебе сказали!» Мама подтверждает: «Да, это актуально, а то он постоянно торгуется, постоянно пререкается».

Я пользуюсь моментом и советую ей оставлять машину на островке безопасности, а не на стоянке. Это очень эффективно и облегчает разлуку: не выключая мотора, чмокнуть сына и жизнерадостным тоном заявить: «Ну, поторапливайся, здесь долго стоять нельзя!» Мама Тома улыбается мне, она представила себе эту сцену: сказка!

Автострада к солнцу

Я не стал присутствовать при их встрече. Это слишком личный момент. Родители зашли за ним в его комнату, потом все трое пришли ко мне в кабинет. С ними еще был Ной, младший братик Тома. На них было приятно смотреть: счастливые улыбки, радостные лица. Но прежде, чем они отправятся по автостраде к солнцу, я попросил их присесть. Я хотел поговорить с Томом в присутствии родителей:

— По правде говоря, я отпустил тебя слишком рано: обычно мы так не делаем...

— Да, я знаю, я возьму себя в руки. Это будет непросто, я знаю, но у меня получится...

— Знаешь, если не получится, это тоже не конец света, ты вернешься сюда и повторим все сначала...

Я знаю: он меня понял. Он пристально смотрит на меня и в конце концов спокойно говорит:

— Я докажу, что вы можете мне доверять!

— Я на это и рассчитываю!

Том начинает ходить в школу. Совершенно нормально. Он нас не разочаровывает. Естественно, ему приходится приложить немалые усилия, чтобы сдержать обещание. Он долго его держал. Но как-то в восемь часов вечера раздается звонок. Я сразу обо всем догадываюсь по его тихому грустному голосу, по виноватому тону: «Я сегодня не смог туда пойти... Но я обещаю вам, что завтра...» Я говорю ему, что такое может случиться, я его прекрасно понимаю... но что завтра... ни в коем случае нельзя уступать слабости, нельзя сдавать позиций. И на следующий день он пошел в школу.

Том, конечно, еще уязвим. И его битва с самим собой еще не окончена. Он еще будет срываться, но сумеет с этим справиться — он знает, что может рассчитывать на помощь. Подобные кризисы будут препятствиями на его жизненном пути, но уже не сумеют испортить ему жизнь.

Школьная фобия, страх школы?

«Нашего восьмилетнего сына регулярно тошнит в школе. Педиатр ничего не нашел у него и сказал нам, что мальчик просто ломает комедию, потому что не хочет ходить в школу: дома с ним ничего такого не происходит».

У этого ребенка так проявляется нежелание ходить в школу. Но он не просто капризничает. Это сильнее его. Родители беспомощно и безнадежно спрашивают себя, что же может до такой степени расстроить ребенка — ведь его страдания искренни и сильны.

Речь идет о так называемой школьной фобии, «иррациональном нежелании ходить в школу»: это расстройство было открыто в 1941 году, его симптомы очень конкретны. Страдающие им дети — не прогульщики, они не против процесса обучения. Им просто не хочется уходить из дома. Малыш не выносит разлуки, и его горе может быть еще более сильным, если родители начинают стоять на своем. Так ведут себя большинство родителей, и их можно понять. И получаются ужасающие сцены перед дверями школы: ребенок выходит

из себя, он брыкается, цепляется за мать, орет благим матом, катается по земле, выкрикивает, что сейчас умрет... В итоге ребенка заталкивают в школу — это первое испытание. Но за закрытыми дверями проблемы не кончаются. Обычно после получаса занятий неприятные ощущения возобновляются — и маленький упрямец уже у дверей кабинета школьного врача. Теперь беспомощными себя ощущают уже учителя — и зовут маму. Ребенок возвращается домой, занавес, пьеса окончена. Ребенок пришел в нормальное состояние. Больше никаких сцен.

Тоска воскресного вечера

Во время выходных и каникул все спокойно — ребенок безмятежен и доволен, ластится к родителям. Первые признаки недовольства появляются в воскресенье вечером. Он плохо себя чувствует, но точно не может сказать, что у него болит — то ли голова, то ли живот. Он непрерывно жалуется и ворчит. Ночью он плохо спит и, проснувшись, придумывает массу отговорок: в школе неприятная обстановка, уроки слишком сложные, ребята все злые... Частота и масштаб этих кризисов начинают пугать родителей и они решаются поменять школу. Напрасный труд! Ребенок-то остался тем же, и страхи его при нем.

Атмосфера накаляется. У родителей опускаются руки, ребенок все чаще и чаще заставляет «репатриировать» себя домой. Смена школы ни к чему не приводит, да к тому же ребенка и так вот-вот выгонят. Семья постепенно подчиняется абсурдной логике своего отпрыска, а ребенок потихоньку замыкается в своем «всемогуществе». Он — хозяин, он сам решает, как ему поступать! Он одержал победу над взрослыми, подчинил их себе. А ему по сути дела нужно как раз нечто противоположное.

От шести до двенадцати

Со временем это расстройство становится все более распространенным. В нашем отделении подобные случаи попадают примерно раз в месяц. И всегда уже в стадии, когда требуется наше срочное вмешательство: родители обычно терпят до последнего, пока у них окончательно не лопнет терпение. Чаще всего такие истории происходят в возрасте 6-12 лет: перед первым классом или при переходе в среднюю школу. У некоторых детей есть свои причины бояться школы. Если это одаренный ребенок, его могут травить одноклассники. Если ребенок плохо учится, это тоже повод для страдания.

Но чаще всего школа не при чем. Причина не в отсутствии способностей, не в нападках других ребят и не в «отсталости» учителей, которые не желают приспособиться к необычному ученику. Более того, как ни странно, школьная фобия настигает вполне успешных, способных учеников. Термин «фобия», кстати, не совсем точен: речь не идет о страхе перед школой. Корень зла в другом. Раз причина страха не в школе, значит, нужно поискать ее дома.

Роль, которую он играет дома

Ребенок, у которого «настоящая» школьная фобия, подчиняется всецельной логике, которая диктует ему свои нормы поведения: он считает, что дома он играет тайную роль. Что ему дана некая миссия, которая не позволяет ему находиться вне дома. Миссия по отношению к маме, папе, бабушке... кому-то, кто занимает большое место в его сердце. Более того, ребенок убежден, что обязан охранять этого человека. И школа лишает его такой возможности. Он отказывается туда идти, а если его принуждают, делает все возможное, чтобы оттуда удрать. Его задача — поскорей вернуться и проверить, все ли в порядке. Ведь он беспокоится. Важность своей роли по отношению к человеку, которого он опекает, ребенок чувствует очень сильно, хотя и смутно. Он считает себя своего рода «антидепрессантом» для этого человека. Ребенок сидит в школе и думает: «Маме там без меня плохо, нужно вернуться».

Разрушить неверную логическую связь

Часто еще секрет кроется в самой маме. Неоспоримо доказано, что чаще всего школьная фобия случается у детей издерганных, депрессивных и замотанных матерей. У матерей, которые всего на свете боятся: микробов, машин, воров, в общем всего, связанного с внешним миром, и этот страх они подсознательно передают своим детям. «Охранительная» идеология навязывает свою тактику: вечно беречься от воображаемой опасности. Эти матери-наседки не умеют дозировать свою любовь и «путают привязанность к ребенку с желанием заполнить свою внутреннюю потребность во внимании». Так объясняет психиатр Алан Браконнье в произведении «Мать и сын», где он по-своему истолковал идеи Эдипового комплекса; при этом книга остается апологией материнской любви. Он поддерживает матерей в их всеобъемлющем и мощном чувстве, но предостерегает: нельзя слишком давить на детей своей любовью. И помнить фразу: «Моя мама как ночник: она все время со мной и когда я грустен, она загорается, чтоб согреть мое сердце».

Когда мама депрессивна или просто до такой степени зависима от сына, что невольно он начинает ее опекать, этому наверняка есть свое объяснение: она испытывает внутреннюю пустоту. Отец не участвует в жизни семьи. Да, часто дело в этом, отец не обеспечивает ощущения внутренней безопасности. Отец-приятель, добрый малый — но абсолютно не отвечающий основной отцовской роли: быть сдерживающим и организационным центром семьи. Такой отец не догадывается, что именно ему следует «раскристаллизовать» отношения матери и сына. Помочь разрушить неправильную логическую связь своими действиями. Это могут быть прогулки с сыном на природе, совместные занятия спортом, поездки к бабушке и дедушке. А отец вместо этого равнодушно смотрит, как слаженно функционирует эта «суперкоманда». Иногда, правда, случается, что у него просто нет другого выхода. Симбиоз между явившимся на свет ребенком и его матерью бывает так силен, что в нем не оказывается места для третьего. Даже если это отец. Такого называют еще «диванный папа»: ему так надоедает чувствовать себя лишним в супружеской постели, куда каждую ночь проскальзывает малыш, что он ссылает себя на диван — и в конце концов приживается там, привыкает. Таким образом, он отказывается от своей роли и поощряет законность пребывания ребенка в материнской постели. И постепенно перестает служить для ребенка примером, моделью для будущей жизни. И вот при равнодушном отце и не в меру заботливой матери ребенок постепенно убеждается, что играет самую важную роль. Он быстро понимает, что мама не может без него обойтись, он слышит, как она шепчет ему на ушко: «Какое счастье, что у меня есть ты...» Продолжение всем известно: роли меняются, сын становится главным. В истории со школьной фобией, как мы видим, именно он правит бал.

Однако ребенок, который отказывается ходить в школу, часто вполне соответствует норме. У него нет заметных неврологических или психологических проблем. Такой домосед, привязанный к своему жилищу, где у него множество мелких привычек. Он робок, противится изменениям, ему недостает уверенности в себе. Он, как правило, умен и даже может быть одаренным ребенком — так что школа вдобавок может быть для него не особенно привлекательна. Она не дает ему ничего такого, что могло бы его удержать. Его мысли в другом месте — в данном случае дома, и он не особенно вкладывается в учебу.

Когда ребенок приезжает к нам в отделение, наша главная задача — чтобы он поскорее вернулся в школу. Чем больше мы мешаем — тем труднее будет примирение. И после двух-трех месяцев непосещения возвращение уже практически немыслимо. Ведь ребенок уже полностью понял все преимущества такой ситуации. Во-первых, куча маленьких второстепенных радостей — типа поваляться в кровати по утрам, не писать контрольных, не получать плохих отметок. К тому же когда ребенок не охвачен школьным процессом, укрепляется патологическая связь между матерью и сыном, их взаимная зависимость растет и возвращение в школу — единственная возможность не допустить, чтобы эти отношения «закапсулировались».

Прежде всего мы назначаем психологическую поддержку для ребенка и для всей семьи.

Можно добавить к этому еще сироп-анксиолитик, то есть подавляющий тревожность, чтобы ребенок лучше спал и просыпался не в таком подавленном настроении. Но чаще всего ничто, увы, не помогает. Ведь мы имеем дело не с простой прихотью, не с капризом. Несколько раз появившись у нас, ребенок объясняет, что он все понял, что он готов вернуться в школу и с понедельника начать новую жизнь. Но — ничего не поделаешь... «Это» сильнее его. В понедельник он опять в истерике. И он пытается оправдываться: учитель слишком строгий... голова болит... лучший друг ушел в другую школу... и сам уверен притом, что все это чистая правда!

Школьная фобия весьма любопытна с точки зрения психолога, такие дети обычно очень трогательны и милы. Они чувствительны, развиты, общительны, покладисты и сговорчивы во время консультаций. Чувствуется, что они совершенно искренни, когда клянутся, что вернутся в школу. Но что-то ускользает от их понимания: природа той таинственной и могучей силы, которая раз от разу возвращает их домой к маме и папе. И тогда мы принимаем неизбежное решение.

Разлука

Это очень болезненный момент. Своего рода шоковая терапия, которую никто из нашей команды не любит, но она — единственное средство спасти ребят из каждодневного кошмара. Итак, госпитализация. Еще ведь надо и родителей уговорить! А теперь вообразите себе сцену расставания: она ужасна. Ребенок орет, как резаный: «Не бросайте меня!.. Я пойду завтра!.. Клянусь чем угодно!...» Наш долг — проявить стойкость. Родители уходят, малыш горько рыдает. Мы можем выдержать эту трагедию лишь потому, что знаем ее наизусть. Пройдут минуты горя — и ребенок успокоится и направится в игровую знакомиться с новыми приятелями. Контраст очень заметен. И вполне объясним. Мы вынудили его, обязали оставаться здесь, у него нет выбора. Он не может винить себя: «Я злой мальчик, я бросил маму». В этом и заключается вся разница: мы сняли с него груз ответственности за разлуку. То, что не может сделать школа, позволяет совершить авторитет и власть белых халатов.

Успокоить его и обнадеежить

Конечно, в течение тех дней, которые ребенок проведет у нас, с ним будут случаться приступы тоски, ему не раз остро захочется домой. Но он не сделает этого. Мы специальным образом распределяем роли в команде, чтобы его постоянно кто-то мог подбодрить и успокоить. Врач проводит с ним беседы, воспитательницы и медсестры провожают его на занятия и даже, если надо, убаюкивают его по вечерам. Главное лечение состоит в интенсивной психотерапии, задача которой — определить источник тревожности ребенка и помочь ему сформулировать свои опасения. День ото дня становится ясней, что ребенок мобилизует свои внутренние силы, «собирается» — еще и благодаря отношениям, возникшим с «новой семьей» — малышами, госпитализированными, как и он. Ему необходимо убедиться, что он способен жить без родителей. Он ведет в отделении жизнь, максимально приближенную к нормальной, которая в том числе включает школьные занятия. И с радостью замечаем: ничего ужасного не происходит, он охотно посещает два часа послеобеденных занятий. И ему даже нравится!

Параллельно мы раз в неделю встречаемся с родителями, чтобы понять, что с ними в это время происходит и попробовать помочь им пережить расставание. Надо сказать, как бы ни грустно им было в вынужденной изоляции, никто ни разу не потребовал забрать ребенка. Они доверяют нам, хотя сами страдают. И это тоже своего рода признание их бессилия перед лицом сложившейся ситуации. Они чувствуют, что им самим не справиться.

Лечение расставанием длится несколько недель. И порядок нарушать нельзя: сначала обмен письмами, потом телефонный звонок, потом встреча с родителями и наконец разрешение провести дома выходные. Только после этого возможно рассмотреть вопрос о возвращении домой; решение принимается на общем собрании всей команды. Иногда

ребенок прямо из больницы отправляется в школу. Таким образом, мы помогаем ему пройти первый шаг, понять, что все возможно, что он действительно может «с завтрашнего дня начать новую жизнь». Но иногда мы терпим поражение. И тогда нам приходится посоветовать родителям школу-интернат. Там болезненные расставания будут происходить только раз в неделю, по понедельникам, ежедневные приходы домой и следующие за ними уходы не будут его будоражить. И со временем он привыкнет, научится жить для себя, поймет, что неплохо иметь друзей, какой-то свой мир. И школа — тоже часть этого мира.

Если ребенок отказывается от школы, потому что боится уйти из дома — это патология, сложная и достаточно опасная. Лечение тоже должно быть серьезным, все следует поставить на карту, чтобы избежать аффективного и социального упадка, в котором ребенок может надолго замкнуться. Нужно спасти его от подстерегающей опасности, ведь в развитии каждой личности школа играет очень важную роль. Именно школа ведет личность к автономии и учит преобразовывать опыт. Учит старательно и просто — как это сделал Поль Ле Ген, тренер, который во время Олимпийских игр в Лионе дал своим игрокам возможность проявиться и выложиться на полную мощность.

Лион, 3 июля 1988 года: всегда в это верить!

Мяч взвивается в свинцовое знойное небо. В метре от земли я ныряю рыбкой и головой отправляю мяч в верхний угол ворот. Невероятно, великий вратарь Роттердамской сборной пропускает мяч! Мы сравниваем счет.

Всемирные Олимпийские игры врачей. Ежегодно врачи всего мира соревнуются в разных видах спорта. Самые сильные футбольные команды — у голландцев и итальянцев. Наша команда — не из самых лучших. Предыдущая команда, с которой я ездил в Монреаль, а потом в Гераклион, была намного сильнее. Но когда соревнования проходят в нашем родном городе, происходит вообще непонятно что! Команда была собрана с бору по сосенке, играла тяп-ляп. Матчи проходили в промежутках между консультациями. Некоторые игроки опаздывали, иногда приходили без бутсов. Это надо было видеть!

И тем не менее тот день научил меня большому, чем множество книг. Школа жизни, одним словом.

В прыжке забить гол головой — я мечтал об этом тридцать лет! Тысячу раз пытался, и тысячу раз не получалось. До того момента пока Сами, молодой интерн, которого я взял в команду в последний момент, совершенно наудачу, потому что он внешне был похож на Сержа Кьеза³⁹, не вышел на правое крыло и не выдал великолепный удар в центр, и этим позволил мне совершить маленькое чудо.

В таких случаях главное — не задумываться, не планировать свои действия. Как только начинает действовать кора головного мозга, в дело вступают слишком много связей, и движения становятся неуклюжими. Надо действовать, не размышляя: автоматическая реакция окажется быстрее продуманной команды. В конце концов это те же советы, которые я даю детям «дис»! Если годы занятий медициной не вылечили моей детской неуклюжести в движениях, они научили меня осознавать и понимать ее, чтобы суметь с ней справиться. И найти стратегию, чтобы выровнять движения. Не отступать. Научиться жить вместе со своим недостатком, трансформировать свой опыт. Урок жизни, который я постоянно передаю своим маленьким пациентам.

Я так мечтал о подобном пасае в центр, Сами дал его и открыл для меня врата рая... Голландский вратарь ошеломленно смотрел на меня, сидя на траве. Я был готов извиняться. Честное слово, я сделал это не нарочно.

³⁹ Игрок знаменитой футбольной команды «Лион Олимпик».

Дорога к выздоровлению: какими путями...

Но вы же не собираетесь пичкать ребенка наркотиками!

Анксиолитик, антидепрессант... эти слова внушают страх. А уж применительно к детям... даже сказать страшно! Полемика привлекает свои войска, протестующие против всего на свете, пресса подливает масла в огонь, и все забывают, что существует некий Эдгар или некая Хлоя, которые выздоровели благодаря одному из этих всеми хулимым психотропных препаратов. И каждый вылеченный ребенок — победа над горем и страданием. Поэтому бессмысленно говорить решительное «да» или столь же решительное «нет» медикаментозному лечению. Не нужно быть ни за, ни против: нужно разбираться в сути вопроса. Короче говоря, нужно избегать предвзятого взгляда на достаточно серьезную проблему — и не бояться говорить о ней.

Потому что она того заслуживает.

Настоятельная необходимость

В этой области полно всяческих недоразумений и разнообразных парадоксов. Начнем с того, как назначают лекарства. По сути дела, кто назначает психотропные препараты, заклеенные педопсихиатрами? Да педиатры и терапевты! Правда, прописывают их в малых дозах. Но эта тенденция возникла уже давно. Она продиктована настоящей необходимостью.

В 2003 году в парижском регионе было проведено социологическое исследование: оно показало, что каждый восьмой ребенок испытывает психологические проблемы. Это тревожная статистика, и первыми ее готовы подтвердить педиатры, которые первыми сталкиваются с такими проявлениями. Причем их подготовка недостаточна, чтобы справиться с подобными патологиями, и они все больше прибегают к помощи детской психиатрии. Наша команда регулярно читает две-три вводные лекции в неделю в порядке курсов повышения квалификации для таких врачей — это сделано по их собственному настоянию. Педиатры съезжаются со всех концов Франции. Наиболее часто задаваемые вопросы: «Как распознать детскую депрессию; как помочь родителям, чьи дети хронически не успевают в школе; как воспитывать ребенка с нестабильной психикой; как помочь развитию не по годам ребенку».

Эти встречи кажутся нам в настоящее время необыкновенно важными для развития современной детской психиатрии. Наши коллеги — школьные и домашние врачи — играют все более важную роль в наблюдении и лечении наших маленьких пациентов. Потому что их задача — не просто обнаружить расстройство и сообщить нам о нем. Они — бесценные союзники в проведении семейной терапии. А в случае, если назначено медикаментозное лечение, именно они могут предупредить нас о неожиданной реакции на препарат или его неэффективности для данного конкретного ребенка.

Боль бывает и душевная

Несмотря на то, что психических патологий становится все больше, медикаментозное лечение остается запретной темой. В чем же причина такого панического страха перед психотропными лекарствами, если убедительно доказано, что их умеренное употребление у взрослых пациентов улучшает качество жизни? Почему ребенок не имеет на это права, раз уж ему поставлен серьезный, неприятный диагноз? Вспомним, что в 1937 году Чарльз Брэдли опубликовал исследование о воздействии амфетаминов на возбудимых детей! Спустя семьдесят лет наступил регресс? Зачем же теперь лишать ребенка возможности лечения в тот момент, когда при лечении в условиях больницы врачи могут облегчить его душевную боль? Ведь душевная боль существует — мы, доктора, каждый день сталкиваемся с ней. К чему же тогда говорить «нет» препаратам, если они применяются в умеренных дозах и под наблюдением врача? Чтобы объяснить эту тупиковую ситуацию, проведем небольшой

экскурс в историю.

Некоторое время назад, в шестидесятые годы, считалось непристойным воспринимать ребенка как носителя душевного расстройства. Преобладавшие тогда концепции базировались на психо-динамическом подходе: суть проблемы таится в окружении ребенка или в его прошлом. Это означало, что всегда в конце концов дело в матери и она ответственна за все. Ну, иногда отец... В общем, у детей проблем особенных нет, просто у них родители с проблемами! И в тот момент сторонники применения лекарств стали слегка презрительно трактоваться как «ретрограды, не желающие смотреть в корень проблемы».

Эта «манихейская» позиция опиралась на идеологические и революционные идеи того времени — отражение конфликтов, сотрясающих общественные науки. Вспомним в семидесятые годы телепередачи, в которых один из родоначальников детского психоанализа Серж Лебовиси ожесточенно полемизировал с защитником «биологической», то есть рациональной психиатрии Пьером Дебрэй-Рицен. В эту эпоху гласность масс-медиа приняла невероятный размах, доходящий буквально до абсурда, и смущала умы, путая несчастных телезрителей и особенно родителей проблемных детей. Чаще прочего споры крутились вокруг аутизма, который тогда был основной причиной идеологического раскола.

Попавшие в водоворот страстей французские студенты-медики, обучавшиеся на психиатров, совершенно потеряли головы и вопрошали себя, правильно ли выбрали профессию. Во время нашей интернатуры мы то на год погружались в глубины чистого и ничем не замутненного психоанализа, то безо всякого перехода инициативу на следующий год перехватывали сторонники «нейробиологической» теории. От такого легко мог помутиться разум бедного студента. В результате самые стойкие из нас выбрали третий путь — использовать преимущества обеих методов, не впадая в крайности.

Противоречия позволяют двигаться вперед

По счастью, этот метод, самый гибкий и благоприятный для исследований, постепенно стал развиваться. И педиатрия сполна пользовалась его преимуществами. Поскольку она, как все «не-точные» науки, развивается во многом за счет своих противоречий. Двадцать лет назад нас учили, что грудничка в колыбели надо класть исключительно на животик. Пока несколько случаев так называемой «внезапной смерти младенцев» не заставили нас срочно перевернуть малышей. А что говорить о тех несчастных детях, которые парились на пляже, не сводя глаз с циферблата: ожидали, пока наконец не истекнут три обязательных часа между едой и купанием! С этим, к счастью, покончено...

Не стоит забывать, что детская психиатрия — молодая наука, которая при этом должна постоянно подлаживаться под социологические изменения. Слава богу, трещины в теории потихонечку затягиваются. Я сам слышал, как один коллега, последователь Бруно Беттельгейма и теории «патогенной роли матери», на своем выступлении объявил, что аутизм может явиться следствием неврологического заболевания! Мы больше не говорим об аутизме, но о разных формах аутизма, и многие недавние исследования доказывают даже возможность генетического происхождения некоторых из форм⁴⁰.

«Ментальное» лечится, как и все тело

В то же время, когда и поулеглись противоречия, мы начали лучше понимать природу деятельности мозга. Благодаря появлению разнообразных «нейронаук» произошла маленькая революция в области болезней нервной системы. Было признано, что «ментальная сфера» так же поддается исследованию, как и все остальное тело. Новые поколения психиатров пользуются результатами этих исследований и осмеливаются осторожно применять в детской психиатрии некоторые разработки, показавшие свою эффективность для взрослых.

⁴⁰ Особенно работы Арнольда Мюниша, французского генетики и исследователя.

Таковы применение когнитивной, поведенческой и ментальной терапии⁴¹ и использование психотропных препаратов. И тем больше, чем больше традиционная педопсихиатрия показывает ограниченность своих возможностей для лечения таких расстройств, как гиперактивность, тревожность или аддиктивное поведение (подростковые алкоголизм и наркомания). Именно эта ограниченность заставляет врачей-практиков искать новые подходы — более действенные. В том числе и медикаментозное лечение.

Эволюция в этой области была долгой. Еще двадцать лет назад педопсихиатры, в особенности практикующие в лечебных заведениях, опасались назначать детям психотропные препараты. Они старались разнообразить и совершенствовать психотерапевтические подходы, используя индивидуальную психотерапию, метод психодрамы⁴² и семейную психотерапию. Редкие случаи назначения препаратов — в особо тяжелых случаях, только «трудным» детям (то есть неуправляемым и непокорным), обязательно при госпитализации маленького пациента. Решение принималось при общем сборе всех специалистов и с большим количеством предосторожностей идеологического плана.

Что до нарушений сна, известных с начала времен, они редко заслуживали тогда назначения успокоительного лекарства, и родители бессильно наблюдали, как ребенок часами лежит в постели, уставившись в черный экран ночи.

Прогресс в фармацевтике

Сейчас ситуация изменилась — в связи с появлением некоторых психотропных препаратов, роль которых в лечении уже невозможно игнорировать. Особенно в случаях навязчивых состояний, личностных нарушений и гиперактивности. Сейчас медики достигли консенсуса во взгляде на позитивный эффект некоторых лекарств, естественно, при условии, что прописаны они будут после установления точного — и серьезного — диагноза. В остальных случаях, если лечение сразу не подействует — это знак, что диагноз поставлен неверно.

Терапевтический арсенал обогатился за счет продуктов, действие которых имеет все более и более узконаправленный характер. И при этом они не вызывают у детей побочных эффектов, дети хорошо их переносят.

В двадцатом веке на свет явились нейролептики, которые используют для лечения психозов и нервных тиков. Препараты последнего поколения этой группы успешно прописывались детям с повышенной тревожностью, возбудимым или агрессивным. Особенно эффективен последний из разработанных препаратов. Его можно применять с пятилетнего возраста, в малых дозах, он снижает агрессивность и возбуждение. Его появление должно ближайшие годы заметно повысить эффективность лечения «пограничных» или, как их еще называют, «дисгармоничных» детей. В докладе Inserm в сентябре 2005 года было одобрено использование этого препарата в случаях, если для детей с диагнозом «расстройства поведения» психотерапевтическое лечение оказалось неэффективным.

«Древние» антидепрессанты, пугавшие всех своей токсичностью, сейчас практически не назначаются — если только в случаях детского энуреза. Но этот симптом, видимо, скоро покинет зону внимания педопсихиатров, поскольку с некоторых пор практически доказано, что ночное недержание является следствием излишней чувствительности сфинктера, а психологическим расстройством при этом не сопровождается. Лечить такой безобидный

⁴¹ Когнитивно-поведенческая терапия: методики, исправляющие патологические модели поведения (см. глоссарий).

⁴² Психодрама: игра, позволяющая детям разыграть эпизоды из реальной жизни или придумать воображаемые истории, анализ которых выявит забытые воспоминания и впечатления (см. глоссарий).

симптом даже малыми дозами серьезных препаратов нам не представляется целесообразным.

Зато появление антидепрессантов нового поколения, так называемых СИОЗС⁴³, которые практически не имеют побочных эффектов, значительно изменило подход к лечению тревожных и депрессивных состояний. В случае детской депрессии результаты наступают очень быстро, так что можно прекратить лечение гораздо быстрее, чем у взрослого пациента. Поскольку изменение поведение ребенка быстро примиряет его с родителями и с семьей, получается «зеркальный эффект». Как только меняется ребенок, меняется и отношение к нему, и ему начинает нравиться вести себя прилично. Путь проложен. Лекарство просто сыграло свою роль катализатора, запускающего новую динамику поведения.

Когда кажется, что ничего нельзя сделать

Десятилетний Эдгар горько и безутешно рыдает. Его родители развелись полгода назад, и он безутешен. Он даже отказывается от еды и не желает ходить в школу. А когда ходит — оценки такие, что страх берет. И ничего больше в мире его не интересует: «Я отдам все мои подарки на Рождество, лишь бы папа с мамой снова были вместе...» Применяют психотерапию. Он занимается без энтузиазма. И часто молчит на протяжении всего сеанса. Кажется, ничего нельзя сделать.

Лечение 50-ю миллиграммами антидепрессанта за две недели пробуждает в нем тягу к общению. И он объясняет, что этот развод, которого он давно с ужасом ожидал, заставляет его думать о всяких ужасных вещах. В частности, что он оказался неспособным помешать расставанию родителей. Мучимый чувством вины, он не может больше ни о чем ни думать, ни говорить. А уж тем более учиться.

Лечение прекращено через три месяца. Эдгар теперь с нетерпением ждет каждого нового занятия с психотерапевтом. «Я хочу понять, мне нужно понять...»

С антитревожными препаратами (анксиолитиками) перспектива пока не такая радужная. Появилось не так много новых препаратов. Тем более что сейчас все боятся привыкания. Единственное лекарство, в форме сиропа, действительно эффективно в борьбе с вечерним беспокойством, мешающим уснуть. Он также эффективен для одаренных детей, раздираемых множеством мучительных вопросов.

Успокоенные родители способны успокоить

После того, как их квартиру на Рождество ограбили, восьмилетняя Хлоя стала плохо засыпать: она ворочается до 11 часов ночи, изнуряя маму разнообразными ритуалами: дверь держать полуоткрытой, обязательно зажечь ночник, стакан воды на столике у изголовья... Не говоря уже о бесчисленных и бесконечных «Ну, еще одну сказку...» Попытки родителей ее успокоить, угрозы наказания, психологические консультации, ничто, казалось, не может унять этой вечерней тревоги. Постепенно, месяц за месяцем, атмосфера в доме накаляется. А тут еще учительница звонит и жалуется: «Хлоя спит на первых уроках. Она может остаться на второй год».

Хлое прописан сироп-анксиолитик, и сон ее налаживается. И распадается порочный круг. Процесс укладывания перестает быть причиной стресса для всей семьи; мирно спящий по вечерам ребенок — какое облегчение. Успокоенные родители наконец сами способны успокоить. Лечение продолжалось всего неделю, и больше в нем никогда не возникало нужды.

И наконец, самые хулимые из всех психотропных препаратов — психостимуляторы⁴⁴,

⁴³ Селективные ингибиторы обратного обмена серотонина.

⁴⁴ Психостимуляторы: лекарства, повышающие внимание (см. глоссарий).

одно название которых вызывает ожесточенные споры. Эти лекарства⁴⁵ стимулируют внимание и концентрацию и применяются у детей, которые демонстрируют постоянную психомоторную нестабильность, мешающую им в обучении и социальной жизни. Мы принимаем решение о назначении такого препарата после не менее чем двухдневного пребывания в клинике и проведения целой серии обследований: осмотр педиатра, электроэнцефалограмма, нейропсихологические тесты и оценка душевного состояния ребенка. В этой области очень эффективным подспорьем может быть гомеопатическое лечение, и его обычно благоприятно воспринимают родители. Хорошо также действуют препараты железа, последние исследования свидетельствуют об их положительном эффекте в некоторых случаях.

Совершенствование методов оценки

Самое важное — научиться правильно применять эти новые методы лечения. Большой прогресс достигнут за последние годы в методах оценки и диагностики заболеваний, особенно интересны в этой области американские исследования. Новые инструменты оценки позволяют лучше определять характер патологии, исключив лечение вслепую, и более объективно оценивать состояние маленького пациента после лечения. Разнообразные шкалы и тесты, которые проходят ребенок и его близкие, способны адекватно оценить настроение и поведение. Однако французские педопсихиатры используют их недостаточно.

Несмотря на эволюцию общественного мнения и технологический прогресс, отношение к лекарствам остается резко отрицательным. Некоторые родители, даже самые измученные и разочарованные, тем не менее возмущаются: «Но вы же не собираетесь пичкать моего ребенка наркотиками!»

И полемика не утихает. Особенно вокруг пресловутого Риталина, используемого против гиперактивности, который тем не менее известен с 1937 года, и в огромном количестве американских публикаций доказана его эффективность. Такие газеты, как «Монд», регулярно публикуют протесты педопсихиатров против «атлантических веяний». И тем самым сеют недоверие и панику в головах родителей. В результате появляется чисто французская тенденция — предпочтительным становится поиск истоков заболевания и как следствие психотерапия. Мы отдаем должное психотерапии и активно используем ее в лечении — но в некоторых случаях она, увы, недостаточна. И многие дети продолжают страдать. Жаль, что многие медики забывают, что наша главная задача — облегчать страдания.

Проблема исследований лекарств для детей

Вторая причина недоверия к психотропным препаратам заключается в малом количестве достойных исследовательских публикаций в области педопсихиатрии. Действительно, фармацевтические лаборатории неохотно берутся за исследования действия лекарств на детей. Все эксперименты в этой области долгое время были чуть ли не засекречены. По многим соображениям.

Эти исследования очень сложны. Метаболизм ребенка гораздо быстрее, чем у взрослого, поэтому дозы приходится делить и соотносить с весом. А никаких жестких правил для этого пока не установлено. К этому прибавляется этическая проблема. По каким критериям мы можем точно оценить, что ребенок хорошо понял цели эксперимента, в которой будет принимать участие. Тут необходимо «осознанное согласие», а как проверить его серьезность у ребенка? К тому же огромное количество неполных и разведенных семей осложняют процедуру получения одновременного согласия отца и матери. Не говоря уже о ситуациях, где за ребенка идет непримиримая борьба. Дополнительное препятствие —

⁴⁵ Метилфенидат, в продаже под названием Риталин, таблетки 10 мг, действие 4 часа или Concerta L.P. (длительного действия, действие поддерживается 12 часов и его можно принимать один раз в день).

недостаток информации о возможных эффектах лекарства в будущем. Что мы можем ответить родителям о новом лекарстве, если мы не знаем, каков его долгосрочный эффект?

Борьба против «панацей»

Лекарство не может решить все проблемы ребенка. Психологическая поддержка и рекомендации, которые даются семье, очень важны для выздоровления. Но когда симптом становится причиной тяжелого состояния, не позволяющего ребенку приобрести внутреннюю самостоятельность и мешающего отношениям с близкими, обществом, школой — будет ошибкой, если врачи проигнорируют возможность медикаментозного вмешательства. При таком подходе лекарство окажется лишь одним звеном в цепочке мер, предпринятых для лечения. Оно должно занимать свое место — и не более того — в общем арсенале медиков, который стал сейчас весьма богат.

Золотое правило медика — прежде всего оценить степень страдания ребенка и понять, как на это реагируют его родители. Далее, установить диагноз, начать лечение у психолога, и уже потом — если понадобится! — прописать лекарство.

Таким образом споры на тему «понять или прописать» — абсурдны и бессмысленны. Реален один лишь путь, вобравший в себя все направления: «понять, проследить, *и потом, если надо* , прописать».

Цели и средства оценки

Для чего нужен тест на IQ

Сам по себе Интеллектуальный Коэффициент мало о чем говорит. Отзывы в прессе — хуже некуда. Особенно его недолюбливают учителя, которые считают, что тест слишком много значения придает врожденным способностям и исключает возможность прогресса для детей. Тем не менее этот объявленный политически некорректным IQ нам абсолютно необходим. Он представляет собой серию вопросов, которые могут повернуть в нужном направлении наши клинические исследования и качественный анализ. Если включить его в общую цепь диагностики, он станет одним из важных инструментов, необходимым, чтобы достаточно точно очертить параметры проблемы, явившейся первопричиной неуспеваемости. Он помогает также измерить воздействие неврологического заболевания на обучение.

Наиболее распространенный и общепринятый тест для детей и подростков от 6 до 17 лет — WISC (Шкала интеллекта Векслера для детей), последняя версия которого появилась во Франции в 2005 году под названием WISC IV. Эта шкала оценки тех знаний, навыков и способностей, которые ребенок хочет продемонстрировать нам в данный момент. В нем, соответственно могут быть «ложноотрицательные» результаты, полученные у тех детей, которые не включились в игру как следует — по причине невнимательности, усталости, недоверия или упрямства. В этом случае оценка результата окажется преуменьшена. Зато не может произойти обратного: «ложноположительных» результатов быть не может, ребенок не может симулировать способности, которых у него нет⁴⁶.

Сразу же мы должны отрешиться от общей цифры. Все наше внимание — расхождение в результатах тестов разных функций. Этот метод систематического сопоставления разных видов заданий весьма надежен и познавателен. Он позволяет нам один за другим исследовать все элементы, составляющие общие способности ребенка. Получается нечто вроде паззла, который нам надо собрать, определив роль и место каждой детали. Разнообразные области способностей ребенка отражают его слабые и сильные стороны и в совокупности составляют его интеллектуальный капитал, которым он пользуется, чтобы «учиться, понимать и

⁴⁶ В. Аллен: «Умному человеку гораздо проще изобразить идиота, чем наоборот».

адаптироваться»⁴⁷

Оценка интеллектуальных способностей — прерогатива психологов, только они могут правильно организовать проведение и расшифровать ответы. Профессионалы регулярно предупреждают о неумелом и случайном использовании результатов теста на IQ. Мы под этим подписываемся обеими руками. Не нужно сравнивать оценку интеллектуальных способностей с обычным обследованием вроде рентгена или электроэнцефалограммы. Цифры IQ нельзя трактовать без учета глобального анализа личности и организма ребенка, условий прохождения теста, истории маленького пациента и его семьи. Вырванный из контекста и лишенный комментариев профессионала, проводившего тест, этот результат теряет смысл. Более того, он может даже привести к пагубному для ребенка заблуждению. Заблуждению опасному, поскольку на ребенка навешивается совершенно бессмысленный ярлык. А если он неосторожно станет достоянием гласности, это может катастрофически занижить самооценку ребенка и негативно повлиять на отношение к нему в школе. По сути дела повсеместное неумелое использование IQ может исказить смысл теста и увлечь множество родителей на неверный путь — и все это под предлогом научного просвещения масс.

Именно поэтому мы не раскрываем секрет последней версии IQ (WISC IV). Зато мы опишем несколько заданий из прежней версии (WISC III), дабы проиллюстрировать некоторые ситуации, описанные в первых главах книги. Мы увидим, что если цифры, представленные тестом, могут ориентировать врачей при постановке диагноза, это всего лишь один из показателей, которые должны рассматриваться вкуче с результатами других психо-аффективных обследований ребенка.

Ребята проходят WISC III примерно за полтора часа. Там выявляется два вида способностей. Ребенок с одной стороны должен использовать свои «вербальные» компетенции (вербальный IQ), имеющие отношение к речи и языку, и компетенции «исполнения», которые требуют применения практического ума. В тесте вербальные и невербальные задания чередуются. Обе серии результатов потом сопоставляются. Вот перед вами — для примера — сборный вариант теста.

Оценка вербальных способностей включает шесть групп заданий.

1. Информация

В этой части оцениваются общие знания по результатам ответов на вопросы типа⁴⁸:

— Сколько всего континентов?

— Кто написал «20 тысяч лье под водой»?

Эта группа вопросов многое говорит о семейных и социальных отношениях ребенка. Ответы позволяют убедиться, занимаются ли с ребенком домашние и близкие. Ведь источником знаний может быть не только школа, они зависят и от любопытства ребенка, долгосрочной памяти, способности ориентироваться во времени.

Эта часть теста особенно трудна для дисфатиков, которым трудно «найти слова», и для «заброшенных» детей. Полученный результат не дает представления об интеллекте ребенка, но скорее о способности к обучению и степени открытости для внешнего мира.

2. Арифметика

Это маленькие задачки, усложняющиеся по ходу теста, которые нужно решить в уме.

«Поезд с начальной скоростью 200 км в час отправился в 8 часов, он должен проехать

⁴⁷ Альфред Бине, психолог «Интеллект: что же я знаю».

⁴⁸ Вопросы не взяты из реального теста, а придуманы аналогичные — в целях сохранения конфиденциальности авторов теста. Это касается всех заданий.

500 км, но авария заставила его на 15 минут остановиться, и с тех пор он ехал со скоростью 100 км в час. На сколько он опоздает?» И так далее.

Естественно, сложность корректируется в соответствии с возрастом. Условия самых сложных задач ребенок прочитывает сам, решение ограничено по времени и это — дополнительный фактор стресса. Здесь оцениваются способность сосредоточиться, внимание (все данные нужно удержать в памяти), возможность решать в уме и способность к рассуждению.

Чаще всего это задание не получается у гиперактивных детей из-за недостатка внимания, у одаренных детей, которые считают, что это «легкотня» и «школьное занудство» и у дислексиков (им трудно прочитать условие).

3. Сходство предметов

Ребенка просят определить черты сходства у двух объектов.

— Птица и самолет?

— Радио и телевизор?

И так далее — от простого к сложному.

Здесь проверяется концептуализация (способность к синтезу), абстрактное мышление (возможность отделить объект от привычного о нем представления), способность мыслить по аналогии. Ответы ребенка не зависят от школы и социального окружения. По сути дела, этому не учат ни в школе, ни дома, так что именно в таких вопросах проверяется интеллект и способность мыслить зрело. Одаренные дети любят такие вопросы и всегда спрашивают: «А еще таких нет?»

Умственно отсталые дети теряются на таких вопросах, они не видят связи между вещами. Дети с неврологическими проблемами слишком долго раздумывают. Зато дисфатики с этими вопросами справляются гораздо успешней, чем с прочими вербальными заданиями — тут действует только их интеллект. И они могут отвечать кратко, что гораздо легче для них.

4. Понимание

Ребенок должен ответить на вопросы, которые касаются решения бытовых или социальных проблем:

— Почему магазины закрываются в воскресенье?

— Почему за стоянку надо платить?

Это задание проверяет здравый смысл, интеллект и социальную адаптацию. В отличие от предыдущего. Оно связано с воспитанием и образом жизни. Но независимо от школьных знаний.

Ответить на такие вопросы обычно трудно дисфатикам (нарушена фразовая речь), детям, недостаточно социально адаптированным и дисгармоничным детям, живущим в мире иллюзий.

5. Словарный запас

Нужно подобрать определение словам, которые читает ребенок: «улитка», «ограничить», «еженедельник». Оцениваются умение формулировать, способность к общению, тяга к знаниям.

Это как раз очень «школьное» задание, но его результаты зависят и от семейного воспитания, от доступа к средствам массовой информации и любви к чтению. Сразу становится ясно, много ли ребенок читает. Обычно это задание не удается дисфатикам и умственно отсталым детям, но и они, если с ними много занимались, способны с ним справиться.

6. Память на цифры

Повторять ряд цифр в прямом и обратном порядке.

«4-5-2-9...» — серии цифр, количество которых зависит от возраста ребенка: для подростков их число доходит до семи. Это задание на внимание, концентрацию и быструю память. Повторять с конца ряд цифр не так-то легко: нужно иметь развитое воображение и уметь удерживать мысленные образы. Слегка затрагиваются также возбудимость и выносливость.

Гиперактивные дети обычно проваливают это задания. Дети с неврологическими нарушениями — особенно с эпилепсией — тоже. И «одаренные», кстати, не особенно блещут, им просто не интересно.

Общую цифру, полученную в результате выполнения вербальных тестов, запоминать нет смысла. Нас больше волнуют расхождения в результатах. Каждое задание оценивается по 19-балльной системе. Одаренный ребенок может получить 19 по заданиям на сходство и на понимание, но зато память на цифры и арифметические вопросы не заслужат более 5–6. Последние два задания провалит и гиперактивный ребенок — но в остальном он тоже может оказаться на высоте. Важно также отметить, что индикаторы неуспеваемости в школе тревожно загораются во время тестов на владение информацией, на словарный запас и на цифровую память.

Оценка способностей к «исполнению» также проходит в шесть этапов.

1. Дополнить картинку

Ребенок должен назвать или показать деталь, которой не хватает на картинке.

— удочка без крючка

— футбольный матч без мяча и так далее

Выполнение задания ограничено по времени. Оцениваются визуальный анализ, внимание к деталям, привязанность к реальности и конкретность мышления.

Как правило, это задание трудно выполнить детям с депрессией, тревожным или страдающим фобиями. Зато дисфатикки выполняют его отлично: можно же ничего не говорить. Достаточно показать. Дисгармоничные дети с их вниманием к испорченным или несовершенным предметам тоже хорошо справляются с этим заданием.

2. Коды

Цель теста — написать символы, соответствующие цифрам. Предлагается список цифр, для которых нужно указать нужные символы: «& = 1, \$ = 2, + = 3, № = 4...»

В этом задании на первый план выходит способность к визуальному поиску, а также умение графически воспроизводить знаки, внимание, концентрация, быстрая память, умение координировать взгляд и движение руки. Это один из главных показателей способности к обучению и старательности в школе.

Для гиперактивных и одаренных детей этот тест — катастрофа. Дети с дисфазией справляются с ним хорошо. Дети с неврологическими нарушениями — плохо. Им мешает медлительность и отсутствие координации движений.

3. Выстроить картинки по порядку

В картинках, разложенных в беспорядке, представлена некая история. Необходимо выстроить картинки в соответствии с логической последовательностью событий за заданное время. Ребенок показывает свое умение понять ситуацию, координацию во времени и качество «внутренней речи».

Из всех заданий «на исполнение» именно это трудней всего дается детям с дисфазией. Ведь для того, чтобы восстановить историю, они должны ее проговорить, хотя бы и про себя. Труден этот тест и для детей с нарушениями временной координации.

4. Соединение объектов

Дети собирают на время пазл: кошка, дом, гитара... Задействованы координация во времени и пространстве, владение телом. Очень важна для этого задания и гибкость ума — возможность переделать, начать сначала, если не получается.

Для гиперактивных детей и детей с диспраксией этот тест — непреодолимое препятствие. Плохо с ним справляются и дети с расстройствами психики: тест проявляет также и аффективную зрелость.

5. Кубики

Очень хитрый тест. В руках у ребенка — четыре двухцветных кубика, две грани у которых двухцветные. За ограниченное время ребенок должен воспроизвести в трех измерениях модель, которая ему предложена. Наша цель — определить координацию в пространстве, абстрактное мышление (как ребенок от конкретной картинки переходит к мысленному образу), способность к анализу и синтезу и интеллект. Это задание эквивалентно вербальному тесту на поиски сходства.

Одаренные дети в этом тесте проявляют себя просто блестяще. Зато он совсем удаётся детям, плохо ориентирующимся в пространстве.

На этой стадии уже интересно будет заметить, какое расхождение может быть между результатами двух соседствующих заданий. Например, тест с кубиками и тест с пазлом могут давать у одного ребенка очень разный результат. Но если ребенок завалил оба этих теста — однозначно ясно, что у него проблемы с ориентацией в пространстве. А если ребенок не сумел составить пазл, но справился с кубиками — возможно, у него нарушена аффективная сфера (нарушения точности движений и уверенности в себе).

6. Символы

Найти нужный символ в группе. Перед ребенком несколько рисунков, которые ни о чем не говорят. В левой колонке — три символа, в правой — один. Вопрос: есть ли такой же символ, как ты видишь в колонке справа, среди тех, что в левой колонке? Выполняется на время.

Этот тест показывает нам, насколько у ребенка развито селективное внимание, не позволяющее отвлекаться на посторонние детали. Если копнуть глубже, он определяет координацию между видением и движением — она называется «визуально-двигательная координация»: вижу — действую после того, как расшифровал послание.

Рассеянными детям сложно выполнить этот тест. Труден он и дислексикам, у которых проблемы и с «прочтением» символа, и с вниманием. Так же как и в тесте с кодами, здесь важна способность к визуальному поиску, но отвечает ребенок, просто пометив нужный символ галочкой.

Сопоставление результатов теста на коды и на символы очень информативно. Если ребенок не справился ни с тем, ни с другим — проблема скорее всего во внимании. Если ребенок провалил тест на коды, но удачно выполнил задание на символы, значит, у него проблемы с начертанием знаков, письмом, он медлителен или у него недостаточна гибкость запястья.

7. Лабиринт

Нужно вывести маленького персонажа из лабиринта, внимательно посмотрев на картинку. Если ребенок начал, он уже не может возвращаться назад. Сделать это необходимо за заданное время.

Здесь проверяется прежде всего импульсивность, но вдобавок и графические навыки, почерк. А также умение планировать свои действия.

Гиперактивные дети в этом тесте обычно терпят фиаско: они набрасываются на рисунок, ошибаются и оказываются в том месте, откуда начали. Они неспособны рассчитывать, сосредотачиваться и контролировать свою импульсивность.

Психологи признают, что разные расстройства проявляются в тестах достаточно

закономерно. Есть некие постоянные показатели. В честности, детям с дефицитом внимания не удаются задания «коды», «символы», «арифметика» и «память на цифры». Дислексия проявляется в низких результатах тестов «арифметика», «коды», «информация» и «память на цифры». У детей с дисфазией общий результат вербальных тестов ниже, чем тестов на «исполнение», как минимум на 15 баллов. У ребят с диспраксией — ровно наоборот. Результаты «вербальных» заданий оказываются как минимум на 15 баллов выше. Но — повторяю — эти правила не абсолютны, и общий итог подводится с учетом индивидуальных особенностей ребенка. На него должно накладываться еще и профессиональное впечатление психолога — как ведет себя ребенок во время испытаний — и он рассматривается в общем контексте истории болезни.

Оценка итогов теста на IQ, хотя и многое определяет, если проводится с учетом правила сопоставления результатов заданий, остается всего лишь оценкой, и ее еще не достаточно для постановки диагноза. Тем не менее она остается значительным подспорьем, она проливает новый свет на понимание характеров и проблем наших маленьких пациентов. А понять — значит помочь.

Другие технические средства

Нейропсихологическое обследование

Некоторые тесты позволяют специфическим образом оценивать такие функции мозга, как внимание, память, речь... Их осуществляют нейропсихологи, то есть психологи, выбравшие такую специализацию в процессе обучения.

Их назначают не всегда, а в случаях, когда нужно дополнить итоги теста на IQ, если они недостаточно показательны. Эти обследования очень помогают логопедам в случае, если занятия с ребенком оказываются неэффективными.

Нейропсихологическое обследование гиперактивных детей позволяет в некоторых случаях подтвердить, что причина возбуждения — дефицит внимания. Из предлагаемых тестов известны Stroop, Trail Making Test, цепь колокольчиков...

Обследование поведения

Такое обследование позволяет объективно оценить психологическое состояние ребенка.

Для этого используются шкалы и таблицы, которые заполняют родители и преподаватели; самые распространенные из них — шкалы Коннерса и Ахенбаха (Child Behaviour Check List).

Опросник Ахенбаха — длинный и сложный (113 вопросов), он предназначен для исследований, а редуцированная версия Коннерса проста в использовании и позволяет быстро выяснить основные проблемы ребенка. Отмечено, что результат больше 15 свидетельствует о том, что ребенок воспринимается человеком, заполняющим опросник, как гиперактивный. Сравнение ответов отца, матери и преподавателей предоставляет очень важные указания на происхождение гиперактивности. Если общая цифра, полученная в школе, выше, чем оценка родителей, речь идет о школьных трудностях или раннем развитии. Если, наоборот, ребенок нормально ведет себя в школе, но дома ходит на голове — это показатель нарушения нормальных отношений в семье. Одинаково высокие показатели у всех свидетельствуют о Синдроме Гиперактивности и Дефицита Внимания.

Сокращенный	опросник	Коннерса	для	детей	Имя
ребенка.....		Фамилия.....			Дата
рождения.....	Опросник заполнял (а):	мать	Отец	Оба	Число
	крестиком ответ, который вам больше подходит для описания ребенка (гиперактивен при				Пометьте
	результате более 15)	Вопрос	нет	немного	очень
					вероятно
					1. Возбужденный или чрезмерно
					активный
					2. Нервный, импульсивный
					3. Не способен закончить начатое, недолго удерживает
					внимание
					4. Не может сидеть спокойно
					5. Будоражит других детей
					6. Невнимателен,

рассеян⁷. Все его просьбы нужно немедленно удовлетворять; обидчив⁸. Легко и часто плачет⁹. Частые и выраженные смены настроения¹⁰. Вспышки гнева, взрывное, непредсказуемое поведение

Советы родителям и учителям⁴⁹: приемы, уловки, приспособления

Какими бы ни были школьные трудности ребенка, мы можем — более того, мы должны — найти какое-то решение. Прежде всего специальную помощь, характер которой определяется после ряда подробных и серьезных обследований: занятия с логопедом, сеансы психомоторной терапии, занятия с психологом. Но кроме этого родители и учитель должны незаметно и подспудно применять целый ряд педагогических приемов и хитростей — их можно применять в повседневной жизни безо всякого послабления. Чтобы облегчить жизнь и себе, и ребенку. Чтобы школа перестала быть источником забот и тревог, чтобы появилась надежда на взаимопонимание. Эти советы просты и эффективны.

Неуклюжий

Полю девять лет. Он забавный, милый шалун, как все дети. Но его рисунки невыразительны, он не может ровно писать, тетрадки его вечно грязные и рваные. Он не умеет как следует управляться с линейкой, ножницами, угольником, компасом. О геометрии даже и говорить не стоит! Ребенок страдает диспраксией. Так называют проблемы с управлением телом и координацией движений. Диспраксия также мешает писать, чертить, рисовать. И в школе начинаются трудности. Ему без конца пеняют его неуклюжестью, а он просто не может стать ловчей. Преподавателя следует предупредить об этом, чтобы он другими глазами взглянул бы на этого увальня и недотепу, который в старые времена то и дело получал бы линейкой по пальцам! Для такого ребенка подлинным маленьким чудом является компьютер, этот инструмент может изменить ему жизнь и позволит доказать, что вовсе он и не такой неловкий! Потому что при печатании на клавиатуре задействованы другие центры, оттого дети так легко учатся этому с малого возраста.

И в классе, и дома не стоит заикливать ребенка на его проблемах: вместо того, чтобы неумеренно хвалить малыша за весьма условные успехи в письме или рисунке, было бы предпочтительнее просто сменить сферу внимания и похвалить его разумность, рассудительность, развитую речь и логику. Не забывайте, что именно за счет устных заданий ему предстоит взять реванш! Свои немалые знания ему трудно будет показать во время письменных контрольных. Поэтому, учитывая его склонность к устному запоминанию орфографических правил, повторяйте ему слова по слогам. То же самое касается словообразования: устно выделяйте приставки и корни.

Первое время ему нужно по возможности избегать письма. Поэтому ему очень полезны будут упражнения типа «вставьте буквы»: тогда ему не придется тратить силы на копирование длинных и энергоемких для него фраз, но зато вы сможете проверить, что он усвоил орфографическое правило. Избавьте его от кошмара переписывания! Сделайте специально для него ксерокс текста, над которым придется работать, или отсканируйте его. И чтобы избежать пустых или заполненных нечитаемыми значками страниц дневника с заданиями на завтра, назначьте ему в классе «секретаря» из числа девочек-отличниц, которые с удовольствием заполнят ему дневник своим аккуратным почерком. Следить за содержанием его ответов и терпеть несовершенство формы — этот совет равно касается и родителей.

Непоседа

А вот у Райана с почерком все в порядке. Зато он не может усидеть на месте. Пусть поднимет руку тот преподаватель, у которого в классе никогда не было гиперактивного

⁴⁹ См. еще практические советы в Приложении 4 «Памятки для учителей».

ребенка! Пусть признаются те родители, которые устали повторять «Ну успокойся же!»

В этом случае бессмысленно изматывать себя попытками убедить ребенка, чтобы он сидел спокойно. Он неспособен это сделать. Виной тому дефицит внимания, который мешает сосредоточиться на одном каком-то деле и вынуждает перескакивать с предмета на предмет. Как же решить уравнение гиперактивность + х = учеба? Нужно терпеть некоторые — самые безобидные — бурные проявления ребенка. Условно говоря, приподнимать крышку сковородки, чтобы выпустить пар. Например, можно разрешить ему двигаться при выполнении задания, но не вставать при этом с места. В школьной столовой на перемене стоит быть к нему снисходительней, если он не вытворяет чего-то ужасного, а просто носится или ерзает: для него это желанная разрядка, если ее запретить — будет только хуже. Разрешите ему учить стихотворение, крутятся вокруг стола в кухне. Известно, что он не может удерживать внимание не больше пятнадцати-двадцати минут. Значит, разделите ему время работы на такие отрезки — в том числе и в школе. Перерыв десять минут — и снова за дело. И чтобы не подстегивать его вольнолюбивый разум к новым странствиям, для работы нужно сажать его в специальное место с минимумом внешних раздражителей: пустой, а не заваленный книжками стол, подальше от телевизора и компьютера, все материалы под рукой. И материалы должны быть минимально «отвлекающими»: следует избегать ластиков с человеком-пауком, точилок с Покемонами и тетрадей со сценами из «Звездных войн». А преподавателю необходимо сажать его на первую парту и периодически останавливать на нем свой взгляд.

Легкомысленный

Из-за своего недостатка внимания Райан делает множество глупых ошибок. Зато потом он плодит бесчисленные поправки, потому что способен сам заметить эти ошибки. Нужно позволить ему исправлять свои ошибки, пусть стирает или переписывает заново, но пусть делает правильно. Поэтому на контрольных ему нужно чуть больше времени, чем остальным. А чтобы он не чувствовал себя неудобно перед другими ребятами, давайте ему на один вопрос меньше за то же самое время. Пусть сделает меньше, но лучше.

И бесполезно его бесконечно упрекать, что он не следит на уроке, для него так естественно «впрыгивать в поезд на ходу»! Поэтому, чтобы убедиться, что он в данный момент мысленно с нами, нужно давать ему краткие напоминания по ходу урока. И если вы поняли, что он пропустил — не поленились объяснить ему еще раз. Если он не слушает, не думайте, что ему неинтересно, он и правда отвлекается не нарочно. Он просто болезненно рассеян. К его неорганизованности нужно относиться снисходительно, требование «собраться» ему не совсем понятно. Нужно научить его учиться, не ругая за забывчивость, а поощряя позитивные меры против рассеянности. Например, пусть регулярно делает список дел на завтра или перечень содержимого портфеля... так ему будет гораздо проще справиться с беспорядком!

Неспособен написать диктант

Беда Джимми — орфография. Первая поддержка, которую можно ему оказать — не наказывать его за некоторые ошибки (отмечая их, конечно), которые не имеют отношения к теме нынешнего урока. Таким образом, утонувший в грамматике ребенок сможет выплыть и как-то разобраться хотя бы в том, что проходят сейчас. При этом ему больше по силам короткие диктанты или упражнения типа «вставьте пропущенную букву» — он перестанет чувствовать себя полным ничтожеством. И еще, чтобы он не перестал любить школу, стоит несколько адаптировать для него шкалу оценок. По сути дела, за диктант он всегда будет заслуживать самой низкой оценки — меньше пяти ошибок ему никак не сделать. И таким образом все его усилия пропадают втуне, даже если он лезет из кожи вон. Можно будет проследить, есть ли у него прогресс в письме, если учитывать «число» или «процентную долю» ошибок: 25 или десять ошибок, это всяко ноль по установленным правилам, но ноль нулю рознь, и для такого ребенка десять ошибок — свидетельство прогресса. Он сам сможет

в этом убедиться. Кроме того, слово «ошибка» пробуждает слишком сильное чувство вины. Недаром оно одного корня со словом «шибеница» — «виселица» и «шибать» — «бить». Так что об ошибках случайных и не имеющие отношения к теме урока можно говорить как об «описках» и «недочетах».

Плохо читает

Но Джимми к тому же и плохо читает. Есть некоторые приемы, чтобы помочь ему окончательно не возненавидеть это дело. Не следует забывать, что текст для него — полная тарабарщина! Бесформенный набор значков. Значит, ему нужно сначала давать тексты, написанные большими буквами, через большие интервалы, четко построенные. Можно даже сканировать страницы учебников в большем формате.

А чтобы ребенок не тратил силы на поиск пути среди страниц, очень важно пометить для него абзацы. Подчеркивать строчки флюоресцентными фломастерами. Нужно неустанно заботиться о четком представлении текста: распечатывать ему упражнение так, чтобы оно целиком умещалось на странице, выбирать простой и постоянно одинаковый шрифт, чтобы он привык к нему. Нужно избегать разнообразия в подаче материала: он может не узнать знакомый текст, написанный на доске или вывешенный на стене класса. Для этого стоит дать ему тот же текст, напечатанный привычным шрифтом на бумаге.

Чтобы избавить его от насмешек одноклассников, есть смысл не вызывать его читать перед классом вслух — если, конечно, он сам не поднимет руку. Еще необходимо вслух повторять для него написанные указания. Вслух читать ему условия задачи. Ведь обидно будет, если он неправильно решит ее и получит плохую оценку по математике, оттого что плохо понял условие. Если ему плохо дается таблица умножения, пусть первое время во время выполнения заданий держит ее перед глазами.

Чтобы он все-таки продвигался в обучении, нужно заставить его максимально выкладываться на устных заданиях. Заранее ставить вопросы к тексту, перед тем, как ребенок начнет его читать. Тогда он с помощью разноцветных фломастеров сможет отметить в тексте ответы на заданные вопросы.

Чтение отталкивает такого ребенка, потому что оно ему недоступно. Значит, нужно помочь ему приручить этот мир, который пока для него загадка за семью печатями. Регулярно читайте ему дома. Скоро он будет ждать этого момента. А значит, ему это нравится! Покупайте ему аудио- и видеокнижки. Слушая и воспринимая зрительные образы, он постепенно приохотится к чтению. Очень эффективный метод также — записать на магнитофон историю, которую должен сейчас читать ребенок (очень медленно и отчетливо артикулируя) и включить одновременно с тем, как он читает.

Если возникнет необходимость дополнительных занятий дома (по согласованию с преподавателем), выбирайте самые легкие, желательно адаптированные для детей с трудностями чтения книги, в которых больше используются цвета и другие способы, облегчающие зрительную память.

Одаренный

У Улисса подобных проблем нет. Он все быстро схватывает. Может, даже слишком быстро. И тут же отвлекается — так, что его даже приходится призывать к порядку. Но его озарения лишены элемента рассуждения, лишены структуры. И чтобы помочь ему усвоить новые знания, нужно без конца просить его объяснить, как он действовал, чтобы получить правильный результат. Не забывая при этом, что ему постоянно нужно что-то новое. Значит, чтобы его «насытить», необходимо после урока допустить его к компьютеру или самим засесть с ним вместе за стол с энциклопедией для поиска дополнительной информации. И самое главное, нужно справиться с искушением залезть в программу следующего класса! Потому что тогда на следующий год он просто изойдет от скуки!

Как правило, если у одного из учеников возникают трудности, выходящие из-под его

контроля, и он начинает явно выделяться на общем фоне, главная задача — не отвратить его навеки от школы. Не так трудно протянуть ему руку помощи и оценить его усилия, его прогресс. Все знают к тому же, что дети бывают жестоки и несправедливы к сверстникам, что они склонны клеить ярлыки. Необходимо как-то пресекать насмешки и хихиканье, когда, «как обычно», получает плохую оценку тот, кто чувствует себя от этого обреченным на ничтожество.

Чтобы помочь ему разрушить сложившийся стереотип, повысить самооценку и вновь обрести самоуважение, вызовите его к доске с вопросом, в котором он точно силен, чтобы он мог удивить одноклассников. Можно также использовать систему взаимопомощи: приставить к отстающему кого-либо из сильных учеников, чтобы тот помогал ему в случае, если тот не справляется. Главное, ни в коем случае нельзя бросать на произвол судьбы ребенка, которому трудно угнаться за остальными. Подбодрите его ласковым взглядом, покажите, что, несмотря на все трудности, его примут и поймут.

Заключение: Дать им новый шанс

*Цель образования — конец образования, то есть изобретение.
«Образованная треть», Мишель Серр.*

Причины неуспеваемости весьма разнообразны. На нее могут влиять и социологические явления. Люк Ферри⁵⁰ считает, что кроме укрупнения классов, глобального подхода к обучению и роста роли телевидения существует еще четвертая причина: «Современный индивидуализм, который вызывает потерю уважения к духовному наследию и родному языку... а также влечет за собой утрату нравственных ориентиров».

Мы, врачи, идем другим путем: выявляем индивидуальные причины неуспеваемости. Причины, выходящие за рамки социального контекста. Для нас каждый ребенок — отдельная личность, со своими достоинствами и недостатками. Эти недостатки нужно быстро обнаружить. И осторожно, аккуратно исправить — «заштопать». Или, как выражается Борис Цирюльник⁵¹, «перевязать»: «В вязании будут отверстия или специальные петли, которые изменят вид изделия. Оно может снова стать красивым, теплым и прочным, но оно будет другим».

Ставки непомерно высоки. Учеба в школе и развитие человеческой личности неразрывно связаны, они постоянно переплетаются, это неизбежно. Испортив отношения со школой, ребенок ставит под угрозу отношения с людьми, с обществом. В любом случае он осложняет себе жизнь.

А между тем несколько простых правил могут предотвратить надвигающуюся катастрофу. Исключить из обихода коронную фразу «Вот можешь, когда хочешь»; вспомнить, что «успокоить могут только спокойные родители». И прежде всего как можно точнее и подробнее определить особенности ребенка. Помочь ему осознать свои трудности и «приручить» свою проблему, чтобы суметь победить ее. И даже превратить слабости в преимущества, использовать препятствия как трамплин.

И если есть какой-то секрет, вот он. Не стараться выздороветь в одночасье, как этого требуют особенно заботливые родители. Не говорить себе: «Со временем все уладится» и ждать, втянув голову в плечи, когда пройдет буря. Нет, важен путь, который пройдет ребенок. И его ежедневный труд, который мы можем сделать для него возможным и подходящим. Потому что счастье — не свет в конце туннеля, счастье здесь и сейчас.

Ребенка, которому трудно, нужно любить и понимать, он не должен быть заброшен и

⁵⁰ Люк Ферри «Как можно быть министром? Эссе об управлении демократиями».

⁵¹ Борис Цирюльник «Гадкие утята».

отвергнут. Это единственное условие, чтобы разрешить его конфликт с учебой. Чтобы примирить его со школой и с ним самим, ему нужна поддержка, протянутая рука помощи. Дома, в школе, у доктора. Иногда, чтобы успокоить утенка, достаточно лебедя...

И тогда, окруженный заботливыми взрослыми и понимающими родителями, ребенок сможет наконец двинуться вперед. Выздороветь от школьной болезни. Почувствовать себя таким же, как и все остальные дети. Вновь стартовать — с новыми силами.

То был фальстарт. Дадим ему новый шанс.

Послесловие

Я регулярно получаю весточки от Антуана, Элиота, Малика и других. Новости хорошие, хотя дети остались те же, и те же ноты порой фальшивят, но общий строй держится. Какой путь они проделали!

Они поняли, почему учиться так трудно. И поняли, что школа может не только пугать, но и подбадривать, давать некоторый стимул. Они потерялись было, но теперь нашлись. И стали достаточно сильны, чтобы лицом к лицу каждый год встречать новое и неизведанное: новую учительницу, новых друзей, новую школьную программу... короче, весь этот бесконечно обновляющийся мир, в котором, возможно, еще не знают, что неуспеваемость можно вылечить...

Приложения

1. Специализированное образование во Франции

В классы с интеграционным обучением (CLIS) «принимают детей с недостатками интеллекта, слуха или движения, которые получают таким образом возможность успешно находиться в обычной школьной обстановке и получать образование, соответствующее их возрасту, способностям, склонностям и адаптированное под степень тяжести их заболевания или расстройства». Они официально существуют с 1991 года. В каждом классе десять-пятнадцать детей с трудностями. С классами работают специально подготовленные преподаватели и воспитатели. Система насчитывала 37 тысяч учеников в 2002/2003 и 37 584 в 2004/2005.

После учебы в классах с интеграционным обучением дети попадают в «лечебно-образовательные» учреждения, которые контролирует министерство образования. Если у детей серьезные трудности с учебой и социальной жизнью, для них существуют «Секции адаптированного общего и профессионального обучения» (SEGPA) при колледжах. Дети с диагнозом «легкое отставание умственного развития» продолжают учебу по программе средней школы в «Интеграционных педагогических сообществах» (UPI). Они были созданы в 1997 году по образцу CLIS, и объединяли в 2003/2004 3200 учеников.

2. Эльза (тетрадка)

В четверг Эльза прекрасно скопировала слова, написанные на доске. В пятницу она совершенно не справилась со словарным диктантом, показав таким образом, что не может расшифровать слова, которые слышит.

Тетрадка Эльзы (картинка)

3. Итоговая конференция ANAES (Национальное агентство аккредитаций и исследований на нужды здоровья) в 1995 году:

«Только устойчивая и опасная клиническая картина депрессии, препятствующая нормальной психо-социальной жизнедеятельности и опасная для жизни пациента, при отсутствии его реакции на психотерапевтическое лечение, оправдывают назначение антидепрессантов».

Спустя десять лет, по материалам AFSASAPS (Французское агентство социального контроля над лекарствами):

«На первых порах лечение депрессии у детей и подростков предполагает психологическую помощь. Однако, хотя их назначение и не рекомендуется медиками, ваш лечащий врач в отдельных случаях может прибегнуть к помощи антидепрессанта».

4. Памятки для учителей

Дефицит внимания

- высказывать требования кратко и внятно
- терпеть минимальные проявления активности (движение в процессе работы)
- дробить занятие на небольшие промежутки времени
- сажать ребенка перед собой, ограничивать отвлекающие источники
- снисходительно относиться к помаркам (давать возможность исправить себя)
- давать дополнительное время или сокращенное задание
- отдавать предпочтение заданиям типа «вставьте пропущенное»
- во время выполнения диктанта учить делать несколько проверок: одну на заглавные буквы, одну на пунктуацию, одну на согласование в числе и так далее.
- не наказывать постоянно за забытые материалы

Дислексия и дизорфография

- не наказывать за орфографические ошибки, не имеющие отношения к теме урока
- спрашивать по возможности устно
- не вызывать читать вслух перед классом
- избавить от переписывания (по возможности делать фотокопии)
- оставлять дополнительное время на проверку задания
- позволять пользоваться текстами с автоматической проверкой орфографии
- снисходительно относиться к проблемам, возникшим при изучении английского языка
- В математике и в истории прибегать к видеоподдержке, использованию цветowych символов
- адаптировать систему оценки: например, оценивать процентное соотношение ошибок

Диспраксия

- снисходительно относиться к корявому почерку
- свести к минимуму возможные трудности в геометрии
- позволять пользоваться компьютером
- отмечать похвалой его знания, речь, рассудительность, логику
- устно затверживать с ним правила орфографии
- спрашивать по возможности устно
- назначить в помощь одноклассника, чтобы записывал ему в дневник задания

Глоссарий

Гиперактивность: неконтролируемое и беспорядочное двигательное возбуждение.

Депрессия: состояние постоянно подавленного настроения. В отличие от печали, которая полезна и необходима, депрессия не проходит.

Дизорфография: длительное нарушение усвоения правил орфографии.

Дисгармония: несоответствие в развитии разных сторон натуры ребенка.

Дислексия: длительное нарушение обучения чтению.

Диспраксия: нарушение точности и координации движений, неуклюжесть.

Дисфазия: длительное нарушение формирования речи и словарного запаса.

Когнитивно-поведенческая терапия: методики, исправляющие патологические модели поведения.

Личностные тесты: оценка душевного и аффективного состояния.

Психодрама: игра, позволяющая детям разыграть эпизоды из реальной жизни или придумать воображаемые истории, анализ которых выявит забытые воспоминания и впечатления.

Психостимуляторы: лекарства, повышающие внимание.

Раннее развитие, или одаренность: ярко выраженные интеллектуальные способности, сопровождаемые повышенной чувствительностью.

Соглашение об интеграции: договор, установленный между школой, семьей, психологами и врачами, о предоставлении ребенку адаптированного обучения.

Школьная фобия: иррациональный страх перед пребыванием в школе.

IQ: тест на интеллект.

НС, или навязчивые состояния: навязчивые идеи, осаждающие мозг ребенка, которые он часто старается успокоить с помощью более или менее странных ритуалов.